

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 17, № 3 • 2023

Тема номера:
ЕАЭС В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2023
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 17 No 3 • 2023

Topic of the Issue:
EAEU IN THE DEVELOPMENT DYNAMICS

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.ejournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2023
- © All rights reserved

 It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

---

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралӣ, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марсело́вич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPa, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHAN Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

---

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPa, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 17, № 3 2023

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю. Об ориентирах развития ЕАЭС.....	9
--	---

ГЛАВНОЕ

Ковалёв В. С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности	15
---	----

ЭКОНОМИКА

Куклина Е. А. Два трека арктического сотрудничества БРИКС.....	25
Додонов В. Ю. Перспективные направления формирования финансового суверенитета в рамках Большого евразийского партнерства	38
Мосейко В. В. Пенсионное обеспечение по старости в странах ЕАЭС.....	50
Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 2)	64
Юрова Н. В. Человеческий потенциал ЕАЭС: новые риски и возможности развития	79

ПРАВО

Кириленко В. П., Абрамова Т. А. Таможенный контроль в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительный анализ	92
Агагамедова С. А. Евразийская экономическая солидарность: обоснование с позиций судебной практики.....	101
Парамузова О. Г. Международно-правовые регулирования проблемы защиты окружающей среды от радиоактивного загрязнения	109
Чимаров Н. С., Чимаров С. Ю. Институт медиации в законодательстве Республики Казахстан: перспективы региональной адаптации	120

ПОЛИТИКА

Титович А. М., Торопыгин А. В. Внерегionalное влияние на развитие экономической интеграции в регионе АСЕАН.....	129
Вульфович Р. М. Россия и Китай: перспективы развития городских агломераций	140
Иванников Н. С., Чулаби Д. Г. Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС	150
Калашникова Н. П., Байтуреева К. А. Нациестроительство в Казахстане: этноконфессиональные контексты	159
Пахомова М. А. Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае	168
Цинчжо Чи, Нуртазина Р. А. Глобализация и китайская культура (по работам китайских ученых).....	179

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»	188
---	-----

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 17, No. 3 2023

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Yu. Glazyev

On the Guidelines for the EAEU Development 9

MAIN

Vladimir S. Kovalev

EAEU and China: Partnership in the Self-sufficiency Interests..... 15

ECONOMICS

Evgeniya A. Kuklina

Two Tracks of BRICS Arctic Cooperation 25

Vyacheslav Yu. Dodonov

Advanced Directions for the Financial Sovereignty Formation within the Framework
of the Great Eurasian Partnership 38

Victoria V. Moseiko

Old-age Pension Provision in the EAEU Countries 50

Gennady G. Rubtsov, Oleg N. Misko

Instruments of Social Policy of the Eurasian Economic Union (Part 2) 64

Natalia V. Yurova

EAEU's Human Potential: New Risks and Opportunities for Development 79

LAW

Viktor P. Kirilenko, Tatyana A. Abramova

Customs Control in the Eurasian Economic Union and the European Union: the Comparative Analysis 92

Saniyat A. Agamagomedova

Eurasian Economic Solidarity: Justification from the Standpoint of Judicial Practice 101

Olga G. Paramuzova

International Legal Regulation of the Problem of Protecting the Environment from Radioactive
Contamination 109

Nikolai S. Chimarov, Sergey Yu. Chimarov

The Institution of Mediation in the Legislation of the Republic of Kazakhstan: Prospects for Regional
Adaptation 120

POLITICS

Adam M. Titovich, Andrey V. Toropygin

Extra-Regional Influence on the Development of Economic Integration in the ASEAN Region..... 129

Revekka M. Vulfovich

Russia and China: Prospects for the Development of Urban Agglomerations 140

Ivannikov N. S., Chulabi D. G.

Economic and Political Factors Affecting the Rapprochement of Iran and the EAEU 150

Natalia P. Kalashnikova, Klara A. Baitureyeva

Nation-Building in Kazakhstan: Ethno-Confessional Contexts..... 159

Maria A. Pakhomova

The Specifics of the State-Business Relations in Modern China 168

Qingzho Chi, Roza A. Nurtazina

Globalization and Chinese Culture (Based on the Works of Chinese Scientists) 179

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical
journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 188

Об ориентирах развития ЕАЭС

В обращении Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членом Евразийского экономического союза раскрыты стратегические приоритеты российского председательства, позволяющие реализовать потенциал ЕАЭС в условиях новых реалий. Поставлена задача по подготовке новых документов долгосрочного планирования, определяющих основные векторы интеграционного взаимодействия до 2030 и 2045 гг. В порядке ее выполнения сейчас осуществляется кропотливая работа по проекту Основных направлений экономического развития Союза до 2035 г., в котором учтены национальные стратегические приоритеты и на их основе обоснованы общие задачи, подкрепленные конкретными инструментами реализации. При этом предполагается исчерпывающее выполнение Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, а также подтягивание развития ЕАЭС к целевому сценарию Основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года.

Напомню, развитие ЕАЭС опирается на широкий нормативный базис: Договор о Союзе от 29 марта 2014 г. и множество разноуровневых документов обязательного, рекомендательного и информационного характера. Среди них есть и ряд прогнозных документов, горизонты которых охватывают рубежи 2024, 2025, 2030 и 2035 гг. Документа стратегического прогнозирования, характеризующего прогнозные ожидания до 2045 г., до сих пор не было. Целесообразность его разработки была продиктована рядом обстоятельств.

Во-первых, наличие прогнозов на минимальный долгосрочный период является нормальной и хорошо разработанной практикой современных интеграционных образований, международных организаций и многих государств, формирующих видение и на более длинные интервалы, за пределы 2060 г. и далее.

Во-вторых, евразийская интеграция предполагает достижение ключевых классических «четырёх свобод», дополненных «свободой знаний», а также других целей Союза в ближайшие 5–10 лет. Между тем реализуемые и проектируемые интеграционные проекты между государствами-членами и в рамках Союза имеют более долгосрочные жизненные циклы. Это касается многих проектов в области энергетики, транспорта, промышленности, пространственного развития. Формирование портфеля интеграционных, национальных и корпоративных проектов требует их эффективной увязки и координации, тем более в условиях ограниченности финансовых ресурсов при текущей денежно-кредитной политике.

В-третьих, в рассматриваемый период на кризисном фоне произойдет переход ведущих государств мира к новому технологическому и новому мирохозяйственному укладам. Сложатся новые конфигурации международного разделения труда, глобальные и региональные экосистемы, новые научно-технологические и производственные платформы, новые условия мировой торговли, новые конфигурации потоков капитала, ресурсов, рабочей силы, продукции, информации. Наибольшие преимущества в новом миропорядке получат те, кто сможет наиболее умело и быстро распорядиться имеющимися ресурсами и создать новые, прежде всего в сфере социально-демографического, человеческого развития с учетом феноменального роста предвидимых возможностей систем искусственного интеллекта, биогенетической инженерии, форм организации и управления, рисков безопасности.

В-четвертых, обострение международных отношений, актуализация тлеющих и формирование новых очагов и пространств конфликтности, широкое использование санкционных мер, других методов дискриминации в экономических взаимодействиях вызывает принудительное реформирование

ранее сложившихся форматов экономического, финансового и технологического сотрудничества. Все больше государств начинают стремиться к обретению большего суверенитета в валютно-финансовой, экономической и институциональной сферах, в том числе и в разработке сценариев собственного развития. Важно также иметь в виду, что разрабатываемые рядом международных организаций прогнозы тяготеют к сознательному занижению ожидаемых показателей развития всех государств ЕАЭС, ШОС, БРИКС, равно как и к завышению перспектив западных стран.

Текущие политические события усугубляют нестабильность мировой экономики: финансовый рынок вошел в состояние турбулентности, которое будет продолжаться вплоть до краха финансовых пирамид деривативов государственных и частных обязательств. Финансовые спекуляции охватывают рынок биржевых товаров, усугубляя макроэкономическую нестабильность и хаотическое разрушение кооперационных связей. Усиливается волатильность цен на сырьевые товары и продовольствие. Рост цен на энергоносители за последние три года был самым значительным со времен нефтяного кризиса 1973 г. Сохраняющаяся неопределенность долгосрочной динамики цен на основные товары экспорта государств ЕАЭС создает значительные риски для поддержания экономического роста. Резкие неожиданные колебания обменных курсов национальных валют снижают доверие граждан к государственным структурам и создают риски разрушения глобальной устойчивости. Срывается достижение ЦУР ООН.

На этом фоне переход к новому мирохозяйственному укладу (МХУ) соответствует интересам устойчивого и гармоничного развития человечества, предусматривая примат общественных интересов над частными. Он проявляется в государственном контроле над основными параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство в новом МХУ выступает системным интегратором разнонаправленных социально-экономических интересов. Наряду с качествами правового, социального, демократического оно приобретает свойства умного, справедливого, ответственного и нравственного государства развития. Восстанавливается значение национального суверенитета, на основе которого возродится система международного права. Особое значение приобретают моральные ценности, устанавливающие пределы произвола частного капитала и государственной бюрократии. По этим признакам новый МХУ назван интегральным, в отличие от предшествующего ему имперского, в котором каждый из двух соперничавших мировых центров выстраивал свою зону влияния по своему образу и подобию, внедряя универсальные институты и производственные отношения.

Долгосрочную макроэкономическую стабильность государств и их объединений, ориентированных на суверенное развитие, обеспечивает политика целевого кредитования инвестиций. Возникает круг позитивных зависимостей экономического процветания: расширение целевого кредитования инвестиций и инноваций — повышение технического уровня, эффективности производства и качества товаров — снижение издержек и цены единицы потребительского эффекта — повышение конкурентоспособности экономики и долгосрочная стабилизация обменного курса национальной валюты — снижение инфляции — рост реальных доходов населения — увеличение сбережений — рост инвестиций...

Центральные банки стран нового МХУ продолжают наращивать кредитную эмиссию по каналам рефинансирования государственных банков и институтов развития под инвестиционные потребности модернизации и расширения производства, заявляемые в индикативных планах правительства, провинций, городов и корпораций. Создаваемые в этих целях финансовые инвестиционные платформы позволяют снизить риски и обеспечить направление эмитируемых кредитных ресурсов в развитие перспективных производств в соответствии с государственными приоритетами. Внедрение цифровых денежных инструментов позволяет качественно повысить эффективность государственного регулирования денежного обращения, обеспечивая строго целевое использование кредитов, эмитируемых центральными банками для максимизации инвестиционной и инновационной активности. Создание цифровых валютных инструментов способствует прозрачности и надежности международных платежно-расчетных отношений.

Вследствие структурных изменений мировой экономики возрастает значение региональных экономических объединений. Разрушение системы международного права стимулирует страны нового МХУ к созданию региональных экономических союзов и партнерств, в рамках которых возможно выстраива-

ние доверительных взаимовыгодных отношений. Сопряжение ЕАЭС и «Одного пояса — одного пути», формирование сети преференциальных торгово-экономических соглашений ЕАЭС с Индией, Ираном, странами СНГ, АСЕАН и Ближнего Востока с выстраиванием инфраструктуры такого сотрудничества создают условия для формирования Большого евразийского партнерства, которое может стать основой нового мирохозяйственного уклада.

На практике, однако, сталкиваемся с тем, что разработанные планы развития Союза на среднесрочный и долгосрочный периоды не в полной мере учитывают даже имеющиеся прогнозы. Система долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования ЕАЭС находится пока на начальном уровне.

В ЕАЭС разработан ряд документов прогнозного характера: Долгосрочный прогноз экономического развития ЕАЭС до 2030 года; Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года; Основные ориентиры макроэкономической политики государств — членов ЕАЭС до 2023 года. Указанные и некоторые другие документы, как правило, носят информационный характер, исходят из посылов инерционного сценария, не предлагая действенных инструментов по преодолению фактически сложившегося статус-кво.

Разработка прогнозных ожиданий на период более 15 лет отличается от краткосрочного прогнозирования, тем более применительно к рассматриваемому интервалу фундаментальных трансформаций. Основные отличия сводятся к тому, что (1) это будет по преимуществу качественное видение возможного состояния ЕАЭС в 2045 г.; (2) это видение должно компактно отражать существенные характеристики интеграционной системы; (3) возможных состояний ЕАЭС может быть несколько, к ним ведут различные траектории; (4) на траектории и на достижимые состояния оказывают влияние внутренняя и внешняя динамика, пройденный путь и принимаемые (или нет) управленческие решения.

Охарактеризовать будущие состояния ЕАЭС и мира можно исходя из необозримого набора критериев. Однако существенность прогнозным оценкам придает опора на базовые характеристики мировой динамики и объекта прогноза. Это, прежде всего, демография, экология, технологии, ресурсы, транспортная сеть, финансово-экономическая система. По темповым параметрам сложилась традиция формулировать средний (инерционный, как правило — экстраполяционный) сценарий и два предельных по максимальным и минимальным значениям. Для более конкретизированных оценок, тем более на длительных периодах, могут формироваться более развернутые спектры сценариев.

Баланс жизненно важных интересов государств-членов создает в целом проинтеграционные установки и практики. ЕАЭС выполняет консолидирующую роль в мозаике постсоветских объединяющих структур (СНГ, ОДКБ и др.). Полтора десятилетия успешного функционирования первого на постсоветском пространстве наднационального органа регулирования, которым на основе консенсуса принято около десяти тысяч решений, обязательных для исполнения государствами-членами, доказывает доминирование общих интересов в функционировании и развитии экономики, а также глубокое понимание общности как исторической судьбы народов ЕАЭС, так и целей интеграции.

Имеющиеся в ЕАЭС методологические и методические разработки позволяют делать научно обоснованные оценки и глобальной ситуации, и проблем и перспектив развития государств — членов ЕАЭС. Накоплен успешный опыт таких работ, результаты которых вносят вклад в формирование новой научной парадигмы мирового развития. Эти работы получили достаточное признание. Однако не удается согласовать увеличение числа показателей финансовой устойчивости государств-членов, создание общей системы рейтингов кредитных рисков, оценок потенциалов выпуска продукции, индикаторов научно-технического потенциала. Нет консенсуса в отношении внедрения общих методик статистических наблюдений экономической активности в целом и в отдельных сферах, а также в делегировании ЕЭК полномочий по проведению самостоятельных статистических наблюдений.

Для реализации открывающихся возможностей подъема на «волне» роста нового технологического уклада государствам ЕАЭС требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала, позволяющий сконцентрировать имеющиеся ресурсы на перспективных направлениях модернизации и развития экономики. Его организация предполагает повышение нормы накопления с нынешних 18–20% до 35–40% ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях роста

нового ТУ и модернизации экономики на его основе. Источником финансирования таких инвестиций может стать целевая кредитная эмиссия, организуемая денежными властями в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами. О целесообразности перехода к целеориентированной на рост инвестиций денежно-кредитной политики свидетельствует охарактеризованный выше опыт стран, успешно использовавших окно возможностей для технологического рывка — все они прибегали к политике финансового форсажа, увеличивая в разы объем кредитования перспективных направлений экономического роста. Их центральные банки по сути становились банками развития, эмитируя необходимое количество денег для реализации централизованно спланированных инвестиционных проектов и программ.

Переход к общепринятой в странах ядра нового МХУ денежно-кредитной политике, включающей валютные ограничения на трансграничные операции с капиталом, а также регулирование ставки процента исходя из целей повышения инвестиционной активности, остановит вывоз капитала и даст возможность расширения внутреннего кредита реальному сектору экономики. Расширение кредитования обеспечит вовлечение простаивающих производственных мощностей, незадействованного научно-технического потенциала, вывозимых за рубеж природных ресурсов в процесс расширенного воспроизводства экономики. Возможности неинфляционной ремонетизации экономики государств ЕАЭС оцениваются на уровне до 25–30 трлн руб. в год, что позволяет к 2035 г. выйти на характерные для развитых стран показатели мощности финансового сектора, соответствующие целевому объему ВВП. Расшивка общих для всех государств ЕАЭС «узких мест» финансирования инвестиционной и инновационной деятельности позволит достигнуть и удержать в долгосрочной перспективе установленные главами государств основные ориентиры макроэкономической политики на 2021–2023 гг. на уровне 4,5–5,5% ежегодного прироста ВВП.

Чтобы обеспечить полновесное перспективное становление ЕАЭС по всем контурам, необходимо опираться на единственный — опережающего развития — сценарий. Все другие сценарии, очевидно, не соответствуют целевым ориентирам долгосрочного развития ЕАЭС, вытекающим из установленных Договором целей его развития, так и установкам глав государств в отношении развития экономики и углубления интеграции ЕАЭС.

Сценарий опережающего развития предусматривает ускорение развития и модернизацию экономики на основе форсированного становления базисных производств нового технологического уклада, скорейший вывод экономики на связанную с ним длинную волну роста, а также перестройку системы управления экономическим развитием на основе использования институтов, механизмов и инструментов экономического развития нового мирохозяйственного уклада. Для его осуществления необходимо создание системы стратегического управления долгосрочным развитием экономики государств-членов и ЕАЭС в целом, включающей следующие составляющие:

- создание целостной системы стратегического планирования экономическим развитием государств-членов и Союза в целом, ориентированной на цели опережающего экономического роста и повышения благосостояния населения;
- повышение эффективности управления развитием интеграции за счет формирования системы прогнозирования и стратегического планирования научно-технологического и экономического развития Союза, создание системы реализации совместно формируемых планов, программ, проектов и устанавливаемых приоритетов;
- разработка и реализация стратегии опережающего развития ЕАЭС на основе нового технологического уклада;
- ориентация денежно-кредитной политики на создание благоприятных условий для максимизации инвестиционной активности и расширения производства, включая стабилизацию обменных курсов национальных валют;
- рост инвестиций в основной капитал за счет расширения внутреннего кредита, использования специальных инструментов рефинансирования коммерческих банков и институтов развития, пресечения утечки капитала, реализации совместных программ и проектов;
- совершенствование системы валютного регулирования в целях прекращения оттока капитала;

- создание единого биржевого пространства ЕАЭС, формирование механизмов ценообразования в национальных валютах;
- создание независимой от третьих стран инфраструктуры платежно-расчетных операций, включающей собственные системы обмена банковской информацией, оценки кредитных рисков, котировки курсов обмена валют, а также использование цифровых валютных инструментов;
- увеличение расходов на науку (до 5% ВВП), образование (до 15%), здравоохранение (до 20%) и культуру (до 10%) до уровня передовых стран;
- перенос бремени налогообложения с производства добавленной стоимости на рентные сверхдоходы, в том числе введение единого экспортного тарифа ЕАЭС, пропорционального уровню мировых цен, углеродоемкости и энергоемкости сырьевых товаров;
- пересмотр бюджетного правила с целью направления нефтяных и других конъюнктурных сверхдоходов государственного бюджета на финансирование инвестиций в развитие экономики, включая реализацию инфраструктурных проектов с интеграционным эффектом;
- всемерное стимулирование инновационной активности, в том числе посредством создания разветвленной сети венчурного финансирования и льготного кредитования инновационных проектов, ускоренной амортизации, освобождения расходов на НИОКР от налогообложения;
- поощрение капиталовложений в углубление переработки сырья, увеличение производства товаров с высокой добавленной стоимостью, проведение активной промышленной политики;
- широкое внедрение комплекса передовых технологий в сельском хозяйстве, обеспечение продовольственной безопасности;
- создание механизма реализации приоритетных направлений развития ЕАЭС посредством целевых программ и инвестиционных проектов, включая разработку и осуществление рамочной программы научно-технического сотрудничества, проектов-символов евразийской интеграции, инфраструктурных проектов; формирование в этих целях бюджета развития ЕАЭС, в том числе за счет отчислений от экспортных пошлин;
- увеличение внутреннего кредита посредством механизмов рефинансирования банковской системы, развития финансового рынка, кредитных организаций, институтов развития, включая широкое использование специальных инструментов рефинансирования коммерческих банков в целях реализации инвестиционных проектов и увеличения выпуска отечественных товаров;
- кардинальное повышение возможностей институтов развития ЕАЭС за счет их рефинансирования центральными (национальными) банками, многократное увеличение их капитализации и расширение мандатов;
- создание специализированных институтов и механизмов развития в целях опережающего развития отстающих регионов и содействия конвергенции государств-членов;
- развертывание механизмов стимулирования производственной кооперации между предприятиями различных государств ЕАЭС, включая субсидирование процентных ставок по привлекаемым в этих целях кредитам за счет отчислений от антидемпинговых пошлин;
- развертывание инфраструктуры финансового рынка ЕАЭС, включающей собственные рейтинговые агентства, оценочные, консалтинговые и аудиторские компании, лизинговые и экспортные агентства, фонды прямых инвестиций и взаимные фонды.

Формирование соответствующей новому МХУ системы управления развитием экономики, включающей перечисленные выше составляющие, позволит обеспечить:

- опережающее экономическое развитие государств-членов и ЕАЭС в целом по отношению к мировой экономике с темпом от 4,5 до 8% ежегодного прироста ВВП (средние темпы экономического роста ЕАЭС в целом составят 5%);
- поступательное наращивание инвестиционной активности с ежегодным темпом прироста инвестиций в основной капитал от 10 до 20%, поддержание нормы накопления на уровне 27–35% ВВП;

- повышение инновационной активности предприятий до уровня передовых стран, утроение доли расходов на НИОКР в ВВП;
- рост реальных доходов населения не менее чем на 4% в год, снижение их дифференциации и социального неравенства;
- обеспечение макроэкономической стабильности, включая стабилизацию обменных курсов национальных валют и удержание годовой инфляции не выше 5%;
- кардинальное повышение связанности экономик государств-членов за счет развития производственной кооперации и научно-технического сотрудничества;
- обеспечение самодостаточности и независимости государств — членов ЕАЭС по критическим товарам, услугам и технологиям, достижение технологического суверенитета;
- резкое увеличение доли конечной продукции с высокой добавленной стоимостью в производстве и экспорте;
- конвергенцию государств — членов Союза за счет более высоких темпов экономического развития регионов ЕАЭС с низким уровнем развития;
- повышение доли ЕАЭС в мировой экономике с 3,5% в 2022 г. до 4,8%, а в ШОС до 10,1% в 2035 г.;
- увеличение стоимостных объемов взаимной торговли не менее чем на 50%, увеличение доли взаимной торговли в общем объеме торговли в три раза, увеличение объема совместных инвестиций не менее чем в тридцать раз — в результате наращивания производственно-технологической кооперации предприятий, а также синергии научно-технических потенциалов государств — членов Союза, реализации совместных целевых программ и инвестиционных проектов;
- увеличение доли неэнергетического экспорта и сокращение доли импорта готовой продукции в структуре внешней торговли;
- реализации совместных инфраструктурных, промышленных, инновационных и других проектов, одобренных органами ЕАЭС;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни на пять лет.

Реализация сценария опережающего развития на основе новых технологического и мирохозяйственного укладов позволяет ЕАЭС стать частью нового центра развития мировой экономики, войдя на равных в формирующийся в настоящее время азиатский вековой системный цикл накопления капитала.

Главный редактор
Сергей Глазьев

ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности

Ковалёв В. С.

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

e-mail: v.kovalev@eecommission.org

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на осмысление актуального состояния торгово-экономического сотрудничества государств — членов Евразийского экономического союза и Китая и выработку прогрессивного подхода к его дальнейшей интенсификации за счет интеграционных преимуществ ЕАЭС.

Цель. Предложить новый формат более глубокого экономического взаимодействия ЕАЭС и КНР с учетом современного этапа глобального и регионального развития.

Задачи. Оценить текущее состояние сотрудничества государств — членов ЕАЭС и КНР с акцентом на торгово-экономическую сферу, выделить его сильные и слабые стороны. Проанализировать практические примеры реализации двусторонних и многосторонних проектов. Сформулировать наиболее перспективные направления углубления партнерства ЕАЭС и Китая, структурировать и обобщить их. Предложить эффективный способ комплексного правового оформления нового формата сотрудничества.

Методы. Применены различные общенаучные и специальные методы научного познания, среди которых можно выделить анализ, синтез, дедукцию, индукцию, аналогию, а также описательный, системно-функциональный и институциональный методы. Особое значение имел сравнительно-правовой (компаративистский) метод.

Результаты. На основе проведенного анализа сформировано комплексное представление об имеющихся модальностях сотрудничества государств — членов ЕАЭС и КНР. Сделаны заключения относительно реализуемой в настоящее время модели сопряжения евразийской интеграции и «Одного пояса — одного пути». Выделены наиболее перспективные сферы приложения совместных усилий сторон, а именно инвестиционное партнерство, сотрудничество в финансовой и транспортно-логистической сферах, кооперационные проекты в области высоких технологий. Представлен механизм правовой регламентации (двухуровневая модель сопряжения) перевода сотрудничества ЕАЭС и КНР на качественно новый институциональный уровень.

Выводы. Трансформация модели сопряжения евразийской интеграции и «Одного пояса — одного пути» от формата «5+1» к формату «1+1» на основе предложенного подхода будет способствовать формированию нового измерения сотрудничества ЕАЭС и КНР: партнерства в интересах самодостаточности.

Для цитирования: Ковалёв В. С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 15–24.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>

EAEU and China: Partnership in the Self-sufficiency Interests

Vladimir S. Kovalev

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

e-mail: v.kovalev@eecommission.org

ABSTRACT

This study is aimed at understanding the current state of trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union member states and China and developing a progressive course towards its further intensification through integration advantages of the EAEU.

Aim. Offer a new format for deeper economic cooperation between the EAEU and the PRK in accordance with the current global and regional development situation.

Tasks. Assess the current state of cooperation between the EAEU member states and the PRC, with an emphasis on the trade and economic sphere, and highlight its strengths and weaknesses. Analyze practical examples of the implementation of bilateral and multilateral projects. Formulate the most promising areas for deepening partnership between the EAEU and China, structure and summarize them. Offer an effective way of comprehensive legal regulation of The new format of cooperation.

Methods. Various general scientific and special methods are used, among which are analysis, synthesis, deduction, induction, analogy, as well as descriptive research, system-functional and institutional methods. The comparative legal method was of particular importance.

Results. Based on the analysis, a comprehensive understanding of the existing directions of cooperation between the EAEU member states and the PRC is submitted. Conclusions are drawn regarding the current model of conjugation of the Eurasian integration and the “One Belt — One Road” initiative. The most promising areas for joint efforts of the parties have been identified: investment partnership, cooperation in the financial and transport and logistics spheres, cooperation projects in the field of high tech. A mechanism of legal regulation (two-level conjugation model) for transferring cooperation between the EAEU and China to a new institutional level is presented.

Conclusions. Transformation of the model of conjugation of the Eurasian integration and the “One Belt — One Road” initiative from the «5+1» format to the «1+1» format will contribute to the formation of a new dimension of cooperation between the EAEU and the PRC: Partnership in the Self-sufficiency Interests.

For citing: Kovalev V. S. EAEU and China: Partnership in the Self-sufficiency Interests // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 15–24. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>

Введение

Современный миропорядок претерпевает изменения. Происходит объективный переход от универсального глобализма к прагматичному новому регионализму, основанному на четком целеполагании. При этом под регионализмом понимается не только географический принцип, но и схожесть ориентиров и смыслов в различных измерениях сотрудничества, сопоставимость подходов и взаимодополняемость стратегий социально-экономического развития. Сами же механизмы взаимодействия приобретают большую гибкость, предполагая участие в работе разноуровневых акторов и институтов. Данный тренд в достаточной степени отражает перспективы будущего, более продвинутого взаимодействия государств — членов Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики (КНР).

Страны Евразийского союза (ЕАЭС, Союз) традиционно имеют высокий уровень двусторонних политических отношений с КНР.

«Китай и Россия — крупнейшие соседи, стратегические партнеры всеобъемлющего взаимодействия, ведущие мировые державы и постоянные члены Совета Безопасности ООН. Обе страны проводят независимую и самостоятельную внешнюю политику, рассматривают отношения между Китаем и Россией как один из главных приоритетов в дипломатии», — такими словами недавно охарактеризовал российско-китайские отношения Председатель КНР Си Цзиньпин¹.

¹ Упорно двигаться вперед, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России. Си Цзиньпин. Авторская статья для российских СМИ [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты». 20.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/uporno-dvigatsia-vpered-k-novym-perspektivam-druzhby-sotrudnichestva-i-sovmestnogo-razvitiia-kitaia-i-rossii.html> (дата обращения: 10.07.2023).

15 сентября 2022 г. в г. Самарканде лидерами Беларуси и Китая была подписана совместная Декларация об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. «Редко с каким государством Китай имеет такой уровень сотрудничества. Мы это очень ценим, понимая, что такое гигантский Китай и наша Беларусь. Мы в последние десятилетия были надежным другом китайского народа. Так будет всегда. Не только потому, что я — Президент в Беларуси. И другие президенты будут придерживаться этой линии, потому что это уже внутри нашего народа. Наш народ, особенно в период санкционного давления со стороны Запада, увидел, кто есть кто, и смог оценить дружбу белорусского и китайского народов», — заявил Президент Беларуси Александр Лукашенко в интервью китайским СМИ в канун своего государственного визита в КНР 28 февраля — 2 марта 2023 г.¹ Такой уровень взаимодействия стал результатом более чем 30-летней последовательной работы, начало чему было положено подписанием Соглашения об установлении дипломатических отношений двух стран 20 января 1992 г. «Всепогодность» нынешнего этапа двусторонних отношений подразумевает их абсолютную неподверженность влиянию сил извне.

Центральноазиатские республики, среди которых входящие в ЕАЭС Казахстан и Кыргызстан, а также обладающий статусом государства-наблюдателя при Союзе Узбекистан, выстраивают тесное взаимодействие с Китаем как с политико-географической, так и сугубо с прагматичной точки зрения. Обе причины имеют определяющее значение для всех партнеров: для кого-то в большей, а для кого-то в меньшей степени. Важным подтверждением данного нарратива стал впервые прошедший в г. Сиане 18–19 мая 2023 г. саммит «Китай — Центральная Азия».

Солидный, хотя, конечно же, не такой объемный по наполнению багаж сотрудничества с КНР есть и у Республики Армения.

Модальности двустороннего взаимодействия стран ЕАЭС с Китаем на сегодняшний день имеют как схожие черты, так и существенные отличия, а иногда даже и противоречия. Они детерминируются разными масштабами экономик, геополитическими интересами и многими другими факторами. Если посмотреть на вопрос системно, то сегодняшнее сотрудничество Евразийского экономического союза и Китая однозначно строится по принципу «5+1», со всеми присущими ему плюсами и минусами, коих немало.

Однако лидерами государств — членов Союза и КНР несколько лет назад была дальновидно сформулирована идея сопряжения евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс — один путь» (ОПОП). Такой посыл содержится в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. и в подписанном в его развитие Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и КНР от 17 мая 2018 г., а также регулярно включается в различные двусторонние заявления, программы действий и иные документы стран Союза с КНР. И если ОПОП является хоть и многосторонним по своей направленности, но исключительно китайским по идее и ее реализации проектом, то институциональным воплощением евразинтеграции выступает уже сам Евразийский экономический союз, которому переданы конкретные наднациональные и координирующие полномочия в экономической сфере. Таким образом, наиболее логичным вариантом продвинутого сопряжения должен стать формат «1+1», где ЕАЭС выступает как организация, с единых позиций [1]. Разработка механизма такого сопряжения, в свою очередь, позволит на качественно новом уровне подойти к вопросу создания Большого Евразийского партнерства и наполнить его не только геополитическим, но и геоэкономическим содержанием.

Так какие же перспективы открываются в данном измерении сотрудничества, для чего это может быть полезно сторонам процесса и, что самое главное, какие экономические и правовые инструменты необходимо задействовать для достижения искомого результата?

¹ Интервью Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко китайским СМИ [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь (сайт). 23.02.2023. URL: <https://president.gov.by/ru/events/intervyu-kitayskim-smi> (дата обращения: 10.07.2023).

«Все подготовлено, не хватает лишь восточного ветра»*(万事俱备，只欠东风) — китайская мудрость*

2023 г. уже ознаменован значительным политическим символизмом в отношениях ЕАЭС и Китая: за прошедшие полгода состоялись государственные визиты Председателя КНР Си Цзиньпина в Российскую Федерацию (свой первый зарубежный визит после переизбрания на третий срок лидер Китая нанес именно в г. Москву, повторив практику 2013 г.) и Президента Беларуси Александра Лукашенко в КНР, а также визиты Председателя Правительства России Михаила Мишустина и Председателя Совета Федерации Федерального Собрания России Валентины Матвиенко в Китай. Прошли и двусторонние встречи Президентов Казахстана К.-Ж. Токаева и Кыргызстана С. Н. Жапарова с Председателем КНР. Отдельно необходимо отметить участие Си Цзиньпина (хоть и в формате видеообращения) в пленарном заседании II Евразийского экономического форума в г. Москве, где он подчеркнул: «Будучи членом евразийской семьи, Китай не может развиваться вне евразийского региона, при этом развитие Китая приносит пользу всему региону»¹.

Это действительно так. Китай является ключевым торговым партнером для всех стран Евразийского экономического союза и ЕАЭС в целом. По итогам 2022 г. объем товарооборота государств — членов ЕАЭС с КНР фактически достиг 220 млрд долл., увеличившись более чем на 30% по сравнению с 2021 г. и в 2,8 раза по сравнению с 2015 г. А за январь — апрель 2023 г. взаимная торговля ЕАЭС и КНР добавила еще порядка 24% (к аналогичному периоду предыдущего года). На Китай приходится примерно четверть во внешнеторговом обороте Союза, при этом данное значение поступательно увеличивается (в 2015 г. — 13,6%). Доля КНР во внешнеторговом обороте Кыргызстана в 2022 г. составила 56,7%, Казахстана — 22,7%. Для России Китай уже на протяжении 13 лет является крупнейшим торговым партнером (по итогам 2022 г. — более 190 млрд долл. взаимного товарооборота, доля — примерно 24%). Торговля Беларуси и Китая за прошедший год достигла рекорда в 5,8 млрд долл., это второй показатель среди торговых партнеров республики (1-е место — у РФ). На торговлю с Китаем приходится 19,6% внешнего товарооборота и у Республики Армения².

При всем этом стоит сразу обратить внимание на то, что для Китая (экспортера номер один в мире с 2009 г.) ЕАЭС обладает меньшим количественным значением. По итогам 2022 г. на долю Союза пришлось около 2% всех китайских поставок за рубеж и 3% совокупного товарооборота Китая со всеми странами (ЕАЭС находится в районе 10-го места в рейтинге торговых партнеров Китая). А на долю крупнейших «блоковых» контрагентов (АСЕАН и ЕС) приходится 15,5% и 13,4% внешнего товарооборота КНР соответственно³. Данная оговорка приведена здесь (аналогичные будут встречаться по тексту и далее) неслучайно. Оценивая экономические взаимоотношения и моделируя их перспективы, важно быть максимально объективными, четко оценивать свою роль, ресурсы и возможности в работе с партнером.

Президент России Владимир Путин в своей мартовской статье для китайского издания «Жэньминь Жибао» «Россия и Китай — партнерство, устремленное в будущее» назвал торгово-экономическое партнерство одним из основных приоритетов сторон⁴. Несмотря на кажущуюся шаблонность данного тезиса, следует искать в нем более глубокое содержание. Еще в 2019 г. эксперты отмечали, что практическое торгово-экономическое сотрудничество России и Китая отстает от политического компонента [5]. За прошедший период ситуация трансформировалась (причем речь и о политике, и об экономике), но не линейно, еще больше усложнив имеющийся ландшафт.

¹ Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия пленарного заседания 2-го Евразийского экономического форума и выступил с речью [Электронный ресурс] // МИД КНР (официальная страница). 25.05.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202305/t20230526_11084228.html (дата обращения: 13.07.2023).

² По данным статистики ЕЭК, национальных статистических служб государств — членов ЕАЭС и открытых источников, например: *Мария Друк*. Товарооборот Беларуси и Китая в 2022 году достиг 5,8 млрд долларов — за счет чего и какие планы на 2023-й? Большие перспективы восточного партнерства [Электронный ресурс] // SB.BY (Беларусь сегодня). 18.03.2023. URL: <https://www.sb.by/articles/bolshie-perspektivy-vostochnogo-partnerstva.html> (дата обращения: 07.07.2023).

³ По данным Главного таможенного управления (ГТУ) КНР.

⁴ Статья Владимира Путина в «Жэньминь Жибао»: Россия и Китай — партнерство, устремленное в будущее [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 19.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70743> (дата обращения: 13.07.2023).

По итогам 2022 г. более 75% товарной номенклатуры в торговле России и Китая пришлось на энергоресурсы, это стало важнейшей точкой роста двусторонней торговли¹. Сопоставимая доля минеральных продуктов содержится и в экспорте иных стран Союза в Китай. А в импорте из Китая лидирующие позиции занимали машины, оборудование и транспортные средства (55,4% от общего объема импорта ЕАЭС из Китая), продукция химической промышленности (15,7%), текстиль, текстильные изделия и обувь (10,1%). Китайский импорт фактически полностью перекрыл аналогичные поставки из ЕС, Японии и ряда других стран². Ситуация неоднозначная. Не делает ее более выигрышной и невиданный ранее профицит торгового баланса. С одной стороны, переориентация экспортных и импортных товарных потоков на китайское направление стала вынужденной мерой. Однако покупать технологии за рубежом как «в своего рода супермаркете готовых решений»³ больше не имеет никакого смысла как на Западе, так и на Востоке, это понимают все. Необходимо немедленно направлять все имеющиеся усилия на повышение качества экономического взаимодействия.

Китай обладает огромным инвестиционным потенциалом. Так, запасы прямых иностранных инвестиций из страны составляют 2,6 трлн долл. (3-е место в мире), в страну — 2 трлн долл. (4-е место в мире). Однако на сегодняшний день ЕАЭС занимает скромное место среди инвестиционных партнеров Китая. Несмотря на рост запасов инвестиций из ЕАЭС в КНР за 2015–2021 гг. в 1,7 раза, они выросли всего до 604 млн долл. Накопленные инвестиции из Китая в государства — члены ЕАЭС за тот же период росли быстрее и в 2021 г. составляли 9,3 млрд долл. Но все же эта цифра составляет менее чем полпроцента от всех прямых иностранных инвестиций КНР (опять же приводим этот факт для объективности оценок). Тем не менее в последние годы потоки инвестиций из Китая в ЕАЭС стали расти. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. они выросли на 42%. Основными реципиентами инвестиций из Китая являются Казахстан (около 60%) и Россия (36%)⁴. При этом оценивать инвестиции КНР в Центральноазиатский регион следует с оговоркой о большой долговой нагрузке (например, более половины выплат по внешнему долгу Кыргызстана приходится на китайские кредиты⁵).

Посмотрим на то, какие конкретные проекты реализуются. Например, Россия и Китай уделяют большое внимание сотрудничеству в транспортно-логистической и инфраструктурной областях. Речь идет о масштабных «Силе Сибири-2» и Северном морском пути (СМП) (в формате его возможного расширения до «Ледяного Шелкового пути»). В 2022 г. китайский бизнес успешно занял многие освободившиеся ниши в автомобилестроении и производстве бытовой техники на российском рынке, быстро осваивая оставленные европейскими, японскими и другими компаниями высокотехнологичные производственные мощности. Можно привести еще несколько, а может и десяток, примеров, однако все это относится к экономике вчерашнего дня, прорывов не видно. Именно поэтому по итогам визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву 20–22 марта 2023 г. было подписано Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. В документе уделено внимание вопросам оптимизации структуры торговли, повышению уровня финансовой кооперации, сотрудничеству по глубокой переработке энергоресурсов, качественному расширению партнерства в сферах технологий и инноваций, созданию новых производственных цепочек⁶. То есть «крупными мазками» дан импульс к трансформации экономического взаимодействия.

¹ Игорь Моргулов. В сотрудничестве России и КНР нет пределов и запретных зон [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.02.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/v-sotrudnichestve-rossii-i-knr-net-predelov-i-zapretnykh-zon/?sphrase_id=112694583 (дата обращения: 09.07.2023).

² По данным статистики ЕЭК, национальных статистических служб государств — членов ЕАЭС, ГТУ КНР.

³ Президент России Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Форума будущих технологий «Вычисления и связь. Квантовый мир» [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 13.07.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71666> (дата обращения: 14.07.2023).

⁴ По данным ЮНКТАД, статистики ЕЭК, национальных статистических служб государств — членов ЕАЭС.

⁵ А. Жапаров рассказал, какие объекты могут перейти Китаю, если не выплатить долг [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik. 29.06.2022. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220629/kyrgyzstan-kitay-dolg-vyplata-zhaporov-1065661953.html> (дата обращения: 14.07.2023).

⁶ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 21.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5919> (дата обращения: 10.07.2023).

В Евразийском экономическом союзе есть примеры достаточно прогрессивного подхода к работе с китайскими партнерами — это опыт Республики Беларусь. С учетом масштабов национальной экономики цифры в абсолютном значении могут не выглядеть впечатляющими (например, по итогам 2022 г. китайские инвесторы вложили в белорусскую экономику около 100 млн долл.¹), однако качество проработки совместных проектов находится на очень высоком уровне. Наиболее ярким из них является белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень», созданный в соответствии с Межправительственным соглашением от 18 сентября 2011 г. и однажды названный Си Цзиньпином «жемчужиной Шелкового пути». В 2020 г. он был признан лучшей особой экономической зоной в рамках ОПОП по версии Financial Times. На сегодняшний день в парке зарегистрировано более 100 предприятий из 15 стран с заявленным объемом инвестиций более 1,3 млрд долл. А объем производства промышленной продукции, работ и услуг промышленного характера по итогам 2022 г. достиг 456,1 млн бел. руб. (153,3% в сравнении с 2021 г.). Резиденты парка вовлечены в инновационные сферы деятельности, среди которых искусственный интеллект и развитие сетей 5G, электронная коммерция, производство новых материалов, машиностроение, биотехнологии и др.²

По итогам государственного визита Президента Беларуси Александра Лукашенко в Китай в начале 2023 г. приоритетными задачами определены ускорение технологической и инвестиционной кооперации. Подписана Программа белорусско-китайского научно-технического сотрудничества на 2023–2024 годы³. Ожидается, что в 2023 г. будет завершена подготовка Соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций между РБ и КНР. В целом сотрудничество с Китаем играет существенную роль для ускорения технологической модернизации белорусской экономики.

«Не упускай шанс, ведь вряд ли появится другой»

(机不可失，时不再来) — *китайская мудрость*

Оценивая текущее состояние взаимодействия стран ЕАЭС и Китайской Народной Республики, можно однозначно увидеть «узкие места». Одним из них является обилие заявлений и деклараций, но практически полное отсутствие юридических обязательств сторон на межгосударственном уровне. Успешно это нивелировать и придать сотрудничеству конкретную «добавленную стоимость» может, по нашему мнению, кооперация в формате «ЕАЭС — Китай» или «1+1».

Рассмотрим имеющуюся на сегодняшний день базу такого взаимодействия. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (которому в текущем году исполнилось пять лет), не является преференциальным и не предполагает взаимную либерализацию тарифных ставок. Однако оно направлено на повышение прозрачности регулирования и улучшение условий доступа товаров путем упрощения торговых процедур и охватывает такие вопросы взаимодействия, как таможенное сотрудничество, технические барьеры в торговле, санитарные и фитосанитарные меры, меры торговой защиты, вопросы электронной торговли, интеллектуальной собственности, конкуренции и государственных закупок и др.⁴ По сути, это одно из наиболее масштабных торгово-экономических соглашений с третьим партнером «на пятерку». В рамках Соглашения учреждены рабочие органы: Совместная комис-

¹ Товарооборот Беларуси и Китая в 2022 году достиг 5,8 млрд долларов — за счет чего и какие планы на 2023-й? Большие перспективы восточного партнерства [Электронный ресурс] // SB.BY (Беларусь сегодня). 18.03.2023. URL: <https://www.sb.by/articles/bolshie-perspektivy-vostochnogo-partnerstva.html> (дата обращения: 07.07.2023).

² По данным официального сайта белорусско-китайского индустриального парка «Великий камень». [Электронный ресурс] // Great Stone. URL: <https://industrialpark.by> (дата обращения: 07.07.2023).

³ Лукашенко и Си Цзиньпин приняли заявление об основных принципах развития образцовых отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства [Электронный ресурс] // БЕЛТА — Новости Беларуси. 01.03.2023. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-i-si-tsinpin-prinjali-zajavlenie-ob-osnovnyh-printsipah-razvitija-obraztsovnyh-otnoshenij-553126-2023> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны. Подписано 17.05.2018, вступило в силу 25.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%2028EAEU%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 06.07.2023).

сия, Подкомитет по таможенному сотрудничеству и упрощению процедур торговли. Осуществляется отраслевой диалог, например, в области применения СФС-мер, в сфере конкуренции (подписан Меморандум о взаимопонимании в сфере сотрудничества в области конкурентной политики и антимонопольного регулирования между ЕЭК и Государственным управлением по регулированию рынка КНР).

Дополнительный импульс имплементации Соглашения призвана придать реализация Плана (Дорожной карты) по развитию торгово-экономического сотрудничества, утвержденного в ходе третьего заседания Совместной комиссии 16 февраля 2023 г.¹ В документе сформулированы три приоритетные направления совместных усилий. Первый раздел подразумевает совместные действия по цифровизации транспортных коридоров, включая мероприятия по переходу к безбумажному документообороту при осуществлении грузоперевозок между ЕАЭС и КНР. Во втором сосредоточены меры по установлению диалога в рамках внешнеторговой политики, представляющие взаимный интерес. Сюда отнесены вопросы климатической повестки, электронной торговли, мер торговой защиты и обмена планами стратегического развития внешнеторговой сферы в целом. Третий раздел подразумевает проведение совместного научного исследования по изучению эффектов различных сценариев углубления торгово-экономического сотрудничества.

Как мы видим, в рамках имеющихся у Евразийской экономической комиссии полномочий определенный фундамент создан. В то же время очевидно, что на текущем этапе работа с Китайской Народной Республикой в формате Союза проводится далеко не по всем направлениям, которые, благодаря эффекту масштаба, могли бы стать реальными драйверами долгосрочного развития.

О чем идет речь? Возьмем, например, финансовую сферу, которая является каркасом любой экономической кооперации. Значительный прогресс достигнут в переводе торговли России и КНР в национальные валюты. По данным на май 2023 г., порядка 70% двусторонних расчетов осуществлялись в национальных валютах². А в целом в юанях Россия рассчитывается по 16% своего экспорта и 23% импорта³. Существенные трансформации произошли на фондовом рынке. С 2022 г. наблюдается резкий рост торговли валютной парой юань / рубль. Валютная пара юань / рубль в обороте биржевых торгов достигла 39%, в то время как доля пары доллар США / рубль снизилась до минимальных за последние годы 34%⁴. С 18 марта 2022 г. обеспечены торги по валютной паре юань / белорусский рубль на Белорусской валютно-фондовой бирже, и по итогам года работы доля китайского юаня в торговом обороте биржи составила 15% от общего объема⁵. Аналогичные возможности торгов валютной парой юань / тенге с 2014 г. предусмотрены и Казахстанской фондовой биржей⁶. В работу с юанем активно включились и банки. Так, Сбербанк в 2023 г. нарастил объем кредитов в юанях в пять раз (банк начал выдавать такие кредиты в сентябре 2022г.)⁷, а у ВТБ объем депозитов в юанях в июле 2023 г. превысил 10 млрд⁸.

Но еще больших результатов можно добиться благодаря координации позиций стран Союза. Ведь внутри ЕАЭС данное направление работы находится на высоком уровне. Ведется развитие независимых платежных инфраструктур, обеспечено межсистемное взаимодействие национальных систем платежных карт государств — членов ЕАЭС. В Армении, Беларуси, Кыргызстане и России реализуются проекты

¹ Андрей Слепнев: «ЕАЭС и Китай упростят перевозку грузов по железным дорогам за счет внедрения электронного документооборота» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия 16.02.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-eaes-i-kitay-uprostyat-perevozku-gruzov-po-zheleznyim-dorogam-za-schet-vnedreniya-elektronnogo-dokumentoooborota> (дата обращения: 03.07.2023).

² Мишустин заявил, что товарооборот России и Китая в этом году может превысить \$200 млрд [Электронный ресурс] // ТАСС (сайт). 24.05.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17826363> (дата обращения: 07.07.2023).

³ Экономисты предложили схемы замены доллара во внешних расчетах России [Электронный ресурс] // РБК (сайт). 02.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/06/2023/64789b509a7947eadb1b1559> (дата обращения: 03.07.2023).

⁴ Доля юаня на биржевых торгах обновила максимум в марте [Электронный ресурс] // Банк России. 10.04.2023. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14690> (дата обращения: 03.07.2023).

⁵ Доля китайского юаня в торговом обороте Белорусской валютно-фондовой биржи составляет 15%. [Электронный ресурс] // БЕЛТА — Новости Беларуси. 20.03.2023. URL: <https://www.belta.by/economics/view/dolja-kitajskogo-juanja-v-torgovom-oborote-beloruskoj-valjutno-fondovoj-birzhi-sostavljaet-15-556342-2023> (дата обращения: 01.07.2023).

⁶ На KASE открыты торги китайским юанем и тенге [Электронный ресурс] // 25.09.2014. Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/news/2014/09/25/newsid_68910 (дата обращения: 02.07.2023).

⁷ Сбербанк нарастил кредитный портфель в юанях [Электронный ресурс] // Агентство экономической информации ПРАЙМ. 14.06.2023. URL: <https://1prime.ru/banks/20230614/840822321.html> (дата обращения: 03.07.2023).

⁸ ВТБ в I полугодии увеличил объем вкладов физлиц в юанях в 1,5 раза [Электронный ресурс] // Интерфакс. 11.07.2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/911108> (дата обращения: 12.07.2023).

по интеграции национальных платежных систем «ArCa», «Белкарт», «Элкарт» и «МИР» и эмиссии соответствующих платежных карт. В Союзе функционирует сеть корреспондентских счетов банков стран ЕАЭС в национальных валютах. По итогам 2022 г. доля взаимных расчетов в национальных валютах достигла 80%¹. Обеспечивается возможность обмена финансовой информацией без использования SWIFT в рамках трансграничных расчетов по взаимным корреспондентским счетам. Коммерческие банки государств — членов ЕАЭС подключаются к Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) Центрального банка Российской Федерации.

В то же время в 2022 г. российские банки подключались к китайской национальной системе банковских переводов CIPS, расширилась практика эмиссии платежных карт китайской UnionPay на территории РФ. При проведении скоординированной работы стран Союза с Китаем, например в рамках интеграции CIPS и СПФС, а также национальных платежных систем стран ЕАЭС и UnionPay, можно было бы существенно снизить транзакционные издержки при обеспечении растущих взаимных расчетов всех стран Союза и КНР, а также купировать санкционные риски, по сути создав новую модель альтернативных расчетов. Такие направления работы весьма логичны и в рамках согласованных ранее среднесрочных планов развития Союза², никоим образом не ущемляя национальные интересы сторон.

Целесообразно также сопряжение применяемых банками и институтами развития государств — членов ЕАЭС и КНР подходов к зеленому финансированию и нефинансовой отчетности в целом для привлечения инвестиций в проекты друг друга.

Отдельное внимание уделим вопросам транспортно-логистической сферы. Например, ключевым проектом с китайским участием в Центральной Азии является масштабный проект строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан, первое соглашение о проектировании которой было подписано в г. Самарканде 15 сентября 2022 г. Протяженность полотна, по расчетам, составит около 450 км, дорога позволит сократить путь из Восточной Азии в страны Ближнего Востока и Южной Европы почти на 900 км и семь-восемь суток [2]. Участники проекта говорят о необходимости переориентировать транспортные потоки на фоне геополитической турбулентности, однако такой подход, очевидно, входит в противоречие с интересами Казахстана и России, территории которых как раз и должна обойти новая магистраль. Налицо возможный конфликт интересов уже в рамках Евразийского экономического союза. Выход из ситуации может быть быстро и эффективно найден при переводе диалога в этой сфере в формат «ЕАЭС — КНР».

Сегодня в ЕАЭС утвержден перечень приоритетных интеграционных инфраструктурных проектов в сфере транспорта государств-членов. Перечень включает семь приоритетных проектов, направленных на развитие евразийских транспортных коридоров и маршрутов, а также развитие транзитного потенциала в рамках Союза и транспортной инфраструктуры, входящей в международные транспортные коридоры в направлениях «Восток — Запад» и «Север — Юг», в том числе в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь»³.

Говоря о транспортном сотрудничестве с Китаем, нельзя не упомянуть проект «Евразийский агроэкспресс», успешно запущенный ЕЭК во взаимодействии с РЖД и другими партнерами в 2022 г. Данный проект направлен на развитие регулярных взаимных и экспортных поставок сельскохозяйственной продукции и продовольствия государств — членов ЕАЭС в третьи страны. К 2023 г. достигнуты показатели, поставленные к 2024 г., а именно перевезено 525 тыс. т сельскохозяйственной и продовольственной продукции. Это 7,6% всех перевезенных аналогичных грузов из КНР, в том числе 6,6% по экспорту.

¹ По данным статистики ЕЭК, национальных статистических служб государств — членов ЕАЭС.

² Развитие общего платежного пространства в ЕАЭС осуществляется в соответствии с Концепцией формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, утвержденной Решением Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 20. Кроме того, рассмотрение органами ЕАЭС вопросов использования национальных валют государств-членов во взаимных расчетах и развития платежно-расчетных отношений предусмотрены пунктами 1.4.4 и 1.4.8 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г.

³ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 26 августа 2022 г. № 19 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01435810/ico_30082022_19 (дата обращения: 12.07.2023).

Председателем Коллегии ЕЭК Михаилом Мясниковичем на встрече с Генеральным секретарем ШОС Чжан Мином был предложен универсальный транспортно-логистический мегапроект, способный связать воедино весь евразийский макрорегион¹. Именно ЕАЭС и КНР могли бы сформировать интеллектуальное и финансовое ядро данного мегапроекта, создав координирующий орган на паритетной основе путем подписания, по сути, акционерного соглашения уполномоченных государственных и заинтересованных коммерческих структур. Подчеркнем, именно юридически обязывающего многостороннего соглашения, с четким разделением зон ответственности и механизмом управления реализацией проекта. При этом от практики связанных китайских кредитов необходимо постепенно отходить, ведь они глобально не несут долгосрочной пользы для экономик наших стран, а лишь позволяют создавать материальные активы, бенефициарами которых в итоге становится кредитор.

Одно из наиболее перспективных направлений — высокие технологии и микроэлектроника. Да, сегодня Китай активно защищает не только собственные разработки, но и соответствующую ресурсную базу. Являясь главным производителем и поставщиком редкоземельных металлов на мировой рынок, КНР с августа 2023 г. вводит экспортный контроль на поставки галлия и германия, которые используются для современных полупроводников, а также в солнечных панелях, аккумуляторах электромобилей и т. д. Это своего рода ответ КНР на санкции США, ограничивающие экспорт технологий и оборудования для производства полупроводников в эту страну, и заявка на борьбу за глобальное лидерство в данной сфере². Россия и Казахстан, в свою очередь, располагают одними из крупнейших сырьевых баз редкоземельных металлов в мире. Необходимые интеллектуальные ресурсы для развития микроэлектроники и high tech есть во всех странах Союза, однако собственных ноу-хау пока крайне мало: как из-за нехватки инвестиций, так и ввиду фрагментарности научно-технических достижений. В случае выработки общей стратегии есть все перспективы для ускоренного развития данной отрасли по полному технологическому циклу.

Заключение

Сегодня следует отойти от паттерна, в котором ЕАЭС в целом и его отдельные государства-члены выступают своего рода «младшим» партнером в экономическом взаимодействии с Китаем. Да, китайская экономика пока растет быстрее³, да и ее объемы несопоставимо больше. Однако дело ведь не всегда в цифрах. В настоящий момент Китай объективно находится в поиске путей преобразования социально-экономической модели, четко осознавая имеющиеся проблемы и трудности на пути их решения [3]. Аналогичная ситуация и в Евразийском экономическом союзе. А значит, в дело вступает описанный в самом начале данной статьи новый регионализм, где естественными партнерами являются те, кто разделяют смыслы и взаимодополняют друг друга. Со смыслами проблем нет. А вот пути взаимодополнения нужно не только идентифицировать (попытка чего была сделана в настоящей статье), но и осмысленно отбалансировать.

Результатом такой работы может стать двухуровневая модель сопряжения. На верхнем уровне целесообразно было бы рассмотреть вопрос заключения гибридной торговой сделки ЕАЭС — КНР, предусматривающей частичную либерализацию тарифной политики (это, безусловно, интересно Китаю) в увязке со

¹ Михаил Мясникович и Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин обсудили реализацию транспортно-логистического мегапроекта в Большой Евразии [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 15.09.2022. URL: https://eec.eaeunion.org/news/photo-gallery/mikhail-myasnikovich-i-generalnyy-sekretar-shos-chzhan-min-obsudili-realizatsiyu-transportno-logisti/?sphrase_id=211638 (дата обращения: 01.07.2023).

² Archie Hunter, Alfred Cang. China Restricts Export of Chipmaking Metals in Clash with US [Электронный ресурс] // Bloomberg. 03.07.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-03/china-to-restrict-exports-of-metals-critical-to-chip-production> (дата обращения: 14.07.2023).

³ По экспертным оценкам, рост китайской экономики в 2023 году ожидается в районе 5–6%, при этом порядка 35% всего совокупного экономического роста в мире будет обеспечено за счет КНР. См., например: Thomas Helbling, Shanaka J. Peiris, Krishna Srinivasan. Asia Poised to Drive Global Economic Growth, Boosted by China's Reopening [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. 01.05.2023. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/05/01/asia-poised-to-drive-global-economic-growth-boosted-by-chinas-reopening> (дата обращения: 02.07.2023); China's Economic Outlook [Электронный ресурс] // KPMG China. 13.06.2023. URL: <https://kpmg.com/cn/en/home/insights/2023/06/hong-kong-banking-report-2023/china-s-economic-outlook.html> (дата обращения: 02.07.2023). По прогнозам ЕАБР, рост экономики всех стран ЕАЭС, за исключением Армении, в 2023 г. будет ниже 5% (Армения — 7,5%, Беларусь — 2,2%, Казахстан — 4,3%, Кыргызстан — 4,2%, Россия — 1%). См. подробнее: Макроэкономический прогноз ЕАБР 2023–2025 [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. 01.06.2023. URL: <https://eabr.org/press/releases/makroprognoz-eabr-2023-2025-prognoz-ekonomicheskogo-rosta-uluchshen-dlya-vsekh-stran-regiona/> (дата обращения: 02.07.2023).

встречными обязательствами по технологическому трансферу и локализации высокотехнологичных производств внутри ЕАЭС (в этом ключевой интерес нашего объединения). Связывающим каркасом данных двух столпов выступит обновленная финансовая и транспортно-логистическая архитектура взаимодействия, создаваемая уже не на основе одного трансрегионального [4], а посредством отдельных акционерных соглашений по принципу международного государственно-частного партнерства (второй уровень).

Для реализации предложенной модели внутри Союза необходимо прийти к четкому осознанию, что полномасштабное сотрудничество с Китаем в экономическом измерении на основе принципа «1+1» — это партнерство в интересах самодостаточности.

Литература

1. *Бабаев К. В., Кортунов А. В., Фэн Юйцзюнь, Гао Цзисян* [и др.] Российско-китайский диалог: модель 2023 : доклад № 87 /2023 / под ред. Е. О. Карпинской, А. П. Александрова, П. В. Бакулиной и др. Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. 88 с.
2. *Бобохонов А., Мураталиева Н.* Железная дорога Китай—Кыргызстан—Узбекистан: на развилке цивилизаций, геополитики и торговых путей [Электронный ресурс]. URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2023/06/Policy-Brief_Railway_ru_0106.pdf (дата обращения: 12.07.2023).
3. *Зуенко И. Ю.* Китай как нормальная страна // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 192–202.
4. *Ковалев В. С.* Как построить справедливый миропорядок в Большой Евразии // Международная жизнь. 2023. № 2. С. 46–53. EDN: DZHKAD
5. *Луконин С. А.* Россия и Китай: пределы сотрудничества // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 220. № 6. С. 71–82. EDN: WBNEKE

Об авторе:

Владимир Сергеевич Ковалёв, советник Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук;
e-mail: v.kovalev@ecommission.org

References

1. *Babaev K. V., Kortunov A. V., Feng Yujun, Gao Zengxiang* [et al.]. Russian-Chinese Dialogue: Model 2023 : report No. 87 /2023 / ed. by E. O. Karpinsky, A. P. Alexandrov, P. V. Bakulina [et al.]. Russian Council for International Affairs (RIAC). Moscow : Non-commercial RIAC Party, 2023. 88 p. (In Rus.)
2. *Bobokhonov A., Muratalieva N.* China — Kyrgyzstan — Uzbekistan Railway: at the Fork of Civilizations, Geopolitics and Trade Routes [Electronic resource]. URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2023/06/Policy-Brief_Railway_ru_0106.pdf (accessed: 12.07.2023). (In Rus.)
3. *Zuenko I. Yu.* China as a Normal Country // Russia in Global Affairs [Rossiya v global'noi politike]. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 192–202. (In Rus.)
4. *Kovalev V. S.* How to Build a Just World Order in Greater Eurasia // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2023. No. 2. P. 46–53. (In Rus.) EDN: DZHKAD
5. *Lukonin S. A.* Russia and China: Limits of Cooperation // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2019. Vol. 220. No. 6. P. 71–82. (In Rus.) EDN: WBNEKE

About the author:

Vladimir S. Kovalev, Adviser to the Chairman of the Eurasian Economic Commission Board (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: v.kovalev@ecommission.org

Два трека арктического сотрудничества БРИКС¹

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: jeakuklina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0457-2658

РЕФЕРАТ

Актуальность темы исследования обусловлена ролью и значимостью сотрудничества стран Форума БРИКС для формирования новой архитектуры многополярного, полицентричного мира в условиях одновременного разворачивания настоящей войны за Арктику.

Цель. Изучение треков арктического сотрудничества в формате БРИКС, наиболее перспективными из которых представляются минерально-сырьевой и туристско-рекреационный треки.

Задачи. Рассмотреть существующие форматы сотрудничества в Арктике; оценить современное состояние и перспективы взаимодействия стран Форума БРИКС в реализации «арктической» повестки; охарактеризовать перспективные треки арктического сотрудничества БРИКС; сформулировать предложения для органов власти и управления по повышению эффективности взаимодействия БРИКС по перспективным арктическим трекам.

Методология. Системный подход, логический анализ, синтез; контент-анализ открытых источников информации.

Результаты. Наиболее перспективными треками арктического партнерства БРИКС являются минерально-сырьевой и туристско-рекреационный треки; арктические мега-проекты требуют поиска многосторонних форматов, и наиболее перспективным представляется партнерство с компаниями Китая и Индии.

Выводы. Необходимо выполнение технико-экономического анализа современного состояния минерально-сырьевой базы Российской Федерации и актуализация компоненты «востребованное богатство недр»; в целях развития туризма в удаленных, малонаселенных регионах России со слабо развитой туристической инфраструктурой, с проблемной логистикой целесообразен пересмотр национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», выделение в отдельный блок сегмента «Арктический туризм».

Ключевые слова: Арктика, устойчивое развитие, БРИКС, недропользование, туризм

Для цитирования: Куклина Е. А. Два трека арктического сотрудничества БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 25–37.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-25-37>

Two Tracks of BRICS Arctic Cooperation

Evgeniya A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: jeakuklina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0457-2658

¹ Статья подготовлена на основе экспертных заключений автора по итогам двух сессий Петербургского международного экономического форума — 2023 («Богатства земли: роль недропользования в обеспечении сырьевого и технологического суверенитета»; «Арктика — территория инвестиционных возможностей и ярких путешествий»).

ABSTRACT

The relevance of the research topic is due to both role and importance of cooperation between the countries of the BRICS Forum aimed at the formation of a new architecture of a multipolar, polycentric world in the framework of the simultaneous deployment of a real war for the Arctic.

Aim. The purpose of the study is to study tracks of Arctic cooperation in the BRICS format, the most promising of which are the mineral and touristic-recreational tracks.

Tasks. The research objectives are as follows: to consider the existing formats of cooperation in the Arctic; to assess the current state and prospects for interaction between the countries of the BRICS Forum towards the implementation of the “Arctic” agenda; to characterize the promising tracks of the BRICS Arctic cooperation; to formulate proposals for authorities and administrations for improving the effectiveness of BRICS cooperation on promising Arctic tracks.

Methods. Methodological basis and research methods are as follows: systematic approach, logical analysis, synthesis; content analysis of open sources of information.

Results. The results obtained herein are as follows: the most promising tracks of the BRICS Arctic partnership are the mineral resource and touristic-recreational tracks; Arctic mega-projects require a search for multilateral formats, and partnerships with companies from China and India seem to be the most promising.

Conclusions. Main conclusions: it is necessary to carry out a technical and economic analysis of the current state of the mineral resource base of the Russian Federation and to update the component “demanded wealth of subsoil”; in order to develop tourism in remote, sparsely populated regions of Russia with both poorly developed tourist infrastructure and problematic logistics, it is advisable to revise the national project “Tourism and hospitality industry” and to separate the segment “Arctic tourism” into a distinct unit.

Keywords: Arctic, sustainable development, BRICS, subsoil use, tourism

For citing: Kuklina E. A. Two Tracks of BRICS Arctic Cooperation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 25–37. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-25-37>

Введение

Актуальность исследования. Современные экономические процессы протекают в условиях формирования новой архитектуры многополярного, полицентричного мира, и роль сотрудничества (партнерства) стран Форума БРИКС здесь трудно переоценить. Актуальность исследования треков взаимодействия государств БРИКС усиливается тем, что развернулась настоящая война за Арктику, ее ресурсы, транспортно-логистические коридоры и пр. В этих условиях оценка перспектив и возможностей стратегического, взаимовыгодного партнерства государств — членов БРИКС в его арктическом измерении является чрезвычайно актуальной.

Целью исследования является изучение треков арктического сотрудничества БРИКС (в рамках российского сегмента Арктики), наиболее перспективными из которых представляются минерально-сырьевой и туристско-рекреационный.

Задачи исследования: рассмотреть существующие форматы сотрудничества в Арктике с учетом специфики арктического управления; оценить современное состояние и перспективы взаимодействия стран Форума БРИКС в реализации арктической повестки; охарактеризовать минерально-сырьевой и туристско-рекреационный треки арктического сотрудничества БРИКС; оценить перспективы участия стран БРИКС в реализации арктических мега-проектов; сформулировать предложения для органов власти и управления по повышению эффективности взаимодействия БРИКС по перспективным арктическим трекам.

Материалы и методы. Теоретической и методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам развития пространства Арктики

и перспективам международного арктического сотрудничества стран БРИКС. Методическая основа исследования — системный подход, логический анализ, синтез. Полученные результаты базируются на контент-анализе открытых источников. Информационную базу исследования составили результаты академических исследований, посвященных проблемам развития Арктики, международному арктическому сотрудничеству, различным аспектам взаимодействия и перспективам и др.

Результаты. В настоящее время арктические и субарктические районы Российской Федерации обеспечивают генерацию не менее 10% ВВП и около 20% объема российского экспорта, здесь добывается 17% нефти, 80% газа и около 30% рыбных биоресурсов страны. Значителен потенциал добычи металлов, доля АЗРФ (арктическая зона РФ) в добыче твердых полезных ископаемых (ТПИ) составляет: по кобальту, никелю, палладию, платине — более 95%; меди — 60%; золоту — около 40%; серебру — около 30%. По оценкам, наиболее значительный потенциал прироста добычи ТПИ в АЗРФ существует на территории слабо освоенных «северных улусов Республики Саха (Якутия), полуострове Таймыр, Чукотке, в Архангельской области и Республике Карелия» [15]. Таким образом, ресурсный потенциал АЗРФ является перспективным для выстраивания надежных партнерских отношений с другими государствами (прежде всего, в рамках интеграционных объединений БРИКС, ШОС и ЕАЭС), основанных на взаимовыгодном сотрудничестве и учете национальных интересов партнеров.

К настоящему времени сложились следующие четыре варианта (формата) взаимодействия / сотрудничества / соперничества в Арктике.

Во-первых, формат пятерки «арктических государств» (“Arctic coastal States”), имеющих береговую линию с Северным Ледовитым океаном и обладающих преимущественным правом на разработку арктических ресурсов (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания, включая Гренландию и Фарерские острова). Во-вторых, формат приарктических государств, которые находятся либо в непосредственной близости к Полярному кругу (Исландия), либо владеют территорией, находящейся в Заполярье (Швеция, Финляндия). Современная Арктика является объектом территориальных, ресурсных и военно-стратегических интересов стран Запада, их объединений, поэтому третий формат арктического взаимодействия — сотрудничество в рамках НАТО, ЕС, организаций стран Северной Европы. Еще один формат — взаимодействие неарктических государств. Прежде всего, речь идет о странах Восточной Азии — КНР, Японии, Республике Корея, экономики которых являются крупными потребителями энергоресурсов. Эти страны не имеют права на разработку ресурсов арктического шельфа, но заинтересованы в «интернационализации» региона как объекта международного права и озвучивают это в публичном пространстве.

КНР в настоящее время позиционирует себя как крупная морская держава, и основания для этого есть: Китай обладает третьим по величине флотом в мире, а по количеству боевых кораблей с 2020 г. занимает первое место; КНР имеет также одно из самых больших побережий, выходящее к морям Тихого океана. Белая книга «Арктической политики Китая» характеризует КНР как «околоарктическое государство» (“near-Arctic State”), подчеркивая тем самым право участия в реализации арктических проектов.

В соответствии с «Арктической политикой Китая» приоритетом для КНР являются: научные исследования в Арктике; использование ресурсов Арктики «правомерным и рациональным способом»; развитие арктических морских маршрутов; разведка и разработка нефти, газа, минеральных и других «неживых ресурсов»; международное сотрудничество в Арктике; развитие туризма и т. д.¹

Арктическая политика КНР многими западными аналитиками трактуется как реальная угроза существующему порядку. Так, например, в работе [20] говорится о том, что Китай провоцирует другие неарктические государства к созданию сепаратных правовых документов в отношении действующего правового режима Северного Ледовитого океана.

Международной территорией сотрудничества Арктика была признана в 1991 г. В этом году в целях улучшения качества жизни и достижения устойчивого развития на Севере был создан Северный форум; также в этом году на встрече пяти арктических и трех приарктических государств в г. Рованиеми (Финляндия) были приняты два документа: декларация по защите окружающей среды в Арктике

¹ China's Arctic Policy [Электронный ресурс] // The State Council of People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 20.07.2023).

и совместный план по разработке арктической стратегии по защите окружающей среды [22]. Еще через пять лет в целях поддержки международного сотрудничества в Арктике и содействия устойчивому развитию была принята декларация по созданию Арктического совета (АС), рассматривающего вопросы защиты окружающей среды, развития арктической экономики, учет интересов коренных народов и арктических сообществ [17; 19].

4 октября 2020 г. Россия пригласила страны Форума БРИКС принять участие в реализации совместных нефтегазовых проектов в Арктике¹. И именно арктическое направление, по мнению многих исследователей, является одним из перспективных в рамках двустороннего сотрудничества стран БРИКС (прежде всего, российско-китайского и российско-индийского) [1; 11 и др.].

Арктическая повестка БРИКС включает вопросы недропользования, сельского хозяйства, поддержки коренных народов и защиту экосистем Севера². При этом из государств Форума БРИКС (в действующем на сегодня составе) только Россия является собственно арктическим государством, но Китай и Индия уже открыто задекларировали свои политические намерения в национальных арктических политиках, и важным шагом стало их вхождение в 2013 г. на правах постоянных наблюдателей в АС [12; 13].

Сегодня компании КНР принимают активное участие в реализации энергетических проектов на Российском Севере. Так, китайская компания Beijing Ga владеет 20%-ной долей в дочернем обществе ПАО «Роснефть» — АО «Верхнеконсннефтегаз», которое занимается разведкой и разработкой одного из крупнейших в Восточной Сибири газоконденсатного месторождения. Вместе с ПАО «Роснефть» китайская компания Sinopet с 2006 г. управляет совместным предприятием ПАО «Удмуртнефть», на балансе которого находятся 33 разрабатываемых нефтегазовых месторождения. Доля Китайской национальной нефтегазовой компании (CNPC) в масштабном интегрированном проекте «Ямал СПГ» составляет 20%, а еще 9,9% принадлежит китайскому Фонду Шелкового пути. Проект реализуется в Ямало-Ненецком автономном округе на базе уникального Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения, и доступ к рынкам АТР является одним из конкурентных преимуществ проекта. Инвесторы КНР участвуют в проекте «Арктик СПГ 2», оператором которого является ООО «Арктик СПГ 2» — совместное предприятие ПАО «НОВАТЭК» (60%), концерна TotalEnergies (10%), китайских корпораций CNPC (10%) и CNOOC (10%), а также консорциума японских компаний MITSUI и JOGMEC (JAPAN ARCTIC LNG — 10%). Знаковым может стать вхождение китайских инвесторов во флагманский нефтяной проект ПАО «Роснефть» — «Восток Ойл»³, в рамках которого на Таймыре создается новая нефтегазовая провинция и планируется строительство порта для экспорта нефти по СМП. В современных геополитических условиях наша страна поддерживает идею интеграции российского СМП в китайский проект «Ледовый Шелковый путь» [13]; с 2020 г. китайская судоходная компания COSCO Shipping уже выполняет рейсы по СМП.

4 февраля 2022 г. Россия и КНР опубликовали совместное заявление о международных отношениях, в котором озвучены намерения по последовательному расширению арктического сотрудничества, углублению кооперации в области устойчивого развития⁴. Спектр перспективных направлений сотрудничества включает, помимо проектов в сфере разведки месторождений полезных ископаемых и развития грузового судоходства на СМП, также проекты в области «метеорологии, гидрологии, изучения морского льда, промышленного инжиниринга и судостроения (в частности, технологии модульного судостроения и пр.), геологии, геофизики, биологии, экологии, морской химии, арктической политики и права, истории и культуры коренных народов Севера» [8]. Современный Китай сегодня можно рассматривать как единого внешнего субъекта трансферной экономики арктического макрорегиона, которому можно передать отдельные полномочия по выполнению части внутреннего процесса жизненного цикла производимой

¹ Россия предложила странам БРИКС сотрудничество в Арктике [Электронный ресурс] // PRO-ARCTIC. URL: <https://pro-arctic.ru/15/10/2020/news/41244> (дата обращения: 12.08.2023).

² Формирование общей повестки стран БРИКС в Арктике обсудили на сессии проекта Think Arctic — Think Global [Электронный ресурс] // Ведомости. 23.05.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/05/29/formirovanie-obschei-povestki-stran-briks-v-arktike-obsudili-na-sessii-proekta-think-arctic--think-global (дата обращения: 29.05.2023).

³ Эксперты прокомментировали вопросы сотрудничества «Роснефти» и компаний КНР [Электронный ресурс] // Прайм.RU. URL: <https://1prime.ru/oil/20230324/840182458.html> (дата обращения: 28.07.2023).

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 04.02.2022).

продукции, оказываемых услуг и выполняемых работ — в части логистики и транспортировки [13]. Но необходимо отметить, что экспертным сообществом признается тот факт, что в Арктике Китаем (вместе с Японией и Южной Кореей) «отрабатываются политико-правовые методики и информационные технологии по обоснованию статуса terra et aqua nullius (*лат.* — «ничейная земля и вода»), «интернационализации» имеющихся там ресурсов и обеспечения доступа к ним без применения военно-силовых средств» [3].

Индия опубликовала свой первый проект национальной арктической стратегии в январе 2021 г., и, согласно ему, индийским компаниям предлагалось активно вступать в Арктический экономический совет¹. Нарастание присутствия Индии в Арктике пока происходит поступательно, прежде всего посредством участия в двухсторонних проектах с арктическими странами, в первую очередь с Россией. Так, три крупные индийские компании (Oil India, Indian Oil, Bharat Petroresources) сотрудничают с ПАО «Роснефть» в рамках разработки нефтегазовых месторождений в Республике Саха (Якутия) и реализации инфраструктурных проектов по маршруту СМП. Indian Oil Corporation совместно с ONGC Videsh Ltd., Oil India Limited, Bharat Petroresources владеет 49,9% акций в дочерней компании ПАО «Роснефть» — АО «Ванкорнефть»; одновременно ИОС совместно с Oil India Limited, Bharat Petroresources владеет около 30% ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча».

Россия является стратегически важным партнером для Индии в освоении арктического региона, что отвечает ее растущим потребностям в энергоресурсах. Очевидно, что «отношения с Россией стали более тесными в энергетической сфере из-за приверженности Индии диверсифицировать свой импорт энергоносителей в контексте американских санкций в отношении иранской энергетической отрасли» [5]. Перспективными являются и инфраструктурные проекты в области развития портовой инфраструктуры, судостроения, разведки и добычи природных ископаемых, «зеленых» технологий. Отмечается высокий интерес Индии и к добыче меди, фосфора, редкоземельных металлов (РЗМ), платины².

Еще два государства БРИКС — Бразилия и ЮАР — пока находятся на скамейке запасных. И если рассматривать Бразилию как БРИКС-партнера России по арктическому сотрудничеству, то это, скорее, перспектива, нежели реальные проекты. Но процесс уже стартовал: в 2019 г. Совет предпринимателей Россия — Бразилия и Агентство по продвижению экспорта и инвестиций Бразилии заключили меморандум о взаимной поддержке экспортной деятельности и привлечении инвестиций³.

Участие ЮАР в арктических проектах также пока незначительно, однако рост ее интереса к Арктике неизбежен. Это обусловлено необходимостью доступа к инновационным технологиям проведения геологоразведочных работ и разработке месторождений углеводородного сырья, которые уже апробированы в Арктике. В перспективе такие технологии должны быть имплементированы в процессы освоения нефтегазовых месторождений в Антарктике — географически и стратегически важной для ЮАР и Бразилии в качестве потенциального источника энергоресурсов. И чтобы достичь этой цели, обеим странам придется в ближайшее время принять участие в совместных арктических проектах по изучению и освоению АЗРФ. В активе — подписанное в сентябре 2017 г. АО «Росгеология» и южноафриканской государственной нефтегазовой компанией PetroSA в ходе саммита БРИКС в Китае соглашение на освоение и разработку двух блоков южного континентального шельфа ЮАР⁴.

Просматриваются хорошие перспективы взаимодействия РФ и ЮАР, обусловленные результатами Второго саммита и Экономического и гуманитарного форума Россия — Африка (27–28 июля 2023г.,

¹ Арктический экономический совет (учрежден по инициативе АС в 2014 г.) — новый международный циркумполярный бизнес-форум, целью которого обозначено содействие устойчивому развитию Арктики посредством предметного сотрудничества с теми группами предпринимателей, которые осуществляют экономическую деятельность в регионе или планируют ее осуществлять.

² Леонид Савин. Арктическая стратегия есть и у Индии [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/01/14/arkticheskaya-strategiya-est-i-u-indii-52684.html> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Россия и Бразилия заключили меморандум о взаимной поддержке экспорта и привлечении инвестиций [Электронный ресурс] // Известия. 23.12.2022. URL: <https://iz.ru/949680/2019-12-02/rossiya-i-braziliya-zakliuchili-emorandum-o-vzaimnoi-podderzhke-eksporta-i-privlechenii-investitsii> (дата обращения: 23.12.2022).

⁴ Росгеология намерена получить долю в 70% в нефтегазовом проекте на шельфе ЮАР [Электронный ресурс] // Рамблер. 18.01.2019. URL: https://finance.rambler.ru/economics/41584945/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.08.2023).

г. Санкт-Петербург). В ходе обсуждений участники заявили о приверженности совместному построению многополярной архитектуры мироустройства на основе суверенного равенства государств и взаимовыгодного сотрудничества.

В настоящее время арктическое партнерство стран БРИКС реализуется, прежде всего, в рамках двустороннего сотрудничества. Однако арктические мега-проекты требуют поиска более многосторонних форматов. Перспективными направлениями может стать «разработка природно-ресурсного потенциала Арктики, в частности, реализация энергетических проектов и освоение биоресурсов Арктики; развитие логистического потенциала арктического региона (СМП); экологическая безопасность и изучение климата; расширение образовательного пространства и академического научного сотрудничества» [4].

Наиболее перспективными треками арктического сотрудничества БРИКС мы считаем минерально-сырьевой и туристско-рекреационный треки. При этом необходимо подчеркнуть, что и взаимодействие может осуществляться и по другим трекам (логистическим, образовательным, академическим и др.), но мы выделяем эти два трека, что обусловлено фактом наличия природных активов. Минерально-сырьевой и рекреационный потенциалы Арктики являются одними из ключевых элементов совокупного потенциала АЗРФ, которые правомерно рассматривать как факторы мягкой силы в современных условиях тающего взаимопонимания.

Минерально-сырьевой трек

Известно, что все войны в мире всегда развязывались либо за ресурсы, либо за территорию (которая также является ресурсом), недостаток или отсутствие ресурсов являлось причиной экспансии и военных конфликтов в истории человечества. Сырьевая (минерально-сырьевая, ресурсная) безопасность является фундаментом экономической безопасности и обеспечивает экономический суверенитет государства. В структуре экономического суверенитета принято выделять три ключевых элемента (ресурсный, промышленный и технологический суверенитет), и именно сырьевой суверенитет находится в начале цепочки создания экономического суверенитета страны. Ключом к обеспечению сырьевого (и технологического) суверенитета современной России является минерально-сырьевая безопасность, и роль АЗРФ здесь чрезвычайно важна.

В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»¹ основное внимание уделено созданию и развитию новых минерально-сырьевых центров, которые в транспортном отношении привязаны к СМП.

Согласно данным ИГЕМ РАН, доля Арктики в мировой добыче составляет (%): палладия — 40, платины — 14, никеля — 12, кобальта — 6; меди, свинца, цинка, титана, золота, серебра, фосфатов — от 1 до 4; доля российского сектора в арктической добыче (%): кобальт, никель, палладий, платина — свыше 95, медь — 60, золото — около 40, серебро — около 30 [15].

В российском арктическом сегменте находятся огромные запасы редких металлов и РЗМ², минералов, руд и другого сырья, имеющего стратегическое значение (апатитов, никеля, кобальта, меди, вольфрама, титана, хрома, марганца, олова, ртути, золота, серебра, платиноидов, алмазов). По оценке, здесь находятся 90 млрд барр. нефти, 47,3 трлн м³ газа, 44 млрд барр. газового конденсата; это составляет 25% мировых неразведанных запасов углеводородов [21]. Согласно оценке Минприроды РФ, в недрах арктической суши и шельфа содержатся 60% общих углеводородных ресурсов России, начальные извлекаемые ресурсы которых оцениваются в 258 млрд т н. э.³

По данным Минэнерго РФ, в водах российской Арктики уже открыто 33 месторождения с начальными извлекаемыми суммарными ресурсами 120 млрд т н. э., в основном газа. В Норильском горно-промышленном районе сосредоточено основное производство «батареиных» металлов (литий, никель,

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/18FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzprTVAvQy.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

² РЗМ — группа из 17 лантаноидов, востребованных в высокотехнологичных отраслях.

³ Н. э. — единица условного топлива, эквивалентная количеству энергии, выделяющейся при сжигании одной тонны сырой нефти (около 41,868 ГДж или 11,63 МВт·ч энергии).

кобальт, графит, РЗМ). ПАО «Норникель» контролирует 6% поставок кобальта и 12% поставок никеля в мире; компания владеет 1/7 частью всех мировых запасов никель-кобальтовых руд; литий — катализатор «зеленой революции», и спрос на него в связи с ажиотажным потреблением может вырасти в четыре раза к 2030 г. [18].

В АЗРФ, кроме батарейных металлов, добывается и планируется производить еще ряд важнейших «высокотехнологичных» металлов (индий, гафний, тантал, цирконий, ниобий, теллур, селен, рений, кадмий, титан, галлий, германий и др.), которые критически важны для наукоемких отраслей экономики и для «зеленого» перехода. С месторождениями АЗРФ связаны практически все балансовые запасы РЗМ. Так, одним из крупнейших месторождений РЗМ в мире является Томторское месторождение, находящееся в Республике Саха (Якутия). Согласно прогнозам, в его недрах содержится порядка 154 млн т руды с очень высоким содержанием оксидов 10 РЗМ, в том числе ниобия, тербия, иттрия и скандия. В октябре 2017 г. в открытой печати появилось заявление научного руководителя Института геологии и минералогии СО РАН Н. Похиленко о планах создания Арктической корпорации в рамках «Ассоциации благородных, редкоземельных, редких, радиоактивных металлов и драгоценных камней»¹ — одной из ассоциаций сотрудничества БРИКС. Предполагалось, что в проекте могут принять участие не только страны БРИКС, но и другие страны, которые имеют интерес к полезным ископаемым АЗРФ (например, Япония, Южная Корея, Германия). При этом рассматривались два варианта: каждая страна БРИКС получит по 20% участия в проекте; 51% участия получит Россия (как страна, развивающая проект), а остальные страны БРИКС — по 12,25% соответственно. К сожалению, актуальная информация по этой перспективной инициативе в публичном пространстве сейчас отсутствует.

Туристско-рекреационный трек

В соответствии со «Стратегией развития Арктики до 2023 года», северные территории страны будут активно развиваться, поэтому в будущем страна будет прирастать именно Арктикой и северными территориями. Значительный потенциал роста имеется и у туристической отрасли, арктический сегмент которой пока еще недооценен [10; 14].

Несмотря на все сложности функционирования национальной экономики, обусловленные введением санкционного режима со стороны недружественных стран, туристическая отрасль России в 2022 г. продемонстрировала рост (+30%), при этом Арктика приняла 1,5 млн туристов. Но современная Арктика не только территория инвестиционных возможностей и ярких путешествий, российский арктический сегмент — фактор мягкой силы с огромным потенциалом воздействия, и особенно это значимо сегодня, когда в Арктике тает взаимопонимание, а оно тает гораздо быстрее, чем ледники.

Эффект от развития арктического туризма, кроме стоимостного измерения имеет также и нестоимостное измерение, определяемое эффектом от формирования позитивного имиджа страны и ее населения на внешнем контуре. Эффект этот имеет стратегическое измерение и позволяет прогнозировать устойчивый рост туристов из других стран. Следовательно, важным вопросом актуальной повестки является оценка как реального, так и потенциального эффекта от развития туристической отрасли в арктических регионах России и создание образа туристической Арктики в будущем. Развитие арктического туризма как системы взаимоотношений всех акторов этого процесса должно базироваться на предоставлении иностранным гостям релевантной информации, развенчании устоявшихся мифов (там нечего делать / там нечего смотреть / там очень холодно) и формировании образа открытой к дружбе и взаимовыгодному сотрудничеству новой России. Таким образом, одной из приоритетных задач является разработка единого плана медиапродвижения АЗРФ на российском и мировом рынках. Притяжение Арктики для туристов обусловлено ее климатическими параметрами («холод») и относительной нетронутостью («дикость»). И это должно отражаться в туристическом бренде Арктики, дизайн-код которого должен быть единым для всех северных регионов, реализующих проекты в сфере туризма.

¹ Страны БРИКС могут подключиться к освоению месторождений российской Арктики [Электронный ресурс] // ТАСС. 27.10.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4683348> (дата обращения: 16.08.2023).

Чрезвычайно перспективным и в высшей степени актуальным представляется создание туристического маршрута «Арктическое кольцо», охватывающего все северные регионы России.

В современных условиях практического прекращения инвестиционного сотрудничества с Западом ключевые инфраструктурные, транспортные и энергетические проекты в Арктике, очевидно, требуют корректировки, изменения вектора сотрудничества. Усиление взаимодействия с азиатскими партнерами, прежде всего с Китаем и Индией, обусловлено логикой формирования альтернативы многолетнему западному доминированию. Среди государств БРИКС наибольшее значение для развития арктического и северного туризма представляет КНР, китайские туристы составляют подавляющую долю посетителей «Русской Арктики». В целом ни один из пунктов доктринальных документов КНР по арктической политике напрямую не противоречит интересам России. Поэтому сегмент арктического туризма является весьма перспективным для двустороннего сотрудничества, учитывая как масштаб интереса китайцев к нашей Арктике, так и практически неограниченные инвестиционные возможности КНР.

Различные аспекты российско-китайского сотрудничества в Арктике, включая сферу туризма и рекреации, являются актуальным предметом исследования как российских, так и китайских исследователей. Безусловно, следует согласиться с нашими китайскими коллегами [6; 16 и др.] в отношении того, что в целях развития китайско-российского сотрудничества в области арктического туризма следует работать по таким направлениям, как охрана уникальных северных туристических ресурсов и выделение культурного ядра, снижение барьеров для туризма, создание воронки индустрии арктического туризма, повышение туристической привлекательности, использование онлайн-СМИ для создания арктического туристического бренда. Отдельно необходимо отметить актуальность создания китайско-российского университета арктического туризма и формирование модели подготовки специалистов «одна специальность и множество способностей» [16, с. 122].

Ключевые проблемы развития сферы туризма и гостеприимства в северных регионах России обусловлены дефицитностью инвестиций в отрасль, повышенным риском, низким уровнем инфраструктурного обустройства территорий, трудностями логистики, а также пока еще недостаточным уровнем государственной поддержки. Решению этих проблем в определенной степени могли бы способствовать результаты работы Российско-Азиатского консорциума арктических исследований, созданного по инициативе Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова в сотрудничестве с международной организацией северных регионов «Северный Форум».

Ответ на вопрос о том, какие виды туризма могут наиболее успешно развиваться в регионе и какой экономический эффект они могут генерировать, зависит от специфики региона, степени предпринимательской активности населения и мер региональной поддержки. Так, например, в Республике Саха (Якутия) приоритетными направлениями господдержки развития туризма являются внутренний, выездной, социальный, сельский, детский и самодетельный туризм. В соответствии с п. 1. ст. 8 Закона Республики Саха (Якутия) от 15.12.2009 780-3 № 443-IV «О туристской деятельности...» (с последними изменениями и дополнениями от 21.10.2021) «налоговые льготы в части, зачисляемой в государственный бюджет Республики Саха (Якутия) и местные бюджеты, предоставляются предприятиям, организующим работу в области социального туризма и детского отдыха», которые зарегистрированы на территории этого субъекта РФ¹. Представляется, что большие возможности получения эффекта (и не только экономического) в Якутии имеет событийный туризм, которой должен быть в фокусе особого внимания региональных органов управления.

Для Чукотки приоритетными являются приключенческие, экологические и рыболовные туры, а также старательский туризм в золотодобывающих районах.

На новое туристское предложение Арктики оказывает достаточно позитивное влияние преференциальные режимы «Арктическая зона Российской Федерации» и «Арктический гектар». Так, по данным Инвестиционного портала Арктической зоны России², многие получатели арктических гектаров плани-

¹ Закон Республики Саха (Якутия) от 15.12.2009 780-3 № 443-IV «О туристской деятельности...» (с изменениями на 09.12.2022) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/423845487> (дата обращения: 22.06.2023).

² Там же.

руют их использовать для ведения бизнеса, ориентированного на ценителей природы Русского Севера. На XII Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее» (8–9 декабря 2022 г., Санкт-Петербург), была представлена следующая информация: по программе «Арктический гектар» землю получили более 3 тыс. участников, а заявки подали более 10 тыс. чел.: 70% — строят дома, 20% — занимаются бизнесом на этой территории и 10% — это сельское хозяйство¹. Одним из самых ярких туристических проектов на «Арктическом гектаре» является строительство глэмпинга со смотровой площадкой и понтоном причалом на берегу Белого моря в Карелии. Туризм является самой предпочтительной отраслью для реализации проектов АЗРФ (23%), большинство проектов находятся на предпроектной стадии (33%); большая часть проектов (26%) реализуются в Мурманской области².

Считаем целесообразным привести результаты опроса региональных и муниципальных органов власти о приоритетах социально-экономического развития АЗРФ, проведенного с целью получения актуальных данных для содействия в совершенствовании государственной арктической политики³.

Так, в проекте «Общественной резолюции по вопросам социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации за 2021 год», сформированной по итогам XI Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», были приведены следующие оценки (по 5-балльной оценочной шкале): ход реализации политики преференциальных режимов — 4,0; реализация госпрограммы «Арктический гектар» — 4,3⁴.

После ухода большей части иностранных инвесторов из российского арктического сегмента интерес к реализации совместных мегапроектов, тем не менее сохранился, в том числе компаниями Китая и Индии [7; 23 и др.]. Более того, после громких заявлений о выходе из арктических проектов западных инвесторов потенциальными покупателями их долей в российских проектах называются компании КНР и Индии⁵.

Во время XV Саммита БРИКС, проходившего в столице ЮАР в период 22–24 августа 2023 г., было принято решение о присоединении к Форуму БРИКС еще шести стран (Аргентина, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Иран, Египет, Эфиопия), которые станут полноправными членами объединения с 01.01.2024. Официальные заявки на вступление подали еще более двадцати государств, в том числе Алжир, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Куба, Индонезия, Казахстан и др. Формула БРИКС+ дает возможность взаимодействовать в разных форматах как по всему спектру, так и в отдельных направлениях. Так, например, Венесуэла планирует полноценное участие в БРИКС, а Саудовская Аравия — в рамках Нового банка развития, учрежденного БРИКС.

Алжир и Египет имеют сформированные нефтегазовые компетенции, являясь крупнейшими экспортерами СПГ на Африканском континенте. Роль Африки на мировом рынке газа усиливают открытые ресурсы на шельфе, большая часть которых пока еще не освоена в силу различных причин (нестабильность политического и экономического развития, отсутствие инвестиционной инфраструктуры, технологии глубоководной разведки и др.). И в этом отношении вступление этих стран в клуб БРИКС+ открывает новые окна возможностей.

Обсуждение

По нашему мнению, в качестве одного из ключевых факторов реализации программы развития АЗРФ (в рамках минерально-сырьевого трека сотрудничества БРИКС в российском арктическом

¹ В Санкт-Петербурге состоялся XII Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forumarctic.com/conf2022/> (дата обращения: 20.06.2023).

² Преференциальный режим АЗРФ (презентация) [Электронный ресурс] // Минвостокразвития России. URL: <https://zakonvostok.minvr.gov.ru/business/azrf/> (дата обращения: 21.06.2023).

³ Опрос был проведен методом анкетирования в период с 5 по 26 февраля 2022 г. МОО «Ассоциация полярников», и его результаты были представлены в проекте «Общественной резолюции по вопросам социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации за 2021 год», сформированной по итогам XI Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» (2–4 декабря 2021 г., Санкт-Петербург).

⁴ В Санкт-Петербурге состоялся XI Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forumarctic.com/conf2021/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵ Алекс Будрис. Аналитики назвали Китай наиболее вероятным покупателем 20% «Роснефти» у ВР [Электронный ресурс] // Форбс. 01.03.2022. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/457329-analitiki-nazvali-kitaj-naibolee-veroatnym-pokupatelem-20-rosnefti-u-br> (дата обращения: 23.08.2022).

сегменте) можно рассматривать результаты инновационной деятельности предприятий нефтегазового сектора, в значительной степени обеспечивающих минерально-сырьевой суверенитет России [9]. В данном контексте мы считаем необходимым провести технико-экономический анализ современного состояния минерально-сырьевой базы Российской Федерации. По информации из открытых источников, последняя оценка богатств российских недр (минерально-сырьевой и стоимостный анализ) выполнялась в 2008 г., и результаты этого исследования были достаточно инновационными [2]. Но с тех пор произошли значительные изменения, недропользование существенно трансформировалось, и назрела настоятельная необходимость переоценки недр, особенно компоненты «востребованное богатство недр».

Также с учетом неизбежности реализации проектов декарбонизации в рамках климатической повестки считаем необходимой поддержку и поощрение на государственном уровне международного сотрудничества стран БРИКС в области проектов замены угля и нефти на газ или «голубой» водород.

Взаимодействие стран БРИКС в АЗРФ на туристско-рекреационном треке необходимо рассматривать в контексте национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», который базируется на достижении национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов»¹. Эта цель напрямую связана с путешествиями по стране, знакомством с достопримечательностями, культурологическими особенностями, местами силы, т. е. туристическими маршрутами в рамках внутреннего туризма. Ряд показателей нацпроекта (1.1, 3.1, 5.1, 6.1, 6.2) носят конкурсный характер и сфокусирован на крупных регионах и туристических объектах. Таким образом, многие арктические регионы находятся в неравных стартовых условиях по отношению к другим регионам. В целях развития туризма в удаленных, малонаселенных регионах со слабо развитой туристической инфраструктурой, с проблемной логистикой, считаем целесообразным пересмотр нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» и выделением сегмента «Арктический туризм» в отдельный блок.

Заключение

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы.

1. Наиболее перспективными треками арктического партнерства БРИКС, реализуемого преимущественно в рамках двустороннего сотрудничества, являются минерально-сырьевой и туристско-рекреационный треки.
2. Арктические мега-проекты требуют поиска многосторонних форматов, и перспективы участия стран Форума БРИКС представляются весьма значительными (прежде всего речь идет о компаниях КНР и Индии).
3. Необходимо изменение вектора приоритетов государственной энергетической политики в направлении дружественных организаций (прежде всего ШОС и БРИКС) и имплементация позитивного опыта технологического партнерства по трансферу и созданию новых технологий для нефтегазового сектора.
4. В качестве одного из ключевых факторов реализации программы развития АЗРФ в рамках минерально-сырьевого трека сотрудничества стран БРИКС в российском арктическом сегменте можно рассматривать результаты инновационной деятельности предприятий нефтегазового сектора, обеспечивающих минерально-сырьевой суверенитет России.
5. Необходимо выполнение технико-экономического анализа современного состояния минерально-сырьевой базы Российской Федерации и актуализация компоненты «востребованное богатство недр».
6. На государственном уровне необходимо поддерживать и поощрять международное сотрудничество стран Форума БРИКС в области проектов декарбонизации по замене угля и нефти на газ или «голубой» водород.

¹ Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

7. В целях развития туризма в удаленных, малонаселенных регионах России (в том числе северных регионах) целесообразен пересмотр нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» и выделение в отдельный блок сегмента «Арктический туризм».

Сотрудничество государств Форума БРИКС+ в АЗРФ будет осуществляться в различных форматах, в условиях взаимоуважения и взаимопонимания, но исключительно на основе многокультурного многообразия и выверенного партнерства.

Литература

1. *Бадылевич Р. В.* Тенденции и перспективы привлечения иностранных инвестиций в арктические мегапроекты в условиях геополитической напряженности // *Арктика и Север.* 2023. № 51. С. 5–27. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.5
2. *Богатство недр России. Минерально-сырьевой и стоимостный анализ / под ред. Б. К. Михайлова, О. В. Петрова, С. А. Кимельмана.* Изд. 2-е. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ, 2008. 484 с.
3. *Богданова Е. Н., Ершова И. В., Жура С. Е.* [и др.]. Модель развития научно-технического сотрудничества стран БРИКС в сфере комплексного изучения Арктики // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* 2021. № 12 (часть 3). С. 434–441. EDN: DCAIWW. DOI: 10.17513/vaael.2019
4. *Богданова Е. Н., Жура С. Е., Савельев И. В.* [и др.]. Перспективы научного и научно-технического сотрудничества России и КНР в Арктике: социально-политические аспекты // *Продовольственная безопасность коренного населения арктического региона в условиях изменения климата: вызовы и решения. Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* Архангельск, 2019. С. 34–43.
5. *Бхагват Д.* Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // *Арктика и Север.* 2020. № 38. С. 73–90. EDN: ASQEBA. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
6. *Ван Ясинь.* Международное научное сотрудничество стран БРИКС в Арктике // *Управленческое консультирование.* 2023. № 3. С. 131–139. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-131-139
7. *Вопиловский С. С.* Зарубежные экономические партнеры России в Арктической зоне // *Арктика и Север.* 2022. № 46. С. 33–50. EDN: GVEBRU. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.33
8. *Гао Т., Ерохин В. Л.* Экономические меры реализации научно-технического сотрудничества России и Китая в Арктике // *Теория и практика общественного развития.* 2021. № 1 (155). С. 59–64. EDN: DXOONR. DOI: 10.24158/tipor.2021.1.10
9. *Куклина Е. А.* Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России как ключевой фактор реализации программы освоения Арктики // *Горный журнал.* № 5 (2274). 2020. С. 20–24. EDN: CLBINE. DOI: 10.17580/gzh.2020.05.03
10. *Куклина Е. А.* К вопросу развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России (на примере регионов зоны Арктики) // *Управленческое консультирование.* 2020. Т. 134. № 2. С. 32–41. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-32-41
11. *Куклина Е. А.* О перспективном направлении научно-технологического сотрудничества в контексте функционирования сетевой платформы научно-образовательной кооперации Сетевого университета БРИКС / *Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС : материалы международной научно-практической конференции.* Вып. 1 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2023. С. 464–466.
12. *Куклина Е. А.* Российско-китайское стратегическое партнерство в Арктике как императив нашего времени / *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник.* Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2020. С. 195–198.
13. *Куклина Е. А.* Современный Китай в экономическом пространстве Арктики // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2021. Т. 15. № 1. С. 19–29. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-22-31
14. *Куклина Е. А., Чебан М. В.* Арктический туризм как перспективное направление развития концессионных проектов в Российской Федерации // *Экономика нового мира.* 2019. Т. 4. № 3 (Вып. 15). С. 6–12. EDN: MUMBUG
15. *Петров В. А., Волков А. В.* Ресурсный потенциал Арктической зоны России / *Научные труды ВЭО России.* 2021. Т. 228. С. 181–195. EDN: IOTBYN. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-181-195
16. *Хэ Сяо.* Перспективные направления китайско-российского туристического сотрудничества в Арктике // *Социально-политические науки.* 2022. Т. 12. № 5. С. 118–123. EDN: UEBMVS. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-5-118-123

17. *Dodds K. J.* Anticipating the Arctic and the Arctic Council: pre-emption, precaution and preparedness // *Polar Record*. 2013. Vol. 49 (2). P. 193–203. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247412000198>
18. *Global EV Outlook 2019*. Paris : IEA, 2019. 160 p.
19. *Hennessy T. W., Bressler J. M.* Improving Health in the Arctic Region through Safe and Affordable Access to Household Running Water and Sewer Services: an Arctic Council Initiative // *International Journal of Circumpolar Health*. 2016. Vol. 75 (1). P. 31–49. DOI: [10.3402/ijch.v75.31149](https://doi.org/10.3402/ijch.v75.31149)
20. *Lackenbauer P. W., Manicom J.* Canada's Northern Strategy and East Asian Interests in the Arctic / East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. Ed. by K. Hara and Ken S. Coates. McGill Queen's University Press. 2013. P. 77–116.
21. *Smith M., Giles K.* Russia and the Arctic: "The last Dash North" / Russia Series (Defence Academy of the United Kingdom). 2007. No. 07/26. P. 1.
22. *Steinveg B.* The Role of Conferences within Arctic Governance // *Polar Geography*. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 37–54. DOI: [10.1080/1088937X.2020.1798540](https://doi.org/10.1080/1088937X.2020.1798540)
23. *Tulupov D. S.* Arctic Dimension of China's Foreign Policy and Russia's Regional Interests // *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64. No. 7. P. 60–68. DOI: [10.20542/0131-2227-2020-64-7-60-68](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-60-68)

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; e-mail: jeakuklina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0457-2658

References

1. *Badylevich R. V.* Trends and Prospects of Attracting Foreign Investment in Arctic Megaprojects under Geopolitical Tension // *Arctic and North [Arktika i Sever]*. 2023. No. 51. P. 5–27. (In Rus.) DOI: [10.37482/issn2221-2698.2023.51.5](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.5)
2. *The Richness of the Subsoil of Russia. Mineral Raw Materials and Cost Analysis* / ed. by B. K. Mikhailova, O. V. Petrova, S. A. Kimelman. Ed. 2nd. Saint Petersburg : Publishing House of Russian Geological Research Institute (VSEGEI), 2008. 484 p. (In Rus.)
3. *Bogdanova E. N., Ershova I. V., Zhura S. E.* [et al.] Model of the Development of Scientific and Technical Cooperation among the BRICS Countries in the Field of the Complex Exploration of the Arctic // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021. No. 12 (Part 3). P. 434–441. (In Rus.) EDN: DCAIWW. DOI: [10.17513/vaael.2019](https://doi.org/10.17513/vaael.2019)
4. *Bogdanova E. N., Zhura S. E., Savelyev I. V.* [et al.] Prospects for Scientific and Scientific-Technical Cooperation between Russia and China in the Arctic: Socio-Political Aspects // *Food Security of the Indigenous Population of the Arctic Region in the Face of Climate Change: Challenges and Solutions. Collection of Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Arkhangelsk*, 2019. P. 34–43. (In Rus.)
5. *Bhagwat Jawahar.* Russia and India in the Arctic: a Case for Greater Synergy // *Arctic and North [Arktika i Sever]*. 2020. No. 38. P. 73–90. (In Rus.) EDN: ASQEBA. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2020.38.73](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.38.73)
6. *Wang Y.* International Scientific Cooperation in the Arctic among the BRICS Countries // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2023. No. 3. P. 131–139. (In Rus.) DOI: [10.22394/1726-1139-2023-3-131-139](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-3-131-139)
7. *Vopilovsky S.* Foreign Economic Partners of Russia in the Arctic Zone // *Arctic and North [Arktika i Sever]*. 2022. No. 46. P. 33–50. (In Rus.) EDN: GVEBRU. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2022.46.33](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.46.33)
8. *Gao T., Erokhin V.* Economic Measures of Implementation of Russian-Chinese Scientific and Technical Cooperation in the Arctic // *Theory and Practice of Social Development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]*. 2021. No. 1 (155). P. 59–64. (In Rus.) EDN: DXOONR. DOI: [10.24158/tipor.2021.1.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.1.10)
9. *Kuklina E. A.* Innovative Activities in Russia's Oil and Gas Sector as a Key Factor of the Arctic Development Program Implementation // *Mining Journal [Gornyi Zhurnal]*. No. 5 (2274). 2020. P. 20–24. (In Rus.) EDN: CLBINE. DOI: [10.17580/gzh.2020.05.03](https://doi.org/10.17580/gzh.2020.05.03)
10. *Kuklina E. A.* On the Development of the Tourism Industry through the Implementation of the Socio-Economic Potential of the Regions of Russia (On the Example of the Regions of the Arctic Zone) // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2020. V. 134. No. 2. P. 32–41. (In Rus.) DOI: [10.22394/1726-1139-2020-2-32-41](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-2-32-41)

11. Kuklina E. A. On the Promising Direction of Scientific and Technological Cooperation in the Context of the Functioning of the Network Platform of Scientific and Educational Cooperation of the BRICS Network University / Scientific, Technological and Innovative Cooperation of the BRICS Countries. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Issue 1 / RAN INION. Dep. scientific cooperation; resp. ed. V. I. Gerasimov. Moscow, 2023. P. 464–466. (In Rus.)
12. Kuklina E. A. Russian-Chinese Strategic Partnership in the Arctic as an Imperative of Our Time / Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 3. Part 1. Proceedings of the XIX National Scientific Conference with International Participation “Modernization of Russia: Priorities, Problems, Solutions”. Part 2 / RAS INION. Dep. Scientific Cooperation; Resp. Ed. V. I. Gerasimov. Moscow, 2020. P. 195–198. (In Rus.)
13. Kuklina E. A. Modern China in the Arctic Economic Space. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. V. 15. No. 1. P. 19–29. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-22-31
14. Kuklina E. A., Cheban M. V. Arctic Tourism as a Promising Area of Concession Projects Development in the Russian Federation // Economics of the New World [Ekonomika novogo mira]. 2019. V. 4. No. 3 (Issue 15). P. 6–12. (In Rus.) EDN: MUHBUG
15. Petrov V. A., Volkov A. V. Resource Potential of the Arctic Zone of Russia / Scientific Works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy VEO Rossii]. 2021. V. 228. P. 181–195. (In Rus.) EDN: IOTBYN. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-181-195
16. He Xiao. Promising Areas of Chinese-Russian Tourism Cooperation in the Arctic // Sociopolitical Sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2022. V. 12. No. 5. P. 118–123. (In Rus.) EDN: UEBMVS. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-5-118-123
17. Dodds K. J. Anticipating the Arctic and the Arctic Council: pre-emption, Precaution and Preparedness // Polar Record. 2013. Vol. 49 (2). P. 193–203. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247412000198>
18. Global EV Outlook 2019. Paris : IEA, 2019. 160 p.
19. Hennessy T. W., Bressler J. M. Improving Health in the Arctic Region through Safe and Affordable Access to Household Running Water and Sewer Services: an Arctic Council Initiative // International Journal of Circumpolar Health. 2016. Vol. 75 (1). P. 31–49. DOI: 10.3402/ijch.v75.31149
20. Lackenbauer P. W., Manicom J. Canada’s Northern Strategy and East Asian Interests in the Arctic / East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. Ed. by K. Hara and Ken S. Coates. McGill Queen’s University Press. 2013. P. 77–116.
21. Smith M., Giles K. Russia and the Arctic: “The last Dash North” / Russia Series (Defence Academy of the United Kingdom). 2007. No. 07/26. P. 1.
22. Steinveg B. The Role of Conferences within Arctic Governance // Polar Geography. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 37–54. DOI: 10.1080/1088937X.2020.1798540
23. Tulupov D. S. Arctic Dimension of China’s Foreign Policy and Russia’s Regional Interests // World Economy and International Relations. 2020. V. 64. No. 7. P. 60–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-60-68

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor;
e-mail: jeakuklina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0457-2658

Перспективные направления формирования финансового суверенитета в рамках Большого евразийского партнерства

Додонов В. Ю.

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

e-mail: dodonovv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0741-417X

РЕФЕРАТ

Новые условия осуществления экономической деятельности на национальном и международном уровнях требуют ускоренного формирования суверенитета в критически значимых сферах, одной из которых является финансовая. Формирование полноценного финансового суверенитета является актуальным для всех государств Большой Евразии, в связи с чем реализацию данной задачи целесообразно осуществлять совместными и скоординированными усилиями в рамках широкого евразийского партнерства.

Цель. Выявление наиболее перспективных направлений формирования финансового суверенитета в рамках Большого евразийского партнерства.

Методы. Комплексный анализ причин и условий зависимости национальных экономик от внешних финансовых систем, сравнительный анализ факторов доминирования западных компонентов глобальной финансовой архитектуры.

Результаты. Выделены основные направления формирования финансового суверенитета стран Большой Евразии на основе повышения уровня независимости национальных финансовых систем от западной инфраструктуры финансового сектора. Предложены наиболее перспективные методы достижения этой задачи на основе создания в рамках Большого евразийского партнерства новых видов резервных активов, представляющих альтернативу долговым обязательствам США и европейских стран, а также формирования интегрированной системы торговли финансовыми инструментами стран Большой Евразии.

Выводы. Растущая экономическая конфронтация Запада и ряда крупнейших экономик Большой Евразии предельно актуализирует проблематику формирования реального финансового суверенитета, достижение которого требует новых подходов, создания ряда специализированных институтов и крупномасштабного сотрудничества ведущих экономических центров континента с целью углубления интеграции национальных финансовых систем и рынков.

Ключевые слова: финансовый суверенитет, Большая Евразия, международные резервные активы, финансовая инфраструктура, санкции, финансовые рынки

Для цитирования: Додонов В. Ю. Перспективные направления формирования финансового суверенитета в рамках Большого евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 38–49.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-38-49>

Advanced Directions for the Financial Sovereignty Formation within the Framework of the Great Eurasian Partnership

Vyacheslav Yu. Dodonov

Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies under the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

e-mail: dodonovv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0741-417X

ABSTRACT

The new conditions for the implementation of economic activity at the national and international levels require the accelerated formation of sovereignty in critical areas, one of which is financial. The formation of full-fledged financial sovereignty is relevant for all states of Greater Eurasia, and therefore it is advisable to implement this task through joint and coordinated efforts within the framework of a broad Eurasian partnership.

Aim. Find out the most promising areas for the formation of financial sovereignty within the framework of a large Eurasian partnership.

Methods. A comprehensive analysis of the causes and conditions for the dependence of national economies on external financial systems, a comparative analysis of the factors of Western components dominance in the global financial architecture.

Results. The main directions of the formation of the financial sovereignty for the countries of Greater Eurasia on the basis of increasing the level of independence of national financial systems from the Western infrastructure of the financial sector are identified. The most promising methods for achieving this goal are proposed based on the creation of new types of reserve assets within the framework of a large Eurasian partnership, which are an alternative to debt obligations of the United States and European countries, as well as the formation of an integrated system for financial instruments trading by the countries of Greater Eurasia.

Conclusions. The growing economic confrontation between the West and a number of the largest economies of Greater Eurasia is extremely relevant to the problem of the formation of real financial sovereignty, the achievement of which requires new approaches, the creation of a number of specialized institutions and large-scale cooperation between the leading economic centers of the continent in order to deepen the integration of national financial systems and markets.

Keywords: financial sovereignty, Greater Eurasia, international reserve assets, financial infrastructure, sanctions, financial markets

For citing: Dodonov V. Yu. Advanced Directions for the Financial Sovereignty Formation within the Framework of the Great Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 38–49. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-38-49>

Введение

Санкционное противостояние между Западом и рядом ключевых экономик Большой Евразии, включая Россию, Китай, Иран, резко актуализировало вопрос о формировании реального суверенитета в ключевых сферах экономики. Наиболее остра данная проблема в финансовой сфере в связи с тем, что именно финансовая инфраструктура глобальной экономики в максимальной степени монополизирована западными странами, что делает финансовое взаимодействие даже наиболее независимых государств Большой Евразии весьма уязвимым перед санкциями США, Европы и Великобритании. В этой связи проблематика выстраивания финансового суверенитета отличается как чрезвычайной актуальностью (которая подчеркивается и рядом специалистов [1; 2; 3; 4]), так и необходимостью срочной реализации соответствующих мер.

Необходимость формирования финансового суверенитета и основные направления этого процесса

Основными сферами формирования финансового суверенитета, на наш взгляд, должны быть, с одной стороны, те, в которых до настоящего времени сохраняется высокая уязвимость национальных интересов

перед действиями западной монополии, и, с другой стороны, те, в которых имеется высокий потенциал сравнительно быстрого выстраивания альтернативы западным институциям, способной обеспечить независимое функционирование национальных финансовых систем как стран Большой Евразии, так и других государств. При этом формирование суверенных финансовых институтов предполагает конкуренцию с существующими западными системами на глобальном уровне по мере их укрепления.

Следует отметить, что часть элементов суверенной финансовой инфраструктуры, альтернативных западным, уже выстраивается силами отдельных государств Большой Евразии, прежде всего КНР, а также в рамках БРИКС (Новый банк развития) и некоторых других международных организаций. Экономическая война ускорила реализацию соответствующих решений Россией. Однако до настоящего времени создаваемые компоненты суверенных финансовых систем имеют ограниченный масштаб, отличаются фрагментарностью как в функциональном, так и в географическом аспектах, имеют недостаточный охват. Отдельной проблемой является то, что даже учрежденные без участия западных стран и направленные на создание альтернативы существующим финансовым институциям такие компоненты (будь то международные финансовые институты, платежные системы или инфраструктурные организации) остаются уязвимыми перед западными ограничениями. Примеров такого рода, возникших вследствие введения санкций против России в 2022 г., достаточно много, включая «приостановку всех транзакций с Россией»¹ Новым банком развития БРИКС (в котором 19,4% акций принадлежит российской стороне), вынужденная уступка Россией части своего пакета акций в Евразийском банке развития в пользу других стран-участниц, в результате чего российская доля сократилась с 66% до 44,8%², многочисленные отказы от сотрудничества с платежной системой «Мир» банков стран, номинально не поддерживающих санкции и даже входящих в интеграционные объединения с Россией, и пр. Такого рода случаи демонстрируют, что недостаточно создания формально независимых от западных финансовых институций (без их прямого участия) структур и систем, необходимо также обеспечивать механизмы их функционирования, устойчивые к внешним ограничениям, что позволит сформировать реальный суверенитет в финансовой сфере.

По нашему мнению, основными направлениями формирования финансового суверенитета странами Большой Евразии должны быть следующие:

- «отвязывание» национальных финансовых систем или, как минимум, их критически важных компонентов (в частности, государственных институтов развития и системно значимых компаний) от западной сферы услуг в области финансов — аудиторов, рейтинговых агентств, консалтинговых компаний и пр.;
- создание независимых торговых, платежных, расчетных, клиринговых, депозитарных систем, обеспечивающих полноценное функционирование национальных финансовых систем и их взаимодействие с зарубежными контрагентами без участия западной финансовой инфраструктуры;
- повышение роли национальных валют в международной и мировой торговле за счет их использования в качестве средства оплаты за экспорт;
- создание финансовых инструментов, которые могут выступать в качестве резервных активов, альтернативных государственным долговым обязательствам США и европейских стран;
- выход из международных финансовых организаций, контролируемых западными странами и действующих в их интересах, в том числе осуществляя политику, наносящую ущерб ряду государств Большой Евразии отчасти за счет средств этих же государств.

Первые два направления являются скорее техническими, имея в то же время большое значение для снижения уязвимости национальных финансовых систем, причем вне зависимости от того, на какой стадии конфронтации (или сотрудничества) находятся те или иные государства с западными контрагентами. Необходимость отказа от услуг западных аудиторов, рейтинговых агентств и иных организаций

¹ Investor Presentation February 2023. P. 15 [Электронный ресурс] // New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int/investor-relations/investor-faqs/> (дата обращения: 19.03.2023).

² Совет ЕАБР одобрил перераспределение уставного капитала между участниками Банка [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. 16.01.2023. URL: <https://eabr.org/press/releases/sovets-eabr-odobril-pereraspredelenie-ustavnogo-kapitala-mezhdu-uchastnikami-banka/> (дата обращения: 19.03.2023).

финансовой инфраструктуры обсуждалась на протяжении многих лет и задолго до кризисов во взаимоотношениях России и Запада или Китая и США, причем зачастую даже не в контексте обретения финансового суверенитета, а в связи с многочисленными случаями их дискредитации собственной репутации. М. Эльхури отмечал, что «провал больших рейтинговых агентств в предсказании Азиатского кризиса 1997–1998 годов и недавних банкротств Enron, WorldCom и Parmalat поднял вопрос о качестве процесса присвоения рейтингов» [7, р. 3], а исследование ООН 2022 г. поднимает вопрос «о потенциальных искажениях рейтинговых действий в отношении развивающихся стран» [9], так как в период пандемии COVID-19 на развивающиеся страны пришлось более 95% негативных рейтинговых действий, тогда как на развитые страны — менее 5%. При этом до настоящего времени «большая тройка» рейтинговых агентств (Moody's, Standard and Poor's и Fitch) имеет совокупную долю мирового рынка рейтинговых услуг около 90% [Там же].

Это относится и к другой олигополии рынка обслуживания мировой финансовой системы — аудиторским компаниям, которые так же, как и рейтинговые агентства, многократно критиковались за неадекватную оценку компаний, находящихся на грани банкротства (последним примером такого рода является положительная оценка KPMG обанкротившегося в марте 2023 г. американского банка SVB), и так же сохраняют свое доминирующее положение не только в странах происхождения, но и в большинстве развивающихся экономик, включая государства Большой Евразии. В целом данное направление формирования финансового суверенитета нет необходимости освещать подробно, так как оно уже начало выстраиваться (в крупных экономиках уже сформированы национальные организации на рынках рейтинговых услуг, аудита, консалтинга и пр.), причем после начала экономической войны Запада и России этот процесс резко ускорился.

Причины зависимости национальных финансовых систем от западных институций и усиление ее негативного влияния в XXI в.

Доминирование западных институций в соответствующих секторах глобального рынка объясняется достаточно просто — их услуги являются необходимым условием для доступа зарубежных компаний на крупнейшие финансовые рынки мира, прежде всего США, в качестве эмитентов ценных бумаг, заемщиков, партнеров зарубежных банков и пр. То есть как монополизм западных компаний в сфере финансовых услуг, так и ключевое положение многих других элементов глобальной финансовой архитектуры определяется тем, что западные, прежде всего американские, рынки являются крупнейшими в мире источниками самых разных типов финансирования для всего мира, включая страны Большой Евразии. Таким образом, основным вопросом формирования финансового суверенитета любой страной или группой стран является, во-первых, отказ от обращения к западному финансированию и, во-вторых, формирование собственных источников рыночной ликвидности, способных заместить рынки США и Европы.

Необходимость такого подхода также диктуется и усилением угрозы для активов иностранных инвесторов в западных странах, обусловленной нарастающим количеством и произвольным использованием жестких санкций в ходе усиливающейся конфронтации. В данном случае речь не о государственных активах, практика заморозки которых используется давно и распространялась на многие государства Большой Евразии — от КНДР до Афганистана — еще до начала экономической войны с Россией. Крайне остра и проблема сохранности средств негосударственных корпораций и отдельных граждан. В начале марта 2023 г. объем замороженных западными странами (группой REPO — США, Австралия, Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония, а также ЕС) активов российских граждан оценивался в 80 млрд долл.¹

Если же рассматривать ситуацию с суверенными активами (средствами и имуществом государственных компаний, правительств, центральных банков и суверенных фондов), то она также последовательно и быстро ухудшается. Ранее инструмент заморозки (или блокирования) суверенных активов применялся

¹ США и ЕС заморозили \$80 млрд российских активов [Электронный ресурс] // Право.ru. 09.03.2023. URL: <https://pravo.ru/news/245555/> (дата обращения: 21.03.2023).

в качестве финансовой санкции достаточно редко и в исключительных ситуациях, разрешение которых вело к его отмене или, как минимум, смягчению. Заморозка суверенных активов производилась США в декабре 1950 г. в отношении Северной Кореи и КНР, в 1963 г. в отношении Кубы, в 1979 г. — в отношении Ирана, то есть применение этой санкции осуществлялось с интервалом примерно в полтора десятилетия, а объемы замораживаемых средств были относительно невелики, исчисляясь несколькими десятками миллионов долларов¹. Однако в XXI в. ситуация кардинально изменилась, и как частота, так и объем блокируемых суверенных активов резко возросли. В таблице 1 представлены примеры блокировки со стороны США суверенных активов ряда стран, которые зачастую продолжали ранее введенные и затем частично отмененные или приостановленные санкции (КНДР, Иран). Динамика применения заморозки суверенных активов демонстрирует, что в течение последнего десятилетия данный санкционный инструмент утратил свою исключительность и стал практически рутинным методом ведения экономической войны США против геополитических соперников, а объемы подпавших под его действие активов в настоящее время приблизились к величине порядка полутриллиона долларов.

Таблица 1

Динамика объемов заморозки США и их союзниками суверенных активов иностранных государств, млрд долл. США

Table 1. Dynamics of Foreign Sovereign Assets Freezing by the USA and Its Allies, USD billion

Год блокирования	Страна	Оценочный объем заблокированных активов на момент заморозки
1963	Куба	0,03
1990	Ирак	1,4
2011	Сирия	0,07
2012	Ливия	67
2017	КНДР	0,06
2018	Иран	100
2019	Венесуэла	3
2021	Афганистан	7
2022	Россия	300

Источник: Составлено автором на основе данных из источников²

При этом данный санкционный инструмент стал применяться в одностороннем порядке, без одобрения Совета безопасности ООН, то есть фактически утратил международную легитимность, углубляя курс отдельных государств на произвольное использование экономических санкций, в результате которых, по оценкам ООН, «на сегодняшний день почти треть человечества живет в странах, против которых

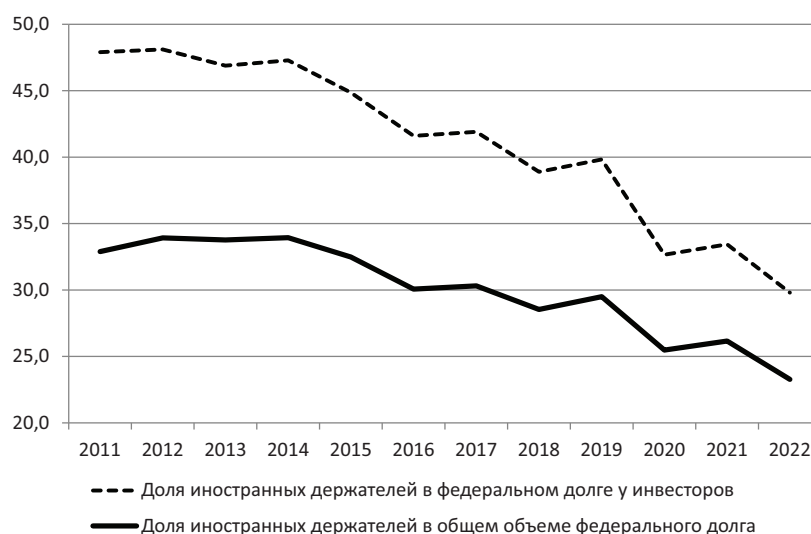
¹ Anti-Blockade, Embargo and Freeze Campaign for Foreign Trade Progress (1950–1952) [Электронный ресурс] // Bank of China. URL: https://www.boc.cn/en/about/boc/ab7/200809/t20080926_1601856.html (дата обращения: 17.03.2023); US Froze \$253 Million in Cuban Assets in 2012 [Электронный ресурс] // Havana Times, 07.06.2013. URL: <https://havanatimes.org/features/us-froze-253-million-in-cuban-assets-in-2012/> (дата обращения: 20.03.2023).

² US Froze \$253 Million in Cuban Assets in 2012 [Электронный ресурс] // Havana Times, 07.06.2013. URL: <https://havanatimes.org/features/us-froze-253-million-in-cuban-assets-in-2012/> (дата обращения: 20.03.2023); UN Says US is Blocking up to \$120 Billion of Iran’s Funds Abroad [Электронный ресурс] // Bloomberg. 18.05.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-18/un-says-us-is-blocking-up-to-120-billion-of-iran-s-funds-abroad> (дата обращения: 18.03.2023); N. Korea had US\$74 mln worth of frozen assets in U.S. last year: Treasury report [Электронный ресурс] // Yonhap News Agency. 31.05.2019. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20190531003500325> (дата обращения: 20.03.2023); Venezuela’s frozen funds to be gradually released for humanitarian aid [Электронный ресурс] // Reuters. 27.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/venezuelas-frozen-funds-be-gradually-released-humanitarian-aid-2022-11-26> (дата обращения: 20.03.2023); Libya sovereign fund has \$68 bln in frozen assets, makes financial statements push [Электронный ресурс] // Al Arabiya News. 18.05.2021. URL: <https://english.alarabiya.net/business/economy/2021/05/18/Libya-sovereign-fund-has-68-bl-in-frozen-assets-makes-financial-statements-push> (дата обращения: 17.03.2023); U.S. Seizes \$1.4 Billion in Frozen Iraqi Assets [Электронный ресурс] // The Washington Post. 21.03.2003. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2003/03/21/us-seizes-14-billion-in-frozen-iraqi-assets/98cbb395-ec84-422e-b825-7a864eea340d/> (дата обращения: 20.03.2023); I. Brunk. Central Bank Immunity, Sanctions, and Sovereign Wealth Funds (February 18, 2023). George Washington Law Review, 2023, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4363261> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4363261>; ЕС заморозил около €33,8 млрд национальных резервов РФ [Электронный ресурс] // Право.ру. 18.11.2022. URL: <https://pravo.ru/news/243973/> (дата обращения: 20.03.2023).

применяются односторонние принудительные меры — санкции, введенные отдельными государствами или группами стран без одобрения Совбеза ООН»¹.

Мировые резервные активы как ключевая сфера формирования финансового суверенитета для стран Большой Евразии

Расширение практики заморозки суверенных активов в одностороннем порядке со стороны США обусловило снижение привлекательности долларовых активов как инструмента размещения валютных резервов со стороны иностранных эмитентов. Это отражается как статистикой МВФ, фиксирующей снижение доли доллара в мировых резервах до минимумов ведения соответствующей статистики², так и американскими данными, демонстрирующими уменьшение удельного веса иностранных держателей государственных обязательств США в течение последнего десятилетия, то есть в период активного использования заморозки суверенных активов (рис. 1).

Рис. 1. Динамика доли иностранных держателей долговых обязательств Казначейства США в общем объеме федерального долга и федерального долга у всех инвесторов, %

Fig. 1. Dynamics of the Share of Foreign Holders of US Treasury Securities in the Total Federal Debt and Federal Debt Held by the Public, %

Источник: Расчеты автора по данным Федерального резервного банка Сент-Луиса³

Следует отметить, что снижение доли иностранных держателей казначейских обязательств США произошло за счет развивающихся стран, у которых отмечено не только сокращение удельного веса, но и абсолютного объема данных ценных бумаг. Особенно сильное снижение было отмечено в период 2020–2022 гг., когда объем вложений развивающихся стран в казначейские обязательства США уменьшился на 199 млрд долл. (на 6,7%), а их удельный вес в общем объеме вложений иностранных инвесторов в эти

¹ Эксперт ООН призвала отменить односторонние санкции в отношении Сирии [Электронный ресурс] // Новости ООН. 10.11.2022. Организация объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434617> (дата обращения: 21.03.2023).

² Arslanalp S., Simpson-Bell C. US Dollar Share of Global Foreign Exchange Reserves Drops to 25-Year Low [Электронный ресурс] // IMF Blog. May 5, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/05/05/blog-us-dollar-share-of-global-foreign-exchange-reserves-drops-to-25-year-low> (дата обращения: 21.03.2023).

³ U.S. Department of the Treasury. Fiscal Service, Federal Debt: Total Public Debt [GFDEBTN], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEBTN> (дата обращения: 20.03.2023); U.S. Department of the Treasury. Fiscal Service, Federal Debt Held by Foreign and International Investors [FDHBFIN], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FDHBFIN> (дата обращения: 20.03.2023); U.S. Department of the Treasury. Fiscal Service, Federal Debt Held by the Public [FYGFDPUN], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FYGFDPUN> (дата обращения: 20.03.2023).

бумаги — на 4,5 п. п., с 44,2% до 39,8%. После заморозки российских активов в 2022 г. динамика сокращения объема казначейских обязательств США у развивающихся экономик ускорилась — с февральского уровня в 3034 млрд долл. к концу декабря этот показатель снизился до 2909 млрд долл., или на 4,1%¹. У этого сокращения были различные причины, включая снижение объема валютных резервов у ряда стран в результате борьбы с последствиями пандемии COVID-19 и падение рыночных цен облигаций вследствие ужесточения монетарной политики ФРС США и другими центральными банками мира. В то же время одним из факторов этого сокращения, безусловно, стала практика заморозки суверенных активов, поставившая под угрозу сохранность средств, размещенных в американских и других западных активах.

Данная ситуация чрезвычайно актуализировала проблему создания финансовых инструментов, способных стать альтернативой долговым обязательствам развитых стран (США в первую очередь). Демонополизация рынка мировых резервных активов и разрушение роли доллара США как доминирующей глобальной валюты тормозится из-за отсутствия альтернативных средств размещения мировых резервов. В настоящее время такими альтернативами крайне ограниченного масштаба являются только золото и отчасти активы, деноминированные в юанях. Поэтому ключевым, на наш взгляд, направлением формирования финансового суверенитета стран Большой Евразии в части отказа от западных валют и финансовых инструментов является создание нового класса ценных бумаг, выполняющих функцию мировых резервных активов в рамках реальной многополярной финансовой архитектуры. В настоящий момент ситуация благоприятствует появлению таких финансовых инструментов, так как инвестиционная привлекательность традиционных резервных активов значительно снизилась и возник большой неудовлетворенный спрос на безопасные и надежные активы, способные их заменить, прежде всего, со стороны развивающихся стран, имеющих трения с США и опасющихся блокирования своих резервов.

В этой связи необходимо активизировать работу, прежде всего, в рамках многосторонних организаций Большой Евразии — как существующих, так и перспективных, которые могут быть созданы для решения данной задачи, по эмиссии таких финансовых инструментов. Данные инструменты и принципы их выпуска должны отличаться от практики эмиссии долговых обязательств, которые в настоящее время выступают в роли мировых резервных активов, что сделает их конкурентоспособными на глобальном рынке. На наш взгляд, эти активы целесообразно выпускать в двух форматах: во-первых, в формате облигаций, эмитируемых международными финансовыми организациями стран Большой Евразии (такими как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, ЕАБР и пр.) и/или партнерскими организациями (такими как Новый банк развития БРИКС), и, во-вторых, в виде производных ценных бумаг, базовым активом которых являются национальные долговые обязательства стран Большой Евразии.

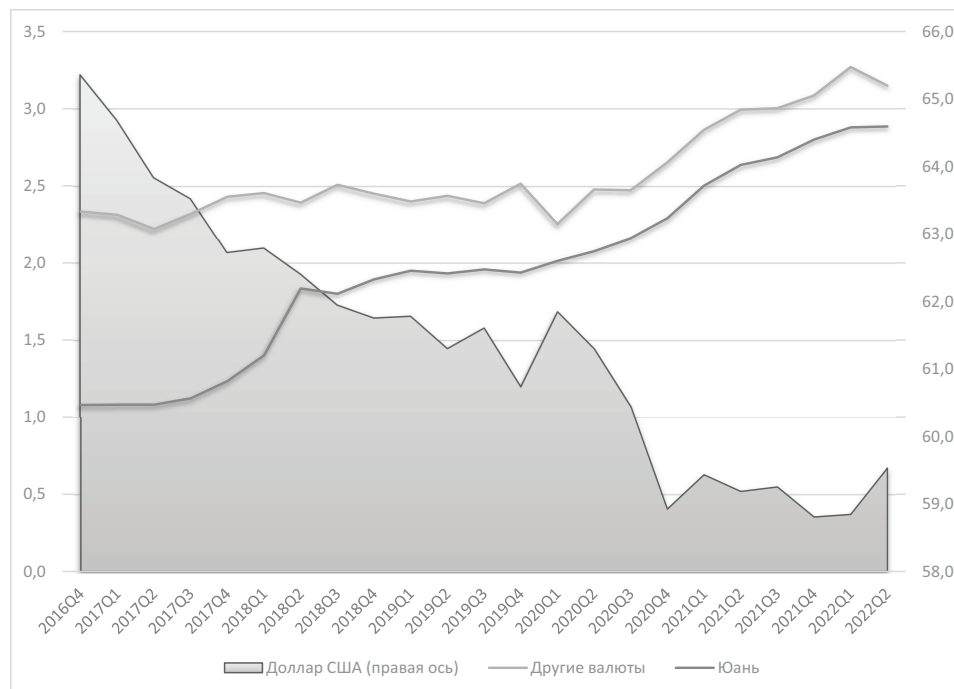
Отличительными особенностями эмиссии данных инструментов должны быть следующие:

- обеспеченность реальными активами;
- гарантированная ликвидность по стороны эмитента и государств-учредителей, а также поддержка рынка в ситуации повышенной волатильности, защищающая держателей от сильных просадок цены;
- отказ от получения рейтингов западных рейтинговых агентств и использование соответствующих процедур только аналогичных организаций из стран-учредителей эмитирующих организаций;
- отказ от западных аудиторских компаний и других учреждений западной финансовой инфраструктуры в процессе выпуска и обращения ценных бумаг на вторичном рынке (банки-андеррайтеры, депозитари, биржи, клиринг и пр.).

Обеспечение ликвидности и надежности для данных финансовых инструментов позволит ускорить процесс формирования альтернативных западным резервных активов. Этот процесс характеризовался выраженной положительной динамикой в XXI в., которая значительно ускорилась в течение нескольких последних лет — с конца 2016 г. по второе полугодие 2022 г. доля доллара в мировых резервах снизилась с 65,4% до 59,5%, а совокупная доля других валют (преимущественно из стран, не считающихся

¹ Рассчитано автором по данным Казначейства США: Major Foreign Holders of Treasury Securities [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://ticdata.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/mfhhis01.txt> (дата обращения: 21.03.2023).

развитыми¹) и юаня выросла с 3,4% до 6% (рис. 2). На наш взгляд, тенденция изменения структуры мировых валютных резервов может быть существенно ускорена, если альтернативой американским и европейским долговым обязательствам будут не только аналогичные ценные бумаги других государств, но и активы международных организаций, созданных (в том числе и для соответствующих целей) странами Большой Евразии, Глобального Юга, или в целом стран, не входящих в систему Pax Americana.

Рис. 2. Динамика удельного веса доллара США, юаня и других валют в размещенных мировых резервах, %
 Fig. 2. Dynamics of the Share of the US Dollar, Chinese Renminbi and Other Currencies in World Allocated Reserves, %

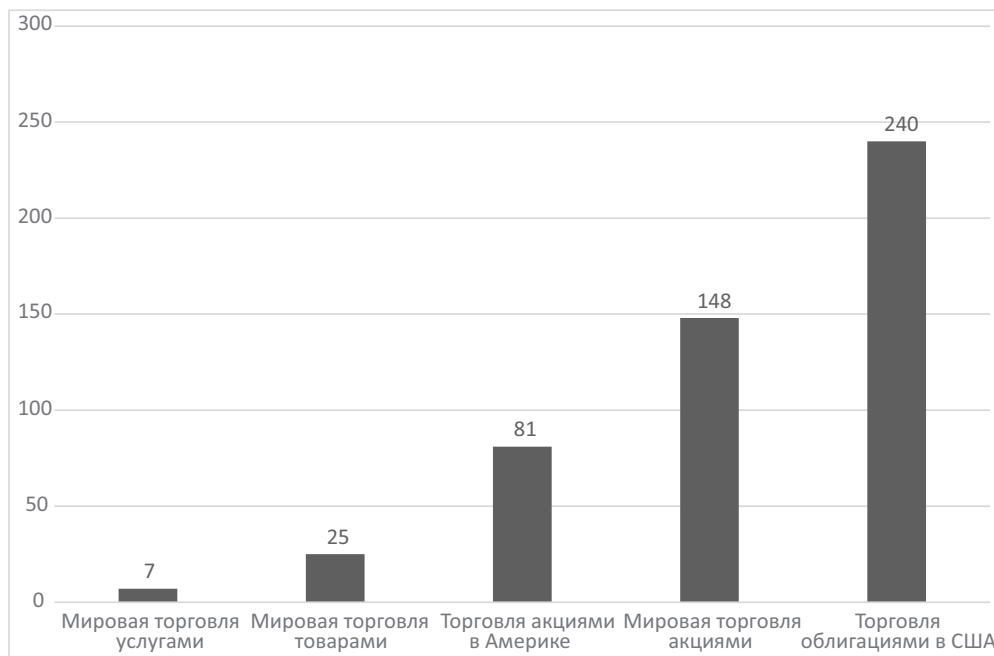
Источник: Расчеты автора по данным Международного валютного фонда²

Организованные финансовые рынки как основной элемент финансового суверенитета Большой Евразии

Рассматривая причины доминирования доллара США в глобальной финансовой системе и перспективы формирования финансового суверенитета, независимого от этой валюты, нельзя обойти вниманием другую (помимо резервной) важнейшую сферу, формирующую значительную часть спроса на нее, — организованные рынки финансовых инструментов. В настоящее время основным дискурсом в обсуждении «отказа от доллара» и формировании конкурирующих платежных средств и систем (будь то национальные, наднациональные или крипто-валюты) является перевод торговли товарами на оплату альтернативными доллару платежными средствами. Между тем объемы этой торговли многократно меньше, чем объемы торговли разного рода финансовыми инструментами, осуществляемой в долларах (рис. 3). Соответственно, спрос на доллар США как на платежное средство, формируемый мировой торговлей товарами и услугами, составляет крайне незначительную часть оборота основной сферы его использования — расчетов на финансовых рынках.

¹ То есть валют, не выделяемых МВФ в качестве традиционных резервных — евро, британского фунта, швейцарского франка, японской иены, австралийского и канадского доллара.

² Рассчитано автором по данным МВФ: Currency Composition of Foreign Exchange Reserves (COFER) [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4> (дата обращения: 27.03.2023).

Рис. 3. Объемы мировой торговли товарами и услугами в сопоставлении с торговлей ценными бумагами в 2022 г., трлн долл. США

Fig. 3. The volume of world trade in goods and services in comparison with the trade in securities in 2022, trillion USD

Источник: Расчеты автора по данным различных источников¹

Поскольку именно американские рынки акций, облигаций и (в еще большей степени) производных финансовых инструментов являются крупнейшими в мире, то участие в операциях на этих рынках требует предварительной покупки американской валюты, что и обуславливает высокий спрос на нее со стороны институциональных инвесторов всего мира. И этот спрос многократно выше, чем тот, который формируется расчетами за поставки товаров, даже самых ликвидных и востребованных, включая нефть, продовольствие и пр. Крупнейшие в мире финансовые рынки США являются в настоящее время в силу своих размеров наиболее привлекательными как для институциональных инвесторов (равно как и для розничных инвесторов — физических лиц), так и для эмитентов всего мира, которые могут получить там максимальный спрос на предлагаемые ими ценные бумаги. Как инвесторы, так и эмитенты из других государств, выходя со своими деньгами или ценными бумагами на финансовые рынки США, становятся активными пользователями доллара, а также широкого комплекса услуг американской финансовой инфраструктуры, что автоматически укрепляет спрос и на валюту США, и на данные услуги, усиливая их позиции в глобальной финансовой архитектуре.

При этом, поскольку эмитенты (в том числе из стран Большой Евразии), выходящие на зарубежные финансовые рынки, как правило, являются негосударственными компаниями, они зачастую не учитывают межгосударственные трения и не склонны следовать курсу своей страны в отношениях с теми же США, что в дальнейшем может привести к болезненным для «аполитичного» бизнеса последствиям. Примеры такого рода не ограничиваются многочисленными случаями заморозки активов российского бизнеса после марта 2022 г. До этого, в период обострения американо-китайских отношений, начавшегося с объявления торговой войны администрацией Трампа, серьезные проблемы на фондовом рын-

¹ По торговле облигациями в США данные за 2020 г. Рассчитано автором по данным из следующих источников: Global Trade Update (December 2022) [Электронный ресурс] // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/global-trade-update-december-2022#:~:text=Global%20trade%20is%20set%20to,increasing%20by%203%20per%20cent> (дата обращения: 22.03.2023); Full year 2022 Market Highlights report [Электронный ресурс] // World Federation of Exchanges. URL: <https://www.world-exchanges.org/our-work/articles/full-year-2022-market-highlights-report> (дата обращения: 22.03.2023); 2021 Capital Markets Fact Book. SIFMA. July 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sifma.org/wp-content/uploads/2021/07/CM-Fact-Book-2021-SIFMA.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

ке США возникли у китайских компаний, которые были, в частности, связаны с возможностью делистинга их акций с американских фондовых бирж, появившейся с принятием закона «О контроле за отчетностью иностранных компаний» в 2021 г. Этот закон позволяет исключать китайские компании из листинга американских фондовых бирж при условии неполноты отчетности. Некоторые наблюдатели расценили принятие этого закона как «возможность для финансовой и экономической дестабилизации Китая»¹ со стороны США, и эта возможность не только сохраняется и после смены американской администрации, создавшей ее, но и усиливается. В конце 2022 г. риск делистинга существовал примерно для 200 китайских компаний с совокупной капитализацией около 2 трлн долл.²

Поскольку ключевыми элементами доминирования США в глобальной финансовой системе являются государственные долговые обязательства (являющиеся в настоящее время основным средством размещения мировых резервов) и финансовые рынки, предоставляющие лучшие на сегодняшний день возможности как для инвесторов, так и для эмитентов, формирование финансового суверенитета, в том числе в рамках Большого евразийского партнерства, невозможно без замещения этих двух элементов, хотя бы частичного. Пока не будут созданы независимые от США и Европы альтернативы высокорейтинговым государственным долговым обязательствам и мощные финансовые центры, альтернативные фондовым биржам США и Великобритании, реальный финансовый суверенитет стран Большой Евразии невозможен, так же как невозможен и перенос центра финансовой силы из США в Евразию. Гипотетический отказ от «нефтедоллара» в мировой торговле не изменит ситуацию с доминированием американской валюты в глобальной экономике до тех пор, пока она остается, образно говоря, «доллодолларом» и «фондодолларом».

Соответственно, основные усилия государств, стремящихся к формированию реального финансового суверенитета в рамках Большого евразийского партнерства, должны быть сосредоточены на быстром создании альтернатив этим двум ипостасям американской валюты. Возможные альтернативы долговым обязательствам США были рассмотрены выше, в отношении же альтернативы американским финансовым рынкам можно отметить, что азиатские финансовые центры (в первую очередь Шанхайская, Шеньчженьская³, Гонконгская фондовые биржи, а также Национальная фондовая биржи Индии) уже вошли в число крупнейших мировых торговых площадок и в среднесрочной перспективе смогут составить реальную конкуренцию крупнейшим биржам США (NYSE и NASDAQ). Аналогична ситуация с товарными биржами, где перспективы роста роли евразийских торговых площадок подкрепляются объективными предпосылками доминирования как поставщиков (прежде всего России), так и потребителей (КНР, Индия) континента. Но ускорение концентрации капитала на этих или других евразийских биржах, на наш взгляд, возможно при условии согласованных с другими заинтересованными сторонами программ их развития, а также на основе создания новых многосторонних биржевых организаций (вероятно, в формате интегрированных систем электронной торговли) и сопутствующей инфраструктуры. Такие программы и учреждения должны стать одним из приоритетных направлений Большого евразийского партнерства в рамках общего для ключевых стран региона курса на формирование финансового суверенитета. Технические возможности для создания некоей объединенной евразийской системы котирования и торговли (своего рода EASDAQ) существуют, в данной сфере необходимо достичь принципиального согласия крупнейших участников рынка по их участию в объединенной континентальной системе биржевой торговли (вероятно, с участием государственной поддержки). Формирование такой системы позволило бы организовать крупнейшие в мире центры биржевой торговли акциями и товарными активами для ведущих развивающихся стран мира, прежде всего стран Большой Евразии, и создать реальную альтернативу западным финансовым рынкам как для инвесторов, так и для эмитентов.

¹ Wei S.-J. What if America Delists Chinese Firms? [Электронный ресурс] // Project Syndicate, July 21, 2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-threat-to-delist-chinese-firms-by-shang-jin-wei-2021-07?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 19.12.2022).

² Eaglesham J. China-Based Auditors Pose Risks for U.S. Companies, Study Shows [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. Jan. 20, 2022. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-based-auditors-pose-risks-for-u-s-companies-study-shows-11642674601> (дата обращения: 19.12.2022).

³ Которые по отдельным параметрам уже вошли в первую пятерку мировых фондовых бирж, опередив все европейские биржи и уступая только двум крупнейшим биржам США.

Заключение

Формирование единого трансконтинентального организованного финансового рынка на основе крупнейших бирж Большой Евразии с подключением средних и региональных торговых площадок из большинства стран региона позволило бы решить многие задачи в области достижения финансового суверенитета. Помимо наиболее очевидной из них — создания крупнейшего в мире источника финансовых средств для эмитентов стран региона и высоколиквидной торговой системы для портфельных инвесторов (как институциональных, так и частных), реализация такой инициативы позволяет решить следующие задачи:

- значительно повысить финансовую связанность стран Большой Евразии;
- ускорить развитие собственных систем и институтов финансовой инфраструктуры, независимых от западных — от платежных, депозитарных и клиринговых до рейтинговых, аудиторских, консалтинговых компаний и т. п.;
- создать крупнейший рынок для новых и существующих долговых обязательств, выступающих в роли резервных активов, альтернативных государственному долгу США и европейских стран, что значительно повысит спрос на них и обеспечит максимальную ликвидность;
- повысить спрос на национальные валюты стран-участниц, в которых будут деноминированы торгуемые на данной площадке финансовые инструменты, а также снизить спрос на доллар США;
- повысить ликвидность самих валют стран Большой Евразии и их использование во всех сферах внешнеэкономического сотрудничества, многократно увеличив соответствующие сегменты рынка FOREX за счет торговли на данной площадке прямыми валютными парами без пересчета через доллар.

На наш взгляд, даже частичная реализация изложенных выше направлений позволит существенно усилить финансовый суверенитет стран Большой Евразии, а их осуществление в рамках Большого евразийского партнерства способно не просто укрепить многостороннее сотрудничество на континенте, но вывести его на качественно новый уровень, создав предпосылки для формирования многих элементов общего экономического пространства.

Литература

1. Анищенко В. Н. Особенности обеспечения финансовой безопасности и финансового суверенитета России в современных условиях // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2015. № 3. С. 3–18. EDN: VAUMVF
2. Богатырев С. И., Шеверева Е.А. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет. Москва, 2019.
3. Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Иванов М. О. Актуальные проблемы обеспечения финансового суверенитета России в условиях международных санкций // Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice. 2023. Т. 27. № 1. С. 185–194. EDN: RRVXLB. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194
4. Истомин Е. В. Приоритетные для РФ направления развития мировой финансовой архитектуры с учетом укрепления финансового суверенитета России // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1 (102). С. 152–155. EDN: YYFTNB
5. 2021 Capital Markets Fact Book. SIFMA, July 2021. URL: <https://www.sifma.org/wp-content/uploads/2021/07/CM-Fact-Book-2021-SIFMA.pdf>
6. Brunk I. Central Bank Immunity, Sanctions, and Sovereign Wealth Funds (February 18, 2023) // George Washington Law Review, 2023, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4363261> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4363261>.
7. Elkhoury M. Credit Rating Agencies and Their Potential Impact on Developing Countries // UNCTAD Discussion Papers. No. 186, January 2008. 27 p.
8. Full year 2022 Market Highlights report. World Federation of Exchanges [Электронный ресурс]. URL: <https://www.world-exchanges.org/our-work/articles/full-year-2022-market-highlights-report> (дата обращения: 22.03.2023).
9. Spiegel Sh., Chowla P., Poh Lynn Ng [и др.]. Credit Rating Agencies and Sovereign Debt: Four proposals to support achievement of the SDGs [Электронный ресурс] // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. March 2022. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-no-131-credit-rating-agencies-and-sovereign-debt-four-proposals-to-support-achievement-of-the-sdgs/> (дата обращения: 20.03.2023).

Об авторе:

Додонов Вячеслав Юрьевич, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), доктор экономических наук; e-mail: dodonovv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0741-417X

References

1. Anishchenko V. N. Features of Ensuring Financial Security and Financial Sovereignty of Russia in Modern Conditions // Bulletin of the Moscow University. Series 26: State Audit [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyi audit]. 2015. No. 3. P. 3–18. (In Rus.) EDN: VAUMVF
2. Bogatyrev S. I., Sheveleva E. A. Financial Security and Financial Sovereignty. Moscow, 2019. (In Rus.)
3. Dudin M. N., Shkodinsky S. V., Ivanov M. O. Current Problems of Ensuring the Financial Sovereignty of Russia in the Context of International Sanctions // Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 185–194. (In Rus.) EDN: RRVXLB. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-185-194
4. Istomin E. V. The Priority for the Russian Federation Directions of Development of World Financial Architecture with a View to Strengthening the Financial Sovereignty of Russia // Economics and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2019. No. 1 (102). P. 152–155. (In Rus.) EDN: YYFTNB
5. 2021 Capital Markets Fact Book. SIFMA, July 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.sifma.org/wp-content/uploads/2021/07/CM-Fact-Book-2021-SIFMA.pdf> (accessed: 22.03.2023)
6. Brunk I. Central Bank Immunity, Sanctions, and Sovereign Wealth Funds (February 18, 2023) // George Washington Law Review, 2023, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4363261> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4363261>
7. Elkhoury M. Credit Rating Agencies and Their Potential Impact on Developing Countries // UNCTAD Discussion Papers. No. 186, January 2008. 27 p.
8. Full Year 2022 Market Highlights report. World Federation of Exchanges [Electronic resource]. URL: <https://www.world-exchanges.org/our-work/articles/full-year-2022-market-highlights-report> (accessed: 22.03.2023).
9. Spiegel Sh., Chowla P., Poh Lynn Ng [et al.]. Credit Rating Agencies and Sovereign Debt: Four Proposals to Support Achievement of the SDGs [Electronic resource] // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. March 2022. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-no-131-credit-rating-agencies-and-sovereign-debt-four-proposals-to-support-achievement-of-the-sdgs/> (accessed: 22.03.2023).

About the author:

Vyacheslav Yu. Dodonov, Chief Researcher at the Center of Political Studies of the Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies under the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan), Doctor of Science (Economy); e-mail: dodonovv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0741-417X

Пенсионное обеспечение по старости в странах ЕАЭС

Мосейко В. В.

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Российская Федерация

e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222XE

РЕФЕРАТ

Развитие интеграции в рамках Евразийского экономического союза актуализирует вопрос о регулировании пенсионных отношений. Принятие Соглашения о пенсионном обеспечении заложило основы для международного сотрудничества в сфере пенсионного обеспечения. Однако существенные институциональные различия национальных пенсионных систем могут препятствовать эффективной реализации пенсионного обеспечения по старости.

Цель. Исследовать возможности и трудности международного сотрудничества в пенсионной сфере в условиях национальных различий в пенсионном обеспечении по старости в странах Евразийского экономического союза.

Задачи. Рассмотреть национальные пенсионные системы в части пенсий по старости в странах Евразийского экономического союза и провести их сравнительный анализ; показать особенности международного регулирования пенсий по старости в странах Евразийского экономического союза.

Методология. В данной работе применялись метод статистического анализа данных при выявлении особенностей национального пенсионного обеспечения по старости, сравнительный анализ — при сопоставлении национальных пенсионных систем в части пенсий по старости, а также метод экспертных оценок при выявлении трудностей международного сотрудничества в пенсионной сфере.

Результаты. Обнаружены институциональные особенности систем пенсионного обеспечения по старости в странах Евразийского экономического союза. Выявлены основания международного регулирования пенсий по старости. Обнаружены трудности формирования пенсионных прав граждан стран союза.

Выводы. Страны Евразийского союза столкнулись со схожими экономическими и демографическими вызовами. Пенсионные реформы привели к оформлению пенсионных систем с национальными институциональными различиями, которые могут стать причинами социальной несправедливости и пенсионного неравенства.

Ключевые слова: пенсии, пенсионное обеспечение по старости, пенсионное страхование, пенсионная система, международное регулирование пенсий, пенсионные права

Для цитирования: Мосейко В. В. Пенсионное обеспечение по старости в странах ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 50–63.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-50-63>

Old-age Pension Provision in the EAEU Countries

Victoria V. Moseiko

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

ABSTRACT

The development of integration within the framework of the Eurasian Economic Union actualizes the issue of regulation of pension relations. The adoption of the Agreement on Pension Provision laid the foundations for international cooperation in the field of pension provision. However, significant institutional differences in national pension systems may hinder the effective implementation of old-age pension provision.

Aim. To investigate the possibilities and difficulties of international cooperation in the pension sphere in the context of national differences in old-age pension provision in the countries of the Eurasian Economic Union.

Tasks. To consider the national pension systems in terms of old-age pensions in the countries of the Eurasian Economic Union and conduct their comparative analysis; to show the features of international regulation of old-age pensions in the countries of the Eurasian Economic Union.

Methods. In this work, the method of statistical data analysis was used to identify the features of the national old-age pension provision, comparative analysis — when comparing national pension systems in terms of old-age pensions, as well as the method of expert assessments when identifying difficulties of international cooperation in the pension sector.

Results. Institutional features of old-age pension systems in the countries of the Eurasian Economic Union have been found. The grounds for international regulation of old-age pensions are revealed. Difficulties in the formation of pension rights of citizens of the Union countries have been found.

Conclusions. The countries of the Eurasian Union faced similar economic and demographic challenges. Pension reforms have resulted in the design of pension systems with national institutional differences, which can become causes of social injustice and pension inequality.

Keywords: pensions, old-age pension provision, pension insurance, pension system, international regulation of pensions, pension rights

For citing: Moseiko V. V. Old-age Pension Provision in the EAEU Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 50–63. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-50-63>

Введение

В условиях глобализации индивиды нередко меняют место работы, перемещаясь из одной страны в другую. Трудовая миграция актуализирует вопросы пенсионного обеспечения по старости: как можно приобрести пенсионные права в связи с трудоустройством в другой стране, какая страна обязана предоставить пенсионное обеспечение индивиду в случае его продолжительной работы в другой стране (других странах), должны ли иностранные граждане уплачивать взносы на социальное страхование и пенсионное накопление в стране проживания.

Страны с тесными экономическими контактами предпринимают попытки решения подобных проблем на наднациональном уровне. Наиболее ценным опытом является организация пенсионного обеспечения в Европейском союзе (ЕС). Реализация права на свободное передвижение рабочей силы требовала от управленческих структур ЕС координировать вопросы в сфере социального и пенсионного обеспечения [12; 13]. В данной работе мы проанализируем правовое регулирование пенсионных отношений в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Цель работы — определить трудности и возможности международного сотрудничества по вопросам пенсионного обеспечения по старости между странами ЕАЭС. Для этого рассмотрим национальные пенсионные системы в части формирования пенсий по старости (возрасту) в странах ЕАЭС; выделим общее и особенное в их организации; проанализируем возможности и трудности приобретения пенсионных прав для граждан стран ЕАЭС в условиях национально-институциональных различий.

Выявление институциональных особенностей систем пенсионного обеспечения по старости в странах ЕАЭС, а также проблем в формировании пенсионных прав граждан может быть использовано при

дальнейшей гармонизации пенсионного законодательства стран ЕАЭС и выработке рекомендаций и решений в области международного обеспечения пенсионных прав граждан стран ЕАЭС.

Вопросы пенсионного обеспечения по старости на постсоветском пространстве активно изучаются правоведами и экономистами. Исследуется влияние глобализации на развитие пенсионных систем, рассматриваются способы нейтрализации возможных негативных последствий глобализации [5], анализируются проблемы гармонизации социально-обеспечительного законодательства в странах ЕАЭС [1; 6], рассматриваются особенности правового регулирования пенсионного обеспечения в странах СНГ [7], ЕАЭС [2; 6], в Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь [8], проводится сравнительный анализ пенсионных систем государств ЕАЭС¹, исследуются трудности демографического развития [3], ведется учет данных и обследование пенсионного обеспечения в странах ЕАЭС².

Институциональные особенности национальных систем пенсионного обеспечения по старости в странах ЕАЭС

Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия унаследовали от СССР контуры солидарного пенсионного обеспечения нестрахового характера. При переходе к рынку перед странами стояла задача реформировать национальные пенсионные системы с учетом маркетизации экономических отношений и влияния глобализации [5]. Помимо сложностей транзитивного перехода, рассматриваемые страны ощутили на себе влияние старения населения [3] и роста нагрузки на занятых и экономику. В таких странах, как Армения и Кыргызстан, проблемы пенсионного обеспечения граждан, помимо прочего, обострились оттоком рабочей силы на заработки в другие страны [4, с. 59]. Все это предопределило дальнейшие шаги пенсионного реформирования и контуры национальных пенсионных систем стран ЕАЭС.

Пенсионная система Армении

Изначально пенсионная система Армении базировалась на солидарном перераспределении, которое в 2011 г. было дополнено добровольным накоплением, а в 2014 г. обязательным. Размер солидарной трудовой пенсии — это сумма размера основной пенсии и трудовой части пенсии. Трудовая часть пенсии исчисляется исходя из трудового стажа, стоимости одного года трудового стажа и личного коэффициента пенсионера. Размер основной пенсии и стоимость одного года трудового стажа устанавливаются Правительством Республики Армения. Трудовая пенсия по возрасту назначается по достижении 63 лет при наличии не менее 25 лет трудового стажа; также предусмотрено назначение пенсии до достижения 63 лет, если у индивида имеется минимум 10 календарных лет трудового стажа. Возможность добровольного пенсионного накопления, возникшая с 2011 г., позволила частным структурам предлагать свои пенсионные программы, среди них: пенсионные депозиты (банки), а также схемы с установленными взносами (НПФ) и выплатами (страховые компании). С 2014 г. появляется обязательное пенсионное накопление, оно распространяется на всех, кто моложе 1974 г. рождения. Общий тариф в систему обязательного пенсионного накопления составляет 10%, из которых 5% уплачивается государством и 5% работником.

Пенсионная система Беларуси

Пенсионная система Беларуси устроена по распределительному принципу. Государственное пенсионное обеспечение призвано гарантировать минимальные стандарты (социальные пенсии, пенсии по потере кормильца, пенсии по инвалидности). Государственное пенсионное обеспечение дополняется системой государственного страхования. Для ее финансирования предусмотрен страховой тариф 29% от заработной

¹ Сравнительно-правовой анализ законодательств пенсионных систем стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и направления гармонизации законодательств по управлению процессом инвестирования пенсионных средств / под ред. д.э.н. И. Н. Рыковой. Научный доклад. М. : Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. 72 с.

² Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Booklets/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

платы, из них 28% уплачиваются работодателем и 1% работником. Для назначения трудовой пенсии по возрасту требуется достижение пенсионного возраста: 58 лет для женщин и 63 года для мужчин, а также наличие страхового стажа: 20 лет — женщинам и 25 лет — мужчинам. Предусмотрены возможности назначения пенсии при неполном стаже, а также пенсии для граждан с длительной занятостью на производствах с особыми условиями труда. В Беларуси пенсионное накопление носит добровольный характер. С 2022 г. появилась возможность уплачивать взносы на него за счет средств страхового тарифа на обязательное страхование. Фактически действует программа софинансирования пенсий. Размер страхового взноса для работников равен 10%, для работодателя он соразмерно равен взносу работника, но не превышает 3%.¹

Пенсионная система Казахстана

Пенсионная система Казахстана включает в себя все известные компоненты формирования пенсий. Однако упор делается на пенсионное накопление, которое в Казахстане появилось первым среди стран Содружества независимых государств (СНГ). Пенсионное перераспределение используется только в тех случаях, когда имеется стаж до 1998 г. Обязательное пенсионное накопление предусматривает уплату 10%-го взноса работниками и 5%-го работодателем в пользу работников, занятых на работах с опасными условиями. С 2023 г. 5%-й взнос работодателей уплачивается за всех работников вне зависимости от вида деятельности и условий труда. Помимо обязательного пенсионного накопления, в Казахстане развита система добровольных пенсий, реализуемых различными участниками рынка пенсионных услуг.

Пенсионная система Кыргызстана

Пенсионная система Кыргызстана включает в себя распределительный и накопительный компоненты. Первый уровень финансируется работниками (10%) и работодателями (17,25%) и распространяется на женщин, достигших 58 лет, и мужчин, достигших 63 лет, при наличии страхового стажа 20 и 25 лет соответственно. В Кыргызстане существует добровольное пенсионное накопление. Важным условием участия в нем является уплата взносов в размере не менее 8%. С 2010 г. было введено обязательное пенсионное накопление с размером взноса для работников равным 2%.

Пенсионная система РФ

Пенсионная система РФ представлена несколькими уровнями. Пенсионное страхование предусматривает достижение пенсионного возраста (65 лет мужчинам и 60 лет женщинам) и наличие страхового стажа не менее 15 лет. Страховой тариф составляет 22% и полностью уплачивается работодателем. Также необходимым условием является наличие не менее 30 пенсионных коэффициентов. Накопительный уровень в РФ представлен скромно. Условия для добровольного накопления впервые появились в 1992 г. с подписанием указа «О негосударственных пенсионных фондах». Спустя десять лет появилась обязательная накопительная часть трудовой пенсии, которая в 2013 г. была преобразована в отдельную накопительную пенсию. Однако за последние десять лет многочисленные контрмеры фактически уничтожили и без того слабо развитую систему пенсионного накопления. Среди них: во-первых, введение с 2014 г. моратория на взносы, перечисляемые на накопительную пенсию, что означало перечисление всех средств в систему обязательного пенсионного страхования; во-вторых, до конца 2015 г. гражданам было предложено отказаться от формирования накопительной пенсии в пользу страховой.

Итак, все анализируемые страны имеют пенсионные системы смешанного типа. Во всех странах, кроме Казахстана, основу пенсионной системы составляет пенсионное страхование (табл. 1). Особенности формирования пенсионных прав через институты пенсионного страхования и пенсионного накопления в странах ЕАЭС представлены в табл. 1 и табл. 2.

¹ Дополнительное накопительное пенсионное страхование с поддержкой государства (программа «три плюс три») [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <https://mintrud.gov.by/ru/gosnakoipit-ru> (дата обращения: 27.05.2023).

Таблица 1

Особенности пенсионного страхования по старости в странах ЕАЭС
Table 1. Features of old-age pension insurance in the EAEU Countries

Характеристики страховых пенсий	Беларусь	Казахстан	Россия	Армения	Кыргызстан
Пенсионный возраст (М/Ж)	63/58	63 ¹	65/60	63	63/58
Страховой тариф (работник/работодатель)	1/28	—	0/22	До 01.01.2013 уплачивались взносы; после 01.01.2013 уплачивался единый подоходный налог	10/17,25
Страховой стаж (М/Ж)	25/20 ² лет	0,5 года до 1998 г.	15 лет	Не менее 10 лет	25/20 лет
Дополнительные условия	Предусмотрены возможности назначения пенсии при неполном стаже; при занятости в особых условиях труда	Выплата производится из бюджета	Индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК)	Применяется система пенсионных коэффициентов	

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии³; Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан⁴; Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь⁵; Социального фонда Кыргызской Республики⁶; Социального фонда России⁷

Таблица 2

Особенности обязательного пенсионного накопления в странах ЕАЭС
Table 2. Features of mandatory pension funds in the EAEU Countries

Характеристики страховых пенсий	Беларусь	Казахстан	Россия	Армения	Кыргызстан
Пенсионный возраст	—	63/60 ⁸	60/55	63	63/58
Размер тарифа (Работник/Работодатель)	В настоящее время не предусмотрена	10/5 ⁹	6/0	5/5 ¹⁰	2/0
Дополнительные условия		—	С 2014 г. мораторий на пенсионные накопления	С 1 января 2014 г.; участвуют родившиеся 1 января 1974 г. и позднее	С 1 января 2010 г.

Источник: составлено автором по данным, представленным Евразийской экономической комиссией¹¹; Министерством труда и социальной защиты населения Республики Казахстан¹²; Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь¹³; Социальным фондом Кыргызской Республики¹⁴; Социальным фондом России¹⁵

¹ В отношении женщин действует переходный период [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/activities/191?lang=ru> (дата обращения: 27.05.2023).

² В настоящее время предусмотрены меньшие сроки в связи с переходным периодом.

³ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. 2021. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Booklets/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

⁴ Пенсионное обеспечение и социальное страхование [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/activities/191?lang=ru> (дата обращения: 13.06.2023).

⁵ Информация о пенсионном обеспечении [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <https://www.mintrud.gov.by/ru/informacia-o-pensionnom-obespechenii-ru/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁶ Гражданам [Электронный ресурс] // Социальный фонд Кыргызской Республики при Кабинете министров Кыргызской Республики. URL: <http://socfond.kg/ru/citizens/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁷ Что нужно знать о пенсионной системе [Электронный ресурс] // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/grazhdanam/zakon/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁸ В отношении женщин действует переходный период.

⁹ Перечисляются в пользу работников, занятых на вредных условиях труда, с 01.01.2023 5%-й взнос уплачивается за всех работников.

¹⁰ 5% уплачивают работники и 5% уплачивает государство.

¹¹ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза. 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Booklets/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

¹² Пенсионное обеспечение и социальное страхование [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/activities/191?lang=ru> (дата обращения: 13.06.2023).

¹³ Информация о пенсионном обеспечении [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <https://www.mintrud.gov.by/ru/informacia-o-pensionnom-obespechenii-ru/> (дата обращения: 13.06.2023).

¹⁴ Гражданам [Электронный ресурс] // Социальный фонд Кыргызской Республики при Кабинете министров Кыргызской Республики. URL: <http://socfond.kg/ru/citizens/> (дата обращения: 13.06.2023).

¹⁵ Что нужно знать о пенсионной системе [Электронный ресурс] // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/grazhdanam/zakon/> (дата обращения: 13.06.2023).

Из-за влияния неблагоприятных демографических тенденций пенсионное страхование претерпело изменения, прежде всего в части повышения возраста выхода на пенсию. В табл. 3 показана динамика численности пенсионеров, которая на протяжении с 2017 г. по 2021 г. росла в Армении, Казахстане и Кыргызстане. Незначительное снижение численности пенсионеров в 2020–2021 гг. в Армении, Беларуси и России, вероятно, связано с влиянием пандемии Covid-19.

Таблица 3

Количество пенсионеров в странах ЕАЭС¹
Table 3. Number of pensioners in the EAEU Countries

Страны ЕАЭС	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	458 194	463 072	466 580	466 997	465 651
Беларусь	2 593 703	2 561 089	2 531 913	2 485 843	—
Казахстан	2 147 942	2 192 549	2 227 707	2 251 301	2 252 713
Кыргызстан	673 230	694 839	714 937	735 814	758 383
Россия	43 504 168	43 864 750	43 545 864	42 977 394	42 006 473

Из табл. 4, в которой представлена численность пенсионеров на 1 тыс. чел. населения, видно, что наименее благоприятные демографические условия сложились в России и Беларуси: практически треть населения в них приходится на пенсионеров.

Таблица 4

Численность пенсионеров на 1 тыс. чел. населения в странах ЕАЭС²
Table 4. The number of pensioners per 1000 people in the EAEU Countries

Страны ЕАЭС	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	154	156	158	158	157
Беларусь	275	272	269	266	—
Казахстан	118	119	120	119	116
Кыргызстан	108	109	110	111	112
Россия	296	299	297	294	289

Из табл. 5 следует, что наибольшую нагрузку на занятое население среди стран ЕАЭС имеют Россия, Беларусь и Армения.

Таблица 5

Численность пенсионеров на 1 тыс. чел. занятых в странах ЕАЭС³
Table 5. Number of pensioners per 1000 people employed in the EAEU Countries

Страны ЕАЭС	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	453	442	433	444	425
Беларусь	529	523	516	509	—
Казахстан	250	252	254	258	256
Кыргызстан	286	292	293	301	299
Россия	602	605	605	609	586

¹ Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М. : 2022. С. 92.

² Там же.

³ Там же.

Интересно, что в России и Беларуси при столь высокой численности пенсионеров и неблагоприятных соотношениях пенсионеров и занятых приоритетным механизмом финансирования пенсий по старости остается межпоколенческое распределение (пенсионное страхование).

Из-за увеличения продолжительности жизни в странах ЕАЭС (табл. 6) на рубеже XX–XXI вв. актуализировалась проблема низкого пенсионного возраста.

Таблица 6

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет¹

Table 6. Life expectancy at birth, number of years

Страны ЕАЭС	2005	2010	2015	2021
Армения	74,1	75,0	73,5	72,4
Беларусь	70,4	73,9	—	—
Казахстан	68,5	72,0	71,4	70,2
Кыргызстан	69,3	70,6	71,7	71,8
Россия	68,9	71,4	71,5	70,1

В XXI в. во всех странах ЕАЭС произошло повышение пенсионного возраста. В Казахстане и Армении пенсионный возраст для мужчин и женщин сравнялся. В Беларуси, Кыргызстане и России сохранился дифференцированный пенсионный возраст по гендерному критерию (см. табл. 1 и табл. 7). В табл. 7 представлен реальный возраст выхода на пенсию в 2021 г. с учетом переходных положений.

Таблица 7

Пенсионный возраст и ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах ЕАЭС, 2021²

Table 7. Retirement age and life expectancy at birth in the EAEU Countries, 2021

Страны ЕАЭС	Пенсионный возраст		Продолжительность жизни	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Армения	63	63	67,4	77,4
Беларусь	62,5	57,5	69,3	79,4
Казахстан	63	60	66,3	74,0
Кыргызстан	63	58	67,9	76,1
Россия	61,5	56,5	65,5	74,5

В табл. 8 представлены значения возраста выхода на пенсию в странах ЕАЭС к моменту окончания реформы пенсионного возраста.

Тенденции развития пенсионного обеспечения по старости в мире выявляют переход от распределительного принципа финансирования к накопительному. Во всех странах ЕАЭС, кроме Беларуси, введено обязательное пенсионное накопление (см. табл. 2). Учитывая содержание российских контрреформ последних лет, следует признать отсутствие обязательного пенсионного накопления де-факто и в России [10, с. 124].

Во всех странах существует добровольное пенсионное накопление, однако из-за целого ряда сдерживающих факторов в большинстве стран ЕАЭС оно развито слабо.

Следует признать, что пенсионная система Казахстана является наиболее модернизированной, в ее основе лежит накопительный принцип финансирования пенсий. Пенсионные системы России и Беларуси наиболее архаичные, пенсионирование в них обеспечивается солидарным межпоколенческим перера-

¹ Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М. : 2022. С. 32.

² Там же. С. 91.

спределением. В Армении и Кыргызстане обязательное пенсионное накопление введено относительно недавно, и его масштабы незначительны.

Таблица 8

Пенсионный возраст в 2028 г.

Table 8. Retirement age in 2028

Страны ЕАЭС	Пенсионный возраст	
	Мужчины	Женщины
Армения	63	63
Беларусь	63	58
Казахстан	63	63
Кыргызстан	63	58
РФ	65	60

Источник: составлено автором по данным, представленным Евразийской экономической комиссией¹

По всей видимости, Россию и Беларусь впереди ожидают существенные пенсионные трансформации в части ввода инвестиционно-накопительных механизмов, а в Армении и особенно Кыргызстане возможны дополнительные изменения, обеспечивающие развитие пенсионного накопления.

Международное регулирование пенсий по старости в странах ЕАЭС

Вопросы пенсионного обеспечения по старости для граждан Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России регулировались коллективным международным договором для стран СНГ, в котором страны-участницы взаимно признавали пенсионные права, приобретенные в СССР². В соответствии с ним пенсионные права могли быть сформированы на территории любого из государств соглашения, а пенсионное обеспечение осуществлялось страной постоянного места проживания вне зависимости от гражданства. Такой подход был обусловлен близостью новых, не вполне оформившихся государств, хаотичными миграционными потоками, нестраховым характером национальных пенсионных систем, простотой правил назначения пенсии по принципу территориальности. При переселении пенсионера в пределах государств — участников соглашения выплата пенсии по прежнему месту жительства прекращалась, если пенсия того же вида предусматривалась законодательством государства по новому месту жительства пенсионера. Главный минус территориального принципа в указанном соглашении заключался в том, что основное финансовое бремя выплаты пенсий возлагалось на наиболее популярные страны для постоянного места жительства пенсионеров, главным образом на Россию и Казахстан³. В дальнейшем это соглашение было дополнено двусторонними договорами [7]⁴. После вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе между Беларусью, Казахстаном и Россией (1 января 2015 г.)⁵, к которому чуть позже присоединились Армения и Кыргызстан, было создано единое экономическое пространство с населением свыше 180 млн чел.

¹ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза. 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Booklets/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

² Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 года (утратило силу) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4013/ (дата обращения: 16.06.2023).

³ Сравнительно-правовой анализ законодательств пенсионных систем стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и направления гармонизации законодательств по управлению процессом инвестирования пенсионных средств / под ред. д.э.н. И. Н. Рыковой. Научный доклад. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. С. 5, 6.

⁴ Например, в 1996 г. было принято соглашение о гарантиях пенсионных прав жителей г. Байконура Республики Казахстан (от 27 апреля 1996 г.); в 2006 г. между РФ и Республикой Беларусь был подписан Договор о сотрудничестве в области социального обеспечения (от 24 января 2006 г.).

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 16.06.2023).

Участники ЕАЭС
Table 9. Members of the EAEU Countries

Дата присоединения	Участники	Статус участия	Население, 2021 г., млн чел.
01.01.2015	Беларусь	Действительный участник	9,34
	Казахстан	Действительный участник	19
	РФ	Действительный участник	143,4
02.01.2015	Армения	Действительный участник	2,8
12.08.2015	Кыргызстан	Действительный участник	6,7
14.05.2018	Молдова	Страна-наблюдатель	2,6
11.12.2020	Узбекистан	Страна-наблюдатель	34,9
11.12.2020	Куба	Страна-наблюдатель	11,3

Источник: составлено автором по данным Евразийского экономического союза¹; Всемирного банка²

Тесные экономические связи, мобильность населения стран в условиях развития национальных пенсионных систем ЕАЭС актуализировали проблему совершенствования наднационального правового регулирования пенсионной сферы. Договором ЕАЭС (2015 г.) и Соглашением о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС (2021 г.)³ были введены новые правила пенсионного обеспечения для трудящихся из стран ЕАЭС. В новых международных соглашениях стал применяться принцип пропорциональности, суть его сводится к тому, что каждая страна формирует пенсию в той части, в которой были сформированы пенсионные права на ее территории (приобретен трудовой стаж, уплачены взносы). Пропорциональный принцип больше соответствует современным условиям и способствует защите пенсионных прав их граждан [1; 8].

Соглашением о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС определяются пенсионные права, заработанные на территории государств — членов ЕАЭС, вне зависимости от места проживания в пенсионном возрасте. Несмотря на различия в организации национальных пенсионных систем, предусматриваются общие правила, унифицирующие пенсионные права для граждан государств ЕАЭС: страны ЕАЭС обязаны предоставить аналогичные пенсионные права гражданам из других стран ЕАЭС, как и своим собственным гражданам. Базовым принципом является гарантирование права на пенсию, соответствующую периоду уплаты взносов. Для этого разработаны правила учета страхового стажа в странах ЕАЭС (п. 2 ст. 7). Среди них: страховой стаж учитывается за период как до, так и после вступления в силу соглашения, а также за весь советский период (ст. 12); право на пенсию возникает при наличии не менее 12 полных месяцев стажа работы на территории государства (п. 5 ст. 7); если стажа работы, приобретенного на территории одного государства-члена, недостаточно для возникновения права на пенсию, то учитывается стаж работы, приобретенный на территориях других государств-членов (п. 2 ст. 7). Право обратиться за пенсией возникает с даты вступления указанного соглашения в силу. Каждая страна должна предоставить часть пенсии, соответствующую периоду работы и уплаты взносов. Иначе говоря, индивид может получать пенсию и от государства, в котором проживает, и от другого государства (государств), в котором им приобретены пенсионные права, необходимые для назначения пенсии. Соглашением установлены возможные пенсионные выплаты (табл. 11).

¹ Государства ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-countries> (дата обращения: 13.06.2023).

² Population, Total [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 16.06.2023).

Таблица 10

Правовая база пенсионного обеспечения в странах ЕАЭС
Table 10. Legal framework for pension provision in the EAEU Countries

Правовое регулирование	Содержание	Принцип действия
Ч. 3 п. 3 ст. 98 Договора ЕАЭС (вступил в силу 01.01.2015)	Пенсионное обеспечение трудящихся государств-членов и членов семьи регулируется законодательством государства постоянного проживания, а также в соответствии с отдельным международным договором между государствами-членами	Возможность применения национального режима в части социального обеспечения, договор
Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС (вступило в силу 01.01 2021)	Определение права на пенсию и исчисление размера пенсии в странах ЕАЭС. Соглашение предусматривает установление и выплату пенсий гражданам государств-членов и членам их семей	Территориально-пропорциональный принцип
Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в области социального обеспечения от 24 января 2006 г.	За трудовой стаж до 13 марта 1992 г. в странах бывшего СССР пенсию назначает страна пребывания, за трудовой стаж после указанной даты каждое государство назначает пенсию согласно стажу, приобретенному на ее территории	Принцип пропорциональности: каждая сторона отвечает только за тот стаж, который был приобретен на ее территории. Принцип территориальный применяется для отношений, возникших до вступления в силу Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС
Национальное законодательство в части регулирования отношений по назначению и выплате пенсий по старости	Определение права на пенсию и исчисление размера пенсии в стране проживания	Пенсионные права в РФ могут формировать граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства

Источник: составлено автором по данным Евразийского экономического союза¹; Социального фонда России²

Таблица 11

Пенсионные выплаты для пенсионеров по старости (возрасту)³
Table 11. Pension payments for old-age pensioners (age)

Страны ЕАЭС	Тип выплаты
Армения	Трудовая пенсия по возрасту, обязательная накопительная пенсия
Беларусь	Трудовая пенсия по возрасту
Казахстан	Пенсионные выплаты из единого накопительного пенсионного фонда за счет сформированных пенсионных взносов, в том числе наследование выплат
Кыргызстан	Страховая пенсия по возрасту, накопительная часть пенсии
РФ	Фиксированная выплата к страховой пенсии, страховая пенсия и накопительная пенсия

Соглашением также предусмотрены выплаты, которые возможны только при условии проживания индивида на территории соответствующего государства (табл. 12).

Трудности реализации международного регулирования пенсий по старости в странах ЕАЭС

В первые годы существования ЕАЭС многими экспертами обращалось внимание на отсутствие необходимой правовой базы для регулирования пенсионных отношений в странах ЕАЭС [2, с. 153]⁴. Эта проблема актуальна до сих пор. Юристами обращается внимание на незавершенную гармонизацию

¹ Хронология развития [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-history> (дата обращения: 13.06.2023).

² Пенсионное обеспечение лиц, проживающих за границей [Электронный ресурс] // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/pens_zagran/ (дата обращения: 13.06.2023).

³ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза. Ст. 2 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 16.06.2023).

⁴ Социальное обеспечение в странах ЕАЭС : учебное пособие / под. общ. ред. Э. Г. Тучковой, А. Л. Благодар. М. : Проспект, 2022. С. 7.

социально-обеспечительного законодательства [1], недостаточность разъяснений по ряду вопросов пенсионного обеспечения для правоприменительной практики [2, с. 158]¹, а также сложность в организации непосредственного процесса пенсионного обеспечения и согласования интересов государственных участников [8, с. 70]. Некоторые из указанных трудностей предполагается устранять посредством специально учрежденного механизма². Несмотря на существенный прогресс в установлении гарантий пенсионных прав для граждан стран ЕАЭС остается немало сложностей при реализации пенсионного обеспечения. Представляется, что основными проблемами являются институциональные различия пенсионного обеспечения в странах ЕАЭС. В юридической литературе затрагивается вопрос о необходимости закрепления пенсионного страхования в качестве единого стандарта³. Между тем пенсионное страхование активно критикуется экономистами [9; 10], и это принимается во внимание реформаторами. Пенсионное страхование в условиях старения населения не работает и не может рассматриваться в качестве прогрессивной меры.

Таблица 12

Пенсионные выплаты для пенсионеров по старости (возрасту), которые производятся только при условии проживания трудящегося на территории соответствующего государства-члена⁴
 Table 12. Pension payments for old-age (age) pensioners, which are made only if the worker lives in the territory of the relevant Member State

Страны ЕАЭС	Тип выплаты
Армения	Основная пенсия как часть трудовой пенсии и надбавки к пенсиям
Беларусь	Часть пенсии, исчисленная исходя из учтенных в соответствии с законодательством периодов иной деятельности и (или) иных периодов без уплаты пенсионных взносов, а также надбавки, выплаты (доплаты) и повышения, устанавливаемые к пенсии
Казахстан	—
Кыргызстан	Базовая часть пенсии и выплаты за счет средств бюджета Кыргызской Республики
РФ	Фиксированная выплата к страховой пенсии, повышение и (или) увеличение фиксированной выплаты к страховой пенсии и доплата к страховой пенсии, валоризация пенсионных прав в денежном выражении

В работе [11] поднимается вопрос об обеспечении пожилых граждан России и Беларуси пенсионными накоплениями. По всей видимости, затягивание решения вопроса о формировании пенсионных накоплений неблагоприятно скажется на финансовой устойчивости национальных пенсионных систем этих стран в будущем.

Проведенный анализ национальных пенсионных систем выявил несоответствия в параметрах возраста выхода на пенсию (табл. 7, 8), размерах взносов на финансирование пенсий, продолжительности стажа (табл. 1, 2) и величин средних и минимальных пенсий (табл. 13).

¹ Социальное обеспечение в странах ЕАЭС : учебное пособие / под. общ. ред. Э. Г. Тучковой, А. Л. Благодир. М. : Проспект, 2022. С. 11–12.

² Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 декабря 2020 г. № 122 «О Порядке взаимодействия между уполномоченными органами, компетентными органами государств — членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией по применению норм Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 года» [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: <https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s=%7Be1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762eddda%7D&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l=%7B8a412e96-924f-4b3c-8321-0d5e767e5f91%7D&EntityID=28255> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Социальное обеспечение в странах ЕАЭС : учебное пособие / под. общ. ред. Э. Г. Тучковой, А. Л. Благодир. М. : Проспект, 2022. С. 7.

⁴ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза. Ст. 4 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 16.06.2023).

Размеры средних и минимальных пенсий в 2021 г., долл. США

Table 13. Sizes of average and minimum pensions in 2021, USD

Страны ЕАЭС	Средний размер назначенных пенсий	Минимальный размер назначенных пенсий
Армения	87	55
Беларусь	194	149
Казахстан	158	100
Кыргызстан	76	21
Россия	226	82

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии¹

В связи с этим актуализируются вопросы несправедливости при формировании пенсионных прав. На национальном уровне возможно увеличение расходов в соответствии с принятыми международными обязательствами [8, с. 70]. На индивидуальном уровне вследствие различий в основаниях назначения пенсии по старости и их размеров, а также из-за разницы в курсах валют возможно возникновение пенсионного неравенства между трудящимися и пенсионерами из стран ЕАЭС.

Выводы

Благодаря единой советской истории страны ЕАЭС унаследовали очень схожие пенсионные системы. Столкнувшись с такими вызовами внешней среды, как старение населения, маркетизация экономических отношений, глобализация, страны ЕАЭС вынуждены были прибегнуть к реформированию института пенсий по старости.

Пенсионные реформы сводились к двум направлениям: коррекции страхования за счет повышения возраста выхода на пенсию, увеличения параметров стажа и страхового тарифа и/или введению пенсионного накопления.

По истечении трех десятилетий независимого развития обнаруживаются схожие и отличные черты финансирования и организации пенсионного обеспечения по старости в странах ЕАЭС. Это не стало помехой в достижении международного соглашения, регулирующего пенсионные отношения.

Вместе с тем выявленные институциональные различия в устройстве пенсионного обеспечения по старости в странах ЕАЭС вызывают беспокойство, поскольку рожают проблемы социальной несправедливости и пенсионного неравенства.

Полученные результаты исследования в дальнейшем могут быть использованы для принятия управленческих решений в области формирования систем пенсионирования граждан в государствах ЕАЭС.

Литература

1. *Агашев Д. В.* Вопросы интеграции законодательства государств Евразийского экономического союза в сфере социального обеспечения // Социальное и пенсионное обеспечение. 2018. № 3. С. 22–26.
2. *Акатнова М. И.* Сохранение права на пенсионное обеспечение трудящихся государств — членов ЕАЭС // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11. С. 152–158. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.63.11.152-158
3. *Анбрехт Т. А.* Пенсионные системы государств — членов Евразийского экономического союза: перспективы развития // Социальное и пенсионное обеспечение. 2017. № 1. С. 29–33.
4. *Антонова Л. И., Орлова И. С.* Пенсионное законодательство стран СНГ: проблемы, тенденции реформирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2. С. 58–63.

¹ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Booklets/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

5. Колесник А. П. Пенсионная система в процессе глобализации // Социальное и пенсионное обеспечение. 2019. № 3. С. 41–49.
6. Кудрявцева Л. Н. Пенсионные системы стран — членов ЕАЭС в контексте создания единого экономического пространства // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 3. С. 173–185.
7. Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Международно-правовое регулирование в сфере пенсионного обеспечения граждан СНГ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 55–71. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-55-71
8. Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 67–77. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-67-77
9. Мосейко В. В. Институт пенсий: Государство vs частная инициатива // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15. № 2. С. 309–315. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-2.14
10. Мосейко В. В. Проблемы современного пенсионирования // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 120–129. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-1.11
11. Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1. С. 50–63. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-50-63
12. D'Addio A. C., Cavalleri M. C. Labour Mobility and the Portability of Social Rights in the EU // CESifo Economic Studies. 2015. V. 61. No. 2. P. 346–376. DOI: 10.1093/cesifo/ifu014
13. Guardiancich I., Natali D. The Cross-Border Portability of Supplementary Pensions: Lessons from the European Union // Global Social Policy. 2012. V. 12. No. 3. P. 300–315. DOI: 10.1177/1468018112455656

Об авторе:

Мосейко Виктория Владимировна, доцент кафедры экономической теории и инструментальных методов Калининградского государственного технического университета (Калининград, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222XE

References

1. Agashev D. V. Issues of Integration of the Legislation of the States of the Eurasian Economic Union in the Field of Social Security // Social and Pension Provision [Social'noe b pensionnoe obespechenie]. 2018. No. 3. P. 22–26. (In Rus.)
2. Akatnova M. I. Preservation of the Right to Pensions for Workers of the EAEU Member States // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSUA) [Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGUA)]. 2019. No. 11. P. 152–158. (In Rus.) DOI: 10.17803/2311-5998.2019.63.11.152-158
3. Anbrecht T. A. Pension Systems of the Member States of the Eurasian Economic Union: Prospects for Development // Social and pension provision [Social'noe b pensionnoe obespechenie]. 2017. No. 1. P. 29–33. (In Rus.)
4. Antonova L. I., Orlova I. S. Pension Legislation of the CIS Countries: Problems, Reform, Trends // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. [Evraziyskaya integraciya: economica, pravo, politica]. 2018. No. 2. P. 58–63. (In Rus.)
5. Kolesnik A. P. The Pension System in the Process of Globalization // Social and Pension Provision [Social'noe i pensionnoe obespechenie]. 2019.No. 3. P. 41–49. (In Rus.)
6. Kudryavceva L. N. Pension Systems of the EAEU Member Countries in the Context of Creating a Single Economic Space // National Interests: Priorities and Security [Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2016. No. 3. P. 173–185. (In Rus.)

7. Mishalchenko Y. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. International Legal Regulation in the Field of Pension Provision for Citizens of the CIS // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziyskaya integraciya: economica, pravo, politica]. 2020. No. 1. P. 55–71. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-55-71
8. Mishalchenko Y. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. Pension Provision of Citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. [Evraziyskaya integraciya: economica, pravo, politica]. 2020. No. 3. P. 67–77. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-67-77
9. Moseiko V. Pension Institute: State vs Private Initiative // Russian Journal of Economic Theory [Zhurnal Economicheskoy Teorii]. 2018. No. 2. P. 309–315. (In Rus.) DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-2.14
10. Moseiko V. Problems of Modern Pensioning // Russian Journal of Economic Theory [Zhurnal Economicheskoy Teorii]. 2019. No. 1. P. 120–129. (In Russ.) DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-1.11
11. Rubtsov G. G., Misko O. N. Sustainable Development Management through Social Policy Instruments of the Eurasian Economic Union (Part 1) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. [Evraziyskaya integraciya: economica, pravo, politica]. 2023. V. 17. No. 1. P. 50–63. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-50-63
12. D'Addio A. C., Cavalleri M. C. Labour Mobility and the Portability of Social Rights in the EU // CESifo Economic Studies. 2015. V. 61. No. 2. P. 346–376. DOI: 10.1093/cesifo/ifu014
13. *Guardiancich I., Natali D.* The Cross-Border Portability of Supplementary Pensions: Lessons from the European Union // Global Social Policy. 2012. V. 12. No. 3. P. 300–315. DOI: 10.1177/1468018112455656

About the author:

Victoria V. Moseiko, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Instrumental Methods, Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222XE

Инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 2)¹

Рубцов Г. Г., Мисько О. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7351-7455

РЕФЕРАТ

Цель. Цель исследования — проанализировать закономерности развития социальной политики Российской Федерации, республик Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Армении, рассмотреть их слабые места и точки роста с целью выявления потенциала для усиления интеграционных связей на базе унификации инструментов социального развития.

Задачи. Проанализировать различные направления социальной жизни стран — членов ЕАЭС, выявить сходства тенденций развития с целью создания базы для формирования единых социально-экономических преобразований. Продемонстрировать социальный инструментарий развития «трансинституционального сотрудничества»² в границах Евразийского экономического союза.

Методология. Используются методы: институционального анализа, сравнительного анализа — для сопоставления эффективности инструментов социальной политики в странах ЕАЭС. Новизна заключается в совершенствовании интеграционных процессов стран Евразийского экономического союза с помощью предложенного авторского подхода унификации социальных политик стран — членов ЕАЭС на базе «трансинституционального сотрудничества».

Результаты. Проведен комплексный анализ инструментов социальной политики (миграционной, молодежной, трудовой, жилищной и т. д.) всех участников евразийской интеграции. Предложены рекомендации по совершенствованию социального инструментария в рамках «трансинституционального сотрудничества» государств ЕАЭС.

Выводы. Проведенный анализ инструментов социальной политики закладывает приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «трансинституционального сотрудничества», выраженные в авторских рекомендациях в данном исследовании. Республики Кыргызстан, Армения и Казахстан должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик, Российская Федерация и Республика Беларусь — сфокусироваться на вопросах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, а также поощрения развития институтов семьи и материнства, что подробнее раскрывается в отдельных блоках исследования, посвященных конкретным направлениям социального развития стран ЕАЭС.

Ключевые слова: социальная политика, ЕАЭС, Евразийский союз, институциональное сотрудничество, социальное государство, молодежная политика, миграционная политика, пенсия, пенсионная система, миграция, союзное государство

Для цитирования: Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 64–78.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-64-78>

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР «Интеграционные процессы СНГ: проблемы, возможности и перспективы». Часть 1 см.: Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1. С. 50–63. URL: <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/1109>

² «Трансинституциональное сотрудничество» — развитие интеграционных межнациональных связей средствами совместного совершенствования одного или нескольких инструментов наднационального социально-экономического прогресса в различных отраслях и сферах социально-экономического ландшафта.

Instruments of Social Policy of the Eurasian Economic Union (Part 2)

Gennady G. Rubtsov, Oleg N. Misko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7351-7455

ABSTRACT

Aim. Taking into account the above, the purpose of the study was to analyze the patterns of development of the social policy of the Russian Federation, the republics of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia, to consider their weaknesses and points of growth in order to identify the potential for strengthening integration ties based on the unification of social development tools.

Task. To analyze various areas of social life of the EAEU member countries, identify similarities in development trends in order to create a basis for the formation of unified socio-economic transformations. To demonstrate social tools for the development of «transinstitutional interaction» within the boundaries of the Eurasian Economic Union.

Methods. The following methods were used in the article: comparative analysis — to compare the effectiveness of social policy instruments in the EAEU countries. The novelty lies in the improvement of the integration processes of the Eurasian integration countries with the help of the proposed author's approach to unify the social policies of the EAEU member countries on the basis of “transinstitutional cooperation”.

Results. A comprehensive analysis of social policy instruments (migration, youth, labor, housing, etc.) of all participants in the Eurasian integration was carried out. Recommendations are proposed for improving social tools within the framework of “transinstitutional cooperation” of the EAEU states.

Conclusion. The analysis of the instruments of social policy laid down the priorities in the development of the mechanisms of “transinstitutional cooperation” by the members of the EAEU, expressed in the author's recommendations in this study. The Republics of Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan should focus on developing a unified strategy for youth and migration policies. The Russian Federation and the Republic of Belarus should focus on population aging, providing older citizens with pension savings, and encouraging the development of family and motherhood institutions. This is disclosed in more detail in separate blocks of the study devoted to specific areas of social development of the EAEU countries.

Keywords: social policy, EAEU, Eurasian Union, institutional cooperation, welfare state, youth policy, migration policy, pension, pension system, migration, union state

For citing: Rubtsov G. G., Misko O. N. Instruments of Social Policy of the Eurasian Economic Union (Part 2) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 64–78. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-64-78>

Введение

Евразийский союз как образование пяти суверенных государств с большим общим прошлым одновременно характеризуется широким кругом как схожих, так и различающихся социально-экономических параметров. Схожие черты, прежде всего, продиктованы значительным историко-культурным потенциалом, развивавшимся в процессе длительного становления в рамках Российской империи и СССР [3].

Различия вызваны объективными демографическими, географическими и экономическими аспектами [16].

Основные макроэкономические показатели стран ЕАЭС
Table 1. Main macroeconomic indicators of the EAEU countries

Страна	Численность населения на 2022 г., тыс. чел.	Уровень безработицы, % за 2021 г.	Среднемесячная номинальная заработная плата, долл. США за 2021 г.	Валовой внутренний продукт, млрд долл. США за 2021 г.
Россия	145 557,6	4,8	777	1 778,9
Беларусь	9 255,5	3,9	568	68,2
Казахстан	19 503,2	4,9	588	197,1
Киргизия	6 747,3	5,3	228	8,7
Армения	2 961,4	15,4	405	13,9

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Как показывает таблица 1 некоторых основных показателей социально-экономического развития стран Евразийского союза, его члены имеют значительные различия в численности проживающего на их территориях населения. Так, показатель Российской Федерации кратно превосходит суммарную численность лиц, проживающих на всех остальных территориях государств ЕАЭС. В свою очередь, по уровню безработицы показатели Российской Федерации, напротив, сопоставимы с результатами Казахстана и Белоруссии. В то время как Армения испытывает большие трудности с достижением высоких показателей занятости и очевидно нуждается в координации инструментов социальной политики в отношении безработицы, а также рекомендациях, базирующихся на успешном опыте партнеров по евразийской интеграции. В Киргизии отдельного внимания заслуживает вопрос заработной платы и, соответственно, социальный инструментарий, позволяющий добиваться минимальных социальных стандартов качества жизни в регионе.

Анализ нормативно-правовой базы стран Евразийского экономического союза, динамика показателей стран ЕАЭС по показателям «Индекса человеческого капитала», уровня расслоения общества, теневой экономики и т. д. представлены в первой части статьи «Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза», опубликованной в выпуске журнала № 1 (2023).

Сравнительный анализ инструментов социальной политики стран ЕАЭС

Сравнительный анализ инструментов социального развития стран — участников Евразийской экономической интеграции предоставляет базовую информацию для разработки совершенной социальной модели глубоко интегрированной системы ЕАЭС. Кроме того, он позволяет расширять механизмы «трансинституционального сотрудничества», призванного развивать интеграционные межнациональные связи средствами совместного совершенствования одного или нескольких инструментов наднационального социально-экономического прогресса. Так, анализ показателей миграционной политики стран евразийской интеграции демонстрирует (таблица 2):

- колеблющийся, но последовательный миграционный прирост в Российской Федерации;
- волнообразный миграционный отток населения в Республике Казахстан;
- тренд на нивелирование отрицательных миграционных тенденций в Республике Киргизия;
- отчетливо наметившуюся тенденцию на прирост населения в Республике Армения с резко усилившейся положительной динамикой в 2021 г.

Таблица 2

Динамика сальдо международной миграции в странах ЕАЭС, чел.

Table 2. Dynamics of the balance of international migration in the EAEU countries, pers.

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	211 878	124 854	285 103	106 474	429 902
Белоруссия	3 874	9 362	13 870	Нет данных	Нет данных
Казахстан	-22 130	-29 121	-32 970	-17 718	-21 217
Киргизия	-3 925	-5 390	-6 160	-4 861	-769
Армения	286	480	1 701	1 106	4 062

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Основными причинами отъезда из своих стран казахов, киргизов и армян являются вполне очевидные социально-экономические факторы: отсутствие карьерных перспектив, низкий уровень располагаемых доходов и слабая социальная защита от возможности оказаться за чертой непролазной нищеты [10]. Все эти факторы, так или иначе, в некоторых странах в последнее время нивелируются положительным эффектом от грамотно спланированных реформ социальной защиты граждан в сфере труда и занятости, в области социальных гарантий и т. д. [9]. При этом существуют обстоятельства, лишь косвенно относящиеся к социальному вопросу. В частности, рост миграционного потока в Республику Армения интерпретируется полученным положительным экономическим результатом за время интеграции со странами Евразийского союза. Волнообразное нарастание оттока граждан из Республики Казахстан в том числе спровоцировано «языковой угрозой» ухода от широкого использования русского языка во всех общественно значимых сферах жизни казахского общества и перехода с кириллического алфавита на латиницу [6].

Миграция из Кыргызской Республики связана с недостаточно эффективной социальной политикой в стране в области занятости, а также молодежной политикой. При этом угроза национальной безопасности Киргизии вызвана приростом молодого населения в возрастной структуре общества, что очевидно создает избыток рабочей силы в республике.

Таблица 3

Структура населения стран ЕАЭС по возрастам, % на 01.01.2022

Table 3. Structure of the population of the EAEU countries by age, % as of January 1, 2022

Страна	0–14 лет	15–64 лет	65 лет и старше
Россия	17,7	66,2	16,1
Киргизия	33,0	61,8	5,2
Беларусь	16,9	67,1	16,0
Казахстан	29,6	62,2	8,2
Армения	20,2	66,9	12,9

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Как показывает статистика структуры населения по возрастным показателям в странах Евразийского союза (таблица 3), члены ЕАЭС разделяются на две подгруппы, характеризующиеся преобладанием молодого населения над пожилым (Киргизия, Казахстан) и наоборот (Россия и Беларусь).

Данные показатели закладывают приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «транс-институционального сотрудничества», где однонаправленные действия Кыргызстана и Казахстана (в миграционном и демографическом вопросе) должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик. В то время как скоординированные действия Республики Беларусь и Российской Федерации должны сфокусироваться на проблемах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, стимулирования роста рождаемости и поощрения развития институтов семьи и материнства, а также вопросах качества въезжающей на территории стран миграционной рабочей силы. Что касается последнего, то, по мнению авторов работы, базовой задачей при разработке совершенной социальной модели ЕАЭС следует считать создание согласованной миграционной политики в отношении так называемых высококвалифицированных мигрантов, базирующейся на принципах взаимной и справедливой выгоды для каждой страны — участника Евразийского экономического союза.

Важнейшим стимулом для жителей практически всех стран ЕАЭС является создание единого, эффективно функционирующего рынка труда. Граждане из менее перспективных областей Евразийского союза мигрируют в страны с лучшими перспективами заработка, карьерного роста и самореализации. По данным исследований, все большую часть миграционного потока в последние годы стало формировать молодое поколение. Более того, все четче прослеживается закономерность: чем лучше у молодого человека уровень образования, тем больше его желание покинуть родину в поисках лучшей жизни. Из страны уезжают выпускники профессиональных учебных заведений по причине отсутствия спроса на профессию, отсутствия стажа, свободных вакансий [11]. В противном случае, столкнувшись с проблемой несоответствия приобретенных во время учебы компетенций с актуальными требованиями рынка труда, молодые специалисты утрачивают веру в себя, перестают развиваться, теряют перспективы карьерного роста, что в конечном счете приводит к распространению такого модного в последние годы «гедонистического» восприятия мира, как «жизнь — чистое удовольствие».

Согласно статистическим данным по рынку труда в странах Евразийского союза, численность безработных граждан в возрасте до 24 лет в процентах от общей численности безработных имеет следующие тенденции (таблица 4).

Таблица 4

Безработица граждан до 24 лет в странах ЕАЭС в % к общей численности безработных, тыс. чел.

Table 4. Unemployment of citizens under 24 in the EAEU countries in % of the total number of unemployed, thousand people

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	21,7	22,4	21,0	18,2	20,2
Беларусь	16,1	19,3	20,2	24,1	20,4
Казахстан	8,7	8,3	8,9	9,2	8,8
Киргизия	35,6	33,0	35,0	28,9	31,8
Армения	21,3	18,6	17,9	15,4	15,2

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Устойчиво высокий уровень безработной молодежи в анализируемом пятилетнем временном отрезке (с незначительными колебаниями) наблюдается в Республике Кыргызстан, что связано с вышеизложенными в статье причинами. Отдельного внимания заслуживает:

- движение в сторону постепенного сокращения безработной молодежи в Республике Армения;
- волнообразный рост молодежной безработицы в Республике Беларусь, стране, где за тот же период уровень общего количества безработных сократился с 5,6% до 3,9% соответственно.

Совершенная система социальной модели ЕАЭС при выработке единой стратегии развития молодежной политики нуждается в создании отдельного ведомства по молодежным вопросам. Это продиктовано практикой развития стран — участников евразийской интеграции. Там, где существуют подобные ведомства (Россия, Казахстан), упрощается оценка текущей ситуации для принятия превентивных мер, в том числе совершенствования молодежного рынка труда. Важнейшими задачами в рамках «трансинституционального сотрудничества» на уровне молодежного ведомства являются анализ, сопоставление и оценка конечного результата практик применения инструментов молодежной социальной образовательной политики в конкретных странах. В частности, отдельного исследования заслуживает взаимосвязь: государственных расходов на образование (таблица 5), эффективности функционирования образовательной сферы и реальных перспектив вчерашних выпускников в странах получения среднего или высшего образования.

Таблица 5

Динамика расходов консолидированного бюджета на образование в странах ЕАЭС, %

Table 5. Dynamics of expenditures of the consolidated budget on education in the EAEU countries, %

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	10	10,7	10,8	10,2	9,9
Беларусь	17	16,9	17,7	16,4	16,4
Казахстан	14,7	17,1	17,2	18,7	20,5
Киргизия	16,9	17,8	17,9	19,6	17,8
Армения	8,2	8,4	7,9	7,5	9,0

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

Так, высокие расходы на образование в Белоруссии, Казахстане, Киргизии. Существенно ниже в Российской Федерации, наравне с Республикой Армения, без значительных положительных трендов на рост в 2020, 2021 гг.

Однако для разработки эффективной унифицированной молодежной политики евразийского интеграционного образования требуется успешная практическая база, основой которой, по мнению авторов работы, может послужить реализуемая государственная политика в отношении молодежи в Республике Казахстан. Статистика демонстрирует, что в Казахстане безработной молодежи кратно, а в сравнении с Киргизией двукратно меньше, чем в странах Евразийского союза. За основу при разработке стратегического документа для анализа и возможного масштабирования должны лечь материалы региональных, отраслевых и государственных программ, действующих на территории Республики Казахстан, успешный опыт молодежных ивентов (молодежных конгрессов и конференций) и государственных программ — «Молодежная биржа труда», «С дипломом в село». Последняя программа имеет особое значение, так как ориентирована на развитие села — важного, но в последнее время объективно деградирующего направления народного хозяйства.

Содействие молодежной занятости — важнейшая задача в совершенствовании интеграционных процессов евразийского экономического партнерства. Для ее решения одновременно с появлением наднационального молодежного ведомства предлагается развивать службу занятости Евразийского союза, важной задачей которой должно стать планирование и распределение квалифицированной молодежи по регионам ЕАЭС в соответствии с реальным спросом на нее со стороны региональных экономических сообществ.

Вопросы доступности жилья (в том числе для молодежи), поддержки семьи, материнства, отцовства и детства тесно переплетаются как с молодежным аспектом в частности, так и демографией в целом, что особенно важно для Российской Федерации и Республики Беларусь (таблица 6). Вышеупомянутые страны в долгосрочной перспективе обречены столкнуться с демографической перегруженностью. В контексте чего сокращение количества граждан репродуктивного возраста закономерно приведет к снижению уровня

рождаемости и количества браков. Существующий пессимистический прогноз усугубляется реальным положением дел. Сегодня Российская Федерация и Республика Беларусь лидируют по количеству разводов, которые составляют до 60% от количества вступающих в брачные отношения.

Доступное жилье — важнейшее направление развития социальной политики Российской Федерации [8]. Приоритетность направления в рамках развития человеческого капитала в России реализуется различными ведомствами на федеральном и региональном уровнях с 2006 г. в рамках национального проекта «Жилье», где положительная динамика, в частности, отражается в увеличении предоставления объемов жилищного кредитования в 2021 г. на 129,5% в сравнении с предыдущим 2020 г. Аналогичный значительный прирост среди стран характерен для Киргизии — 123%, Армении — 156,6% и особенно Казахстана — 170,3%¹.

Таблица 6

Динамика объема ипотечного кредитования в странах ЕАЭС, млн долл. США

Table 6. Dynamics of the volume of mortgage lending in the EAEU countries, million US dollars

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г., % к 2020 г.
Россия	34 772,2	48 280,9	44 206,4	59 795,7	77 455,4	129,5
Казахстан	1 168,2	1 648,1	2 245,3	2 540,6	4 327,0	170,3
Беларусь	542,4	817,9	867,1	875,9	700,2	79,1
Киргизия	86,1	79,0	104,1	76,1	93,6	123,0
Армения	167,7	208,8	340,3	338,9	530,8	156,6

Источник: составлено авторами по: Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год : статистический сборник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

При этом движение средневзвешенной процентной ставки по долгосрочным кредитам физическим лицам за этот же период в странах ЕАЭС имело следующую динамику (таблица 7).

Таблица 7

Динамика уровня процентной ставки в странах ЕАЭС

Table 7. Dynamics of the interest rate level in the EAEU countries

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	14,8	13,0	13,0	11,1	10,5
Казахстан	18,4	18,3	17,8	16,8	17,5
Беларусь	13,7	11,4	11,1	9,8	11,3
Киргизия	25,9	25,1	24,6	23,5	23,8
Армения	16,4	13,1	13,3	13,4	13,5

Источник: составлено авторами по: Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год: статистический сборник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 27.11.2022).

Отметим снижение процентной ставки по долгосрочным кредитам, к которым относится в том числе жилищное кредитование, практически во всех странах Союза с 2017 г.

В свою очередь, самое высокое значение показателя объема ввода жилья на 1 тыс. чел. населения отмечается в Казахстане. При этом равнонаправленный поступательный рост к 2021 г. наблюдается практически у всех участников ЕАЭС — Российской Федерации, республик Беларусь и Армения (таблица 8).

¹ Артак Маркосян. Демографическая ситуация в странах ЕАЭС и России [Электронный ресурс] // ИноСМИ (inosmi.ru). URL: <https://inosmi.ru/social/20180109/241147462.html> (дата обращения: 26.01.2021).

Таблица 8

Динамика объема ввода в действие жилья в странах ЕАЭС, м² общей площади

Table 8. Dynamics of the volume of commissioning of housing in the EAEU countries, square meter of total area

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	540	515	559	561	635
Казахстан	619	685	709	817	890
Беларусь	399	418	431	443	472
Киргизия	237	207	214	137	196
Армения	71	98	79	79	167

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

Однако при положительных тенденциях в жилищном вопросе экспертами отмечается диспропорциональное развитие жилищного фонда и динамики демографического роста в Евразийском союзе [1]. Это означает, что нарастает нерешенный вопрос развития демографической и жилищной политик. Данный вызов должен прорабатываться в рамках «трансинституционального сотрудничества» всех без исключения стран — членов ЕАЭС. В связи с этим ответственному наднациональному органу на базе успешного опыта жилищной политики стран — членов ЕАЭС в кратчайшие сроки потребуются разработать унифицированный набор инструментов и методов управления развитием жилищного фонда в условиях прогнозируемого демографического роста в странах Евразийского экономического союза.

В странах евразийской экономической интеграции проводимая семейная политика имеет свои региональные особенности. В Республике Казахстан важность семейной политики закреплена на конституционно-правовом уровне. При этом отмечается, что проводимая политика казахстанского правительства в отношении семьи и материнства на практике не выражена отдельным вектором работы государственных органов власти и по-прежнему является одним из направлений социальной политики страны в целом. Отсутствует нормативно-правовая база, стимулирующая к развитию института семьи [5]. Кроме того, значительными преградами считаются: нехватка свободного жилья [12], недоступность детских учреждений, отсутствие в обществе атмосферы приоритета семейных ценностей как таковых. Аналогичные проблемы характерны и для большинства других государств — членов ЕАЭС [15]. Так, объем ввода в эксплуатацию общеобразовательных школ в странах Евразийского союза имел в минувшие годы следующую динамику (таблица 9).

Таблица 9

Динамика ввода в эксплуатацию детских социальных учреждений* в странах ЕАЭС, тыс. ученических мест

Table 9. Dynamics of commissioning of children’s social institutions in the EAEU countries, thousand student places

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	108,4	102,1	152,5	138,7	150,0
Беларусь	2,5	2,8	8,5	3,1	8,3
Казахстан	52,3	51,6	33,4	35,7	41,3
Киргизия	13,0	9,6	10,5	7,6	8,1
Армения	0,4	3,5	1,0	2,4	5,5

* Общеобразовательные школы, тыс. ученических мест

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Таковыми данными характеризуется показатель ввода в эксплуатацию дошкольных учреждений (таблица 10).

Таблица 10

Динамика ввода в эксплуатацию дошкольных социальных учреждений* в странах ЕАЭС, тыс. мест

Table 10. Dynamics of commissioning of preschool social institutions in the EAEU countries, thousand places

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	40,8	49,9	105,4	97,3	79,9
Беларусь	2,7	2,8	1,7	4,2	3,3
Казахстан	7,7	12,8	8,4	4,9	4,9
Киргизия	3,2	2,6	3,1	3,0	3,9
Армения	0,9	2,2	0,8	0,3	0,2

* Дошкольные учреждения, тыс. мест

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

Как показывают данные, объем строительства социальных объектов детской инфраструктуры республик Казахстана и Киргизии не только не растет, но и, напротив, снижается. И это при том, что данные государства причисляются к странам с молодеющим населением (таблица 11).

Таблица 11

Динамика естественного прироста / убыли населения* в странах ЕАЭС

Table 11. Population growth / decrease dynamics in the EAEU countries

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	-0,9	-1,6	-2,2	-4,7	-7,1
Беларусь	-1,8	-2,8	-3,5	Н/Д	Н/Д
Казахстан	14,4	14,6	14,5	14,2	13,9
Киргизия	19,4	21,9	21,7	17,9	16,6
Армения	3,5	3,6	3,4	0,1	0,8

* На 1 тыс. чел. населения (%)

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Таким образом, семейная тема является остро выраженной и должна корректироваться в рамках «трансинституционального сотрудничества» членов ЕАЭС. В качестве базы для разработки унифицированного подхода может быть принят российский опыт, где с целью развития семейной политики государством разработана соответствующая концепция до 2025 г. В документе отмечается, что Российская Федерация остро нуждается в новой семейной политике. Такая политика придает преобладающее значение:

- сохранению традиционных семейных ценностей внутри страны;
- роли института семьи и особого трепетного внимания к нему со стороны общества;
- повышению качества семейной жизни.

Большое значение в документе уделяется непосредственно вопросу занятости, позволяющему гражданам совмещать рабочий процесс и уход за детьми за счет неполного рабочего дня или работы на дому. Долгосрочные последствия имеет подпункт концепции, затрагивающий разработку инструментов поддержки коммерческих инициатив для семей с детьми.

Рассматривая социальную политику конкретного государства, необходимо акцентировать особое внимание на системе государственных социальных обязательств, гарантируемых гражданам страны в качестве социальных гарантий, — пенсии, пособия по безработице, выплаты по временной нетрудоспособности и другое.

Пенсионный вопрос сегодня особенно остро встает в ряде стран евразийской интеграции и должен стать предметом межнациональной дискуссии между, по меньшей мере, Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Так, страны имеют схожий удельный вес возрастных групп населения ЕАЭС в 2021 г. (таблица 12).

Таблица 12

Показатель граждан старше трудоспособного возраста в странах ЕАЭС
Table 12. The indicator of citizens older than working age in the EAEU countries

Страна	Граждане старше трудоспособного возраста, %	Количество, млн чел.
Россия	25,3	36,9
Беларусь	24,3	2,3
Казахстан	11,0	2,1
Киргизия	8,3	0,5
Армения	15,1	0,4

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 08.05.2023).

Необходимо отметить, что пожилая социальная группа занимает особое место в системе пенсионного социального обеспечения, поскольку объем социальных выплат для пенсионеров по возрасту в сравнении с другими категориями пенсионеров в странах ЕАЭС доходит до 80–90% от всех пенсионных обязательств. В России и Белоруссии процент пенсионеров по возрасту фактически не различается и находится посередине между Киргизией и Арменией, где он меньше в среднем на 8–10%, и Казахстаном, где пенсионеры по возрасту получают более 95% пенсионного социального обеспечения (таблица 13).

Таблица 13

Доля пенсионеров по возрасту в структуре всех видов пенсионеров в странах ЕАЭС
Table 13. The share of pensioners by age in the structure of all types of pensioners in the EAEU countries

Страна	Пенсионеры по возрасту в структуре численности всех видов пенсионного обеспечения, %
Россия	83,2
Беларусь	81,7
Казахстан	95,2
Киргизия	74,8
Армения	71,6

Источник: составлено авторами по данным: Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 15.10.2022).

При этом показатель величины прожиточного минимума населения пенсионного возраста на душу населения в среднем за год в соответствующих странах имеет расхожую динамику (таблица 14). В Российской Федерации динамика носит колебательный характер, в то время как в Республике Беларусь корректнее говорить о медленном росте. Устойчивая положительная тенденция наблюдается

в Республике Казахстан. В свою очередь, величина прожиточного минимума в Республике Армения на законодательном уровне до сих пор не устанавливается¹. Устранение подобной законодательной коллизии в структуре унифицированной пенсионной системы Евразийского союза способно дать мощный сигнал для армянского общества поддержать интеграционные процессы, включающие в себя одностороннюю социальную политику членов ЕАЭС в области пенсионного обеспечения.

Таблица 14

Динамика величины прожиточного минимума в странах ЕАЭС, долл. США

Table 14. Dynamics of the subsistence minimum in the EAEU countries, US dollars

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	173	164	168	157	158
Беларусь	100	103	109	103	111
Казахстан	73	79	77	80	87
Киргизия	71	70	69	69	74

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 08.11.2022).

В целом похожая тенденция за аналогичный период имеет место в отношении среднего размера пенсий по возрасту в странах ЕАЭС за год (таблица 15).

Таблица 15

Динамика среднего размера пенсий по возрасту в странах ЕАЭС, долл. США

Table 15. Dynamics of the average size of pensions by age in the EAEU countries, US dollars

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	217	246	216	256	227
Беларусь	146	160	173	202	188
Казахстан	120	143	153	145	148
Киргизия	77	83	86	88	81
Армения	88	87	87	86	92

Источник: составлено авторами по данным: Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

Российская Федерация и Республика Беларусь различаются показателями повышения возраста выхода на пенсию к 2028 г. в сравнении с настоящим временем, что является скорее негативным фактором (таблица 16). В Республике Беларусь эта разница, согласно законодательству, составит всего один год: с 62 до 63 лет у мужчин и с 57 до 58 лет у женщин. В Российской Федерации выходить на пенсию станут на 4,5 года позже: в 65 лет мужчины и 60 лет женщины. Изменения не коснутся так называемых «молодых стран» ЕАЭС. Возраст выхода на пенсию в Казахстане, Киргизии и Армении в ближайшее время практически не изменится (за исключением Казахстана, где пенсионный возраст для женщин вырастет на 3,5 года).

¹ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 26.01.2022).

Таблица 16

Изменение возраста выхода на пенсию в настоящее время в сравнении с 2028 г.

Table 16. Change in retirement time now compared to 2028

Страна	В настоящее время Мужчины / Женщины	К 2028 г. Мужчины / Женщины
Россия	60,5 / 55,5	65,0 / 60,0
Беларусь	62,0 / 57,0	63,0 / 58,0
Казахстан	63,0 / 59,5	63,0 / 63,0
Киргизия	63,0 / 58,0	63,0 / 58,0
Армения	63,0 / 63,0	63,0 / 63,0

Источник: составлено авторами по данным: Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

Инвалидизация населения — комплексная проблема, затрагивающая все аспекты жизни страны — экономическую, политическую, духовную. Она является результатом развития совокупности факторов: ненадлежащего условия труда, бедности, некачественной медицинской помощи и других социальных аспектов, рассмотренных в данной работе. На сегодняшний день в каждой стране — члене ЕАЭС разработано законодательство, регулирующее государственную политику в области социальной защиты инвалидов, в том числе их трудоустройство и иные виды профессиональной реабилитации [3]. Все государства евразийской интеграции гарантируют инвалидам бесплатное переобучение в учебных заведениях и последующее трудоустройство. В соответствующих законах стран ЕАЭС для граждан с инвалидностью предусматривается квотирование (бронирование) рабочих мест. Однако это не решает проблему. Работодатель не заинтересован в заключении договора с инвалидами по причине значительного количества безработных трудоспособных работников. Задачей «трансинституционального сотрудничества» должна стать коллегиальная разработка унифицированных механизмов правового регулирования трудоустройства инвалидов, а также создание системы социальных гарантий работодателям. Выработанная система может основываться на положении Конвенции № 159 Международной организации труда и включать: запрет любой дискриминации по признаку инвалидности, право инвалида на полноценную жизнь, равенство возможностей. Научно доказано, что трудность в осуществлении полноценной жизни в большинстве случаев обусловлена не столько нездоровьем, вызванным травмой или заболеванием, сколько социальными и психологическими барьерами, ограничивающими возможности инвалидов для активной интеграции в общественную социально-экономическую жизнь [4]. Работа в направлении совершенствования труда для граждан с ограниченными возможностями во всех странах ЕАЭС должна ориентироваться на:

- выполнение плана создания специально оборудованных рабочих мест; привлечение к проблеме малого и среднего бизнеса через механизмы финансового и налогового стимулирования;
- внесение поправок в трудовое законодательство, запрещающих дискриминацию работников с ограниченными возможностями при трудоустройстве;
- расширение норм квотирования для инвалидов;
- создание надгосударственной программы «Персонального сопровождения инвалидов в процессе поиска работы» с формированием соответствующих бюджетных денежных средств на привлечение профессиональных людей, специализирующихся на данном вопросе [14].

Трудовое законодательство стран — членов ЕАЭС, отражающее вопросы социального характера, связанные с минимальным размером оплаты труда, имеет много общего, однако нуждается в унификации нормативно-правового материала. В частности, различны подходы к вопросу оплаты труда в трудовых кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь, где в ст. 130 и ст. 56 ТК соответственно детально прописываются основные государственные гарантии по оплате труда, и кодексах остальных

членов евразийской интеграции, где обязательства по оплате труда для работников отражены достаточно поверхностно [13]. Законодательно различается и понятие минимальной оплаты труда (МОТ).

Так, трудовым кодексом Республики Казахстан устанавливается «минимальный размер месячной заработной платы», а также «минимальный размер часовой заработной платы». В то время как в Армении, Белоруссии и России употребляется общее понятие «минимальная заработная плата». По мнению авторов работы, совершенная социальная модель ЕАЭС в отношении обеспечения труда работающих граждан должна разработать единую систему минимальной оплаты труда по принципу казахстанской модели трудового законодательства. Помимо этого, ставка минимальной оплаты труда может варьироваться от вида деятельности, отрасли и социальной значимости выполняемой работы.

Выводы

Анализ социальной политики стран — участниц евразийской экономической интеграции показал, что объективные внешние факторы, связанные с развитием мирового финансового кризиса и нарастающей глобальной нестабильностью, а также накапливающиеся нерешенные вопросы внутреннего характера заставляют руководство членов ЕАЭС ускорять процессы построения безусловной политики социального государства. Решение подобной «социальной модернизации» в одиночку представляется труднореализуемым, в связи с этим авторами предлагается пойти по пути коллективного решения социального вопроса через однонаправленную, унифицированную социальную политику, построенную на основе «трансинституционального сотрудничества». Последнее позволит усилить интеграционные связи между участниками ЕАЭС, снизить коммуникационные барьеры в рамках межгосударственного диалога, а также создать демонстрационный эффект для присоединения к интеграционным процессам новых потенциальных союзников.

Как показал анализ инструментов социальной политики участников ЕАЭС, евразийская экономическая интеграция, представляющая собой образование пяти государств, характеризуется широким кругом как схожих (в первую очередь историко-культурных), так и различающихся (географических, экономических) параметров. Проведенный анализ инструментов социальной политики (жилищной, семейной, миграционной, трудовой, молодежной и т. д.) закладывает приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «трансинституционального сотрудничества».

Выполненная авторами работа (в том числе на основе проанализированных тенденций социально-экономического развития членов евразийской интеграции) позволяет сформулировать новый интегрированный подход к развитию социальной политики стран — членов ЕАЭС на базе «трансинституционального сотрудничества». Прикладное значение отражено в виде предложений и выявленных трендов в отношении перспектив интеграции и имплементации различных социальных механизмов в практику взаимодействия стран — членов ЕАЭС.

Литература

1. Асаул А. Н., Асылбаев А. Б., Ниязалиева К. Н. [и др.]. Динамика развития жилищного фонда в условиях прогнозируемого демографического роста в государствах — членах ЕАЭС // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8. № 4. С. 343–362. DOI:10.18334/zhs.8.4.113688
2. Благодир А. Л. Трудоустройство инвалидов в странах ЕАЭС: анализ законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 53–56.
3. Бородушко И. В. Тенденции и проблемы социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (62). С. 9–15.
4. Васин С. А., Горлин Ю. М., Гришина Е. Е. [и др.]. Организация и проведение комплексного мониторинга положения инвалидов в России в свете Конвенции ООН о правах инвалидов. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 102 с.
5. Жуматова Г. М., Жумаканова У. С., Елеукина Д. А. Основы семейного права в Казахстане и возможности его развития // Молодой ученый. 2018. № 33. С. 98–101.
6. Карманов М. В., Кучмаева О. В., Петрякова О. Л. Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Экономика, Статистика и Информатика. 2015. № 4. С. 123–128. DOI:10.21686/2500-3925-2015-4-123-128

7. Мигранян А. А. Опыт стран Евразийского экономического союза. Риски и потенциал социально ориентированной экономической политики // Научно-аналитический журнал «Обозреватель» — Observe. 2022. № 11–12. С. 80–94. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_80
8. Непочатых О. Ю., Орехова М. С., Довтаев С.-А. Ш. Современные тенденции развития жилищной политики в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44 (6). С. 222–225.
9. Нурсымбат С. С., Назерке А. А. Сравнительный анализ мер социальной поддержки населения в странах ЕАЭС в период глобальной пандемии // Экономика: стратегия и практика. 2021. Т. 6. № 1. С. 155–163.
10. Осадчая Г. И., Вартанова М. Л. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 62–74. DOI:10.22394/2304-3369-2021-1-62-74
11. Петроченко А. А. Проблемы занятости молодежи стран Евразийского экономического союза // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. Т. 20. № 1. С. 127–135. DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.1.13
12. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Государственное регулирование поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 1 (69). С. 102–107. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_102
13. Савельева Е. А. Механизмы регулирования оплаты труда в условиях единого цифрового рынка труда ЕАЭС // Экономика Центральной Азии. 2019. Т. 3. № 3. С. 169–182. DOI:10.18334/asia.3.3.41191
14. Шошмин А. В., Бесстрашнова Я. К. Оценка себестоимости персонального сопровождаемого трудоустройства инвалида. Медико-социальная экспертиза и реабилитация. Сборник научных статей. Минск, 2015. 200 с.
15. Hancock K. J., Libman A. Eurasia. In T. A. Boerzel, and T. Risse (Eds.) // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 202–224.
16. Tarr D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed? // Eastern European Economics. 2016. No. 54 (1). P. 1–22. DOI: 10.1080/00128775.2015.1105672

Об авторах:

Рубцов Геннадий Геннадьевич, соискатель ученой степени кандидата наук в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: rubtsov-gg@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-0296-878X

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; доцент;
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7351-7455

References

1. Asaul A. N., Asylbaev A. B., Niyazalieva K. N. [et al.]. Dynamics of Development of the Housing Stock in the Context of Predicted Demographic Growth in the Member States of the EAEU // Russian Journal of Housing Research [Zhilishchnyye strategii]. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 343–362. (In Rus.) DOI: 10.18334/zhs.8.4.113688
2. Blagodir A. L. Employment of Disabled People in the EAEU Countries: Analysis of Legislation // Labor Law in Russia and Abroad [Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom]. 2018. No. 4. P. 53–56. (In Rus.)
3. Borodushko I. V. Trends and Problems of Socio-Economic Development of the Countries of the Eurasian Economic Union // Scientific Notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2017. No. 2 (62). P. 9–15. (In Rus.)
4. Vasin S. A., Gorlin Yu. M., Grishina E. E. [et al.]. Organization and Implementation of Comprehensive Monitoring of the Situation of Persons with Disabilities in Russia in the light of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Moscow : Ed. house “Delo” RANEPА. 2014. 102 p. (In Rus.)
5. Zhumatova G. M., Zhumakanova U. S., Eleukina D. A. Fundamentals of Family Law in Kazakhstan and the Possibility of Its Development // Young Scientist [Molodoy uchenyy]. 2018. No. 33. P. 98–101. (In Rus.)
6. Karmanov M. V., Kuchmaeva O. V., Petryakova O. L. Demographic Security: Theory, Methodology, Assessment // Economics, Statistics and Informatics [Ekonomika, Statistika i Informatika]. 2015. No. 4. P. 123–128. (In Rus.) DOI: 10.21686/2500-3925-2015-4-123-128

7. Migranyan A. A. Experience of the Countries of the Eurasian Economic Union. Risks and Potential of Socially Oriented Economic Policy // Scientific and Analytical Journal "Obozrevatel" — Observe [Nauchno-analiticheskii zhurnal «Obozrevatel'» — Observe]. 2022. No. 11–12. P. 80–94. (In Rus.) DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_80
8. Nepochatykh O. Y., Orekhova M. S., Dovtaev S.-A. Sh. Modern Trends in the Development of Housing Policy in Russia // Natural-Humanitarian Studies [Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya]. 2022. No. 44 (6). P. 222–225. (In Rus.)
9. Nursymbat S. S., Nazerke A. A. Comparative Analysis of Social Support Measures for the Population in the EAEU Countries during the Global Pandemic // Economics: Strategy and Practice [Ekonomika: strategiya i praktika]. 2021. V. 6. No. 1. P. 155–163. (In Rus.)
10. Osadchaya G. I., Vartanova M. L. Demographic Security and Trends in the Development of Migration Processes in the Eurasian Economic Union during the Pandemic (COVID-19) // Management Issues [Voprosy upravleniya]. 2021. No. 1. P. 62–74. (In Rus.) DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-62-74
11. Petrochenko A. A. Problems of Youth Employment in the Countries of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Volgograd State University [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2018. Vol. 20. No. 1. P. 127–135. (In Rus.) DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.1.13
12. Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A. State Regulation of Support for a Young Children's Family in the EAEU [Countries // Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo]. 2023. No. 1 (69). P. 102–107. (In Rus.) DOI: 10.52452/18115942_2023_1_102
13. Savelyeva E. A. Mechanisms for Regulating Wages in the Conditions of a Single Digital Labor Market of the EAEU // Economics of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noy Azii]. 2019. Vol. 3. No. 3. P. 169–182. (In Rus.) DOI: 10.18334/asia.3.3.41191
14. Shoshmin A. V., Besstrashnova Ya. K. Estimation of the Cost of Personal Accompanied Employment of a Disabled Person. Medico-Social Expertise and Rehabilitation. Collection of Scientific Articles. Minsk, 2015. 200 p. (In Rus.)
15. Hancock K. J., Libman A. Eurasia. In T. A. Boerzel, and T. Risse (Eds.). The Oxford handbook of comparative regionalism. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 202–224.
16. Tarr D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed? // Eastern European Economics. 2016. No. 54 (1). P. 1–22. DOI: 10.1080/00128775.2015.1105672

About the authors:

Gennady G. Rubtsov, Applicant for the Degree of Candidate of Sciences at the North-Western Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation);

e-mail: rubtsov-gg@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-0296-878X

Oleg N. Misko, Head of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance, North-Western Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy);

e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7351-7455

Человеческий потенциал ЕАЭС: новые риски и возможности развития

Юрова Н. В.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

e-mail: yurova@bsu.by

ORCID: 0000-0002-7714-231X

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение человеческого потенциала, его развития и реализации в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС, Союз) с учетом принятых странами Союза обязательств по достижению Целей устойчивого развития согласно Повестке-2030 и в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран.

Цель. Представить человеческий потенциал интеграционного объединения как комплексное явление социально-экономических отношений интегрирующихся стран, а также определить возникающие риски и предложить практические рекомендации по воспроизводству человеческого потенциала в рамках ЕАЭС.

Задачи. Проследить динамику показателей развития и реализации человеческого потенциала в отдельных странах ЕАЭС и совокупного человеческого потенциала ЕАЭС, раскрыть особенности воспроизводства человеческого потенциала путем разделения его на качественные и функциональные формы, выявить современные риски для воспроизводства человеческого потенциала ЕАЭС и новые возможности для развития.

Методология. Для сопоставления показателей развития человеческого потенциала стран ЕАЭС используется метод сравнительного анализа. В части человеческого потенциала ЕАЭС предлагается учитывать новые риски для обеспечения устойчивого человеческого развития в интеграционном объединении, что позволяют применить методы анализа и синтеза, индукции и статистический метод.

Результаты. На основе анализа динамики развития таких форм человеческого потенциала, как потенциал здоровья, образовательный потенциал и трудовой потенциал, выявлены накопившиеся проблемы, современные вызовы и риски для воспроизводства человеческого потенциала ЕАЭС по отдельным странам.

Выводы. ЕАЭС не может больше оставаться только экономическим интеграционным проектом, пришло время расширить горизонты взаимодействия стран, в том числе на сферу развития и реализации человеческого потенциала. Путем учета новых рисков странам необходимо координировать направления развития совокупного человеческого потенциала ЕАЭС в рамках обязательств по достижению Целей устойчивого развития согласно Повестке-2030 и в условиях продолжающегося санкционного давления со стороны недружественных стран.

Ключевые слова: человеческий потенциал, ЕАЭС, риски, экономические санкции, возможности, Цели устойчивого развития

Для цитирования: Юрова Н. В. Человеческий потенциал ЕАЭС: новые риски и возможности развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 79–91. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-79-91>

EAEU's Human Potential: New Risks and Opportunities for Development

Natalia V. Yurova

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

e-mail: yurova@bsu.by

ORCID: 0000-0002-7714-231X

ABSTRACT

This study is aimed at studying human potential, its development and implementation in the Eurasian Economic Union (EAEU). Taking into account the commitments made by the countries of the Union to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs) in accordance with Agenda 2030 and under sanctions pressure from hostile countries.

Aim. To present the human potential of the integration association as a complex phenomenon of the socio-economic relations of the integrating countries, as well as to identify the emerging risks and offer practical recommendations for reproducing the human potential within the EAEU.

Tasks. To trace the dynamics of indicators of development and realization of human potential in each country of the EAEU and the aggregate human potential of the EAEU, to reveal the features of reproduction of human potential by dividing it into qualitative and functional forms, to identify modern risks for reproduction of human potential of the EAEU and new opportunities for development.

Methods. To compare indicators of human development of the EAEU countries, the method of comparative analysis is used. In the part of the human potential of the EAEU, it is proposed to take into account new risks for ensuring sustainable human development in the integration association, which make it possible to make methods of analysis and synthesis, induction and statistical method.

Results. Based on the analysis of the dynamics of development of such forms of human potential as health potential, educational potential and labor potential, accumulated problems, modern challenges and risks for reproduction of human potential of each EAEU country.

Conclusion. The EAEU can no longer remain only an economic integration project, and it is time to expand the horizons of interaction between countries, including on the sphere of development and the realization of human potential. By taking into account new risks, countries need to coordinate the directions of development of the EAEU's total human potential within the framework of commitments to achieve the Sustainable Development Goals in accordance with Agenda 2030 and under the conditions of ongoing sanctions pressure from hostile countries.

Keywords: human potential, EAEU, risks, economic sanctions, opportunities, Sustainable Development Goals

For citing: Yurova N. V. EAEU's Human Potential: New Risks and Opportunities for Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 79–91. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-79-91>

Введение

В условиях возрастающей международной неопределенности и высоких рисков попадания в орбиту санкционного давления стран Запада интеграционные объединения развивающихся стран становятся для стран-членов гарантом устойчивости социально-экономических отношений и неизменности Целей совместного развития. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) оказался в эпицентре слома и пересмотра прежней системы международных экономических отношений. Однако, несмотря на беспрецедентное санкционное давление на лидера евразийской интеграции — Россию, а также антибелорусские санкции со стороны «недружественных» стран, ЕАЭС показал высокий уровень адаптации к внешним вызовам и стал примером интеграционной сплоченности. Блокировка привычных каналов поставки товаров, заморозка финансовых и иных активов, отмена эффективных механизмов проведения платежей и многое другое привели к необходимости трансформации экономических отношений как внутри ЕАЭС,

так и с другими странами. Экономические санкции вынудили подсанкционные страны обратить внимание на свои внутренние материальные и производственные резервы, а также человеческий потенциал, но не отойти от взятых на себя обязательств по достижению Целей в области устойчивого развития в соответствии с Повесткой-2030. В настоящее время можно предположить, что худшим социально-экономическим прогнозам не дано сбыться, но впереди ждет кропотливая работа по созданию новых условий для ответственного развития стран ЕАЭС, в центре которого должен быть человеческий потенциал.

Человеческий потенциал в орбите интеграции ЕАЭС

С момента создания ЕАЭС как преимущественно экономического интеграционного объединения произошло много различных событий (антироссийские санкции 2014 г., пандемия Covid-19, возрастание роли Китая и мирового влияния организаций с его участием, например ШОС, БРИКС, антибелорусские санкции 2020 г., масштабные антироссийские санкции 2022 г. и т. д.), которые показали необходимость пересмотра интеграционного формата ЕАЭС и необходимость расширения области взаимодействия стран на сферу экономической безопасности и на социальную сферу. Также инновационное и информационное экономическое развитие диктует новые подходы к интеграции, где основой интеграционных процессов «становится не только традиционная взаимная торговля, на первое место выходит финансово-инвестиционное сотрудничество, научно-производственная кооперация, совместные вложения в инновационные проекты и человеческий капитал» [2, с. 41]. Безусловно, нынешнее понимание международной экономической интеграции выходит далеко за рамки торговых соглашений между странами о преференциях. В большинстве своем, включаясь в экономическую интеграцию, страны в перспективе заинтересованы, чтобы их интеграционное объединение стало своеобразным социально-экономическим комплексом, который способен к расширенному воспроизводству и обеспечению благоприятных условий для роста благосостояния населения. Даже если в начале интеграционного пути эти объединения стран и не ставят такие цели, а ограничиваются лишь преференциальными торговыми отношениями, то при успешном развитии интеграционного проекта рано или поздно возникает вопрос о расширении сотрудничества и включения в повестку вопросов взаимодействия в области социальной политики, здравоохранения, культуры и пр.

Несмотря на широкий интерес в научных кругах к международной экономической интеграции и исследование в трудах таких ученых, как Б. Баласса, Ф. Тассинари, Я. Тинберген, Э. Хаас, Дж. Вайнер, Дж. Мид, Р. Манделл, П. Кругман, Й. Стиглиц, Й. Линн, Е. В. Авдокушин, И. В. Андропова, А. С. Булатов, В. Е. Рыбалкин, С. Ю. Глазьев, А. Н. Быков, Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман, М. В. Мясникович, Н. Н. Шумский и др., человеческий потенциал как таковой, и тем более в системе интеграционных процессов, остался недостаточно исследован.

В научной литературе встречаются отдельные дискуссии по поводу современных подходов к пониманию человеческого развития в международных экономических отношениях. Так, С. Ю. Глазьев предложил учитывать особенности развития и использования человеческого капитала в разных технологических и мирохозяйственных укладах [1]. В научных публикациях М. В. Мясниковича [4; 5; 6] подтверждается роль социального, человеческого капитала в развитии как национальной экономики, так и евразийской интеграции. Западные ученые в своих последних научных публикациях делают упор на человеческое развитие в условиях изменения климата и перехода к зеленой экономике как на примере отдельных стран, так и в условиях развития неформальных объединений: страны «Большой семерки», БРИКС и др. [9; 10; 11]. При этом общего понимания значения человеческого потенциала на современном этапе развития экономической интеграции ЕАЭС так и не было достигнуто, поэтому тема остается весьма актуальной.

Евразийский экономический союз функционирует с 2014 г. и за это время показал высокий уровень интеграционной устойчивости. Так, объем ВВП ЕАЭС в 2022 г. составил 1,747 трлн долл. США¹, хотя

¹ Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. Январь — декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 21.02.2023. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/indicators2022_12.pdf (дата обращения: 27.08.2023).

в 2015 г. был чуть больше 1,6 трлн дол. США. К другим значимым достижениям следует отнести рост промышленного производства за время существования ЕАЭС примерно на 38%, взаимной торговли на 37%, а также единые рынки товаров и услуг, единый Таможенный кодекс и правила таможенного оформления, единые технические нормы сертификации для более чем 80% товаров, отсутствие барьеров для трансграничного перемещения трудовых ресурсов [3], социальные гарантии. Экономические санкции против России и Беларуси привели к необходимости стремительного развития импортозамещения и к пересмотру многих устоявшихся экономических и финансовых механизмов внутри ЕАЭС, а также за его пределами, при этом масштабного экономического кризиса и катастрофического падения объемов совокупного производства ЕАЭС не произошло. Одним из факторов устойчивости объединения в условиях санкционного давления стал накопленный человеческий потенциал.

Состояние человеческого потенциала является критерием качественной оценки социально-экономических изменений, происходящих в интеграционных объединениях. При положительной динамике развития человеческого потенциала и повышении уровня и качества жизни населения можно говорить о постепенном достижении общей цели в ЕАЭС, а именно «повышение благосостояния населения»¹. Согласно Докладу о человеческом развитии 2021/2022², по итогам 2021 г. из 189 стран Россия лидирует среди стран ЕАЭС по Индексу человеческого развития (ИЧР) и занимает 52-е место (0,822), Казахстан — 56-е (0,811) и Беларусь — 60-е (0,808). Три лидера евразийской интеграции входят в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития (значение выше 0,800). Оставшиеся две страны евразийской интеграции относятся: к группе стран с высоким уровнем человеческого развития — Армения (значение 0,759 и 85-е место), и группе стран со средним уровнем развития — Кыргызстан (значение 0,692 и 118-е место). Совокупное значение ЕАЭС (0,732) выше мирового уровня и соответствует группе с высоким уровнем человеческого развития. У всех государств-членов есть успешный опыт и, безусловно, проблемы в достижении положительной динамики человеческого развития, поэтому объединение усилий и поддержка национальных институтов в обеспечении устойчивого человеческого развития и воспроизводства человеческого потенциала является важным условием социально-экономического развития всего интеграционного объединения.

Наряду с ИЧР стали появляться и другие индексы, например, индекс человеческого капитала³, индекс инклюзивного экономического роста стран⁴, но, к сожалению, пока не разработан по-настоящему объективный индекс, который смог бы без изъятий и оговорок дать представление об уровне и качестве человеческого потенциала, который является базовым элементом для человеческого капитала и условием для человеческого развития в целом. По мнению российских ученых, «основными требованиями к человеческому потенциалу для формирования человеческого капитала являются: высшее образование как фундамент для его продолжения в течение всей трудовой деятельности; творческие навыки и стремление к творческой самореализации; нравственные ограничения, исключающие использование знаний против человечества или во вред обществу; здоровый образ жизни и поддержание трудоспособности до преклонного возраста» [1, с. 147]. К тому же «интеллект и творческий потенциал человека становятся главными факторами экономического роста» [7, с. 5]. Соглашаясь с данными утверждениями, следует развить теоретический подход к детальному представлению человеческого потенциала в системе интеграционных процессов через призму основных его форм. В целом формы человеческого потенциала могут быть разделены на качественные (отражают способности человека и населения) и функциональные

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения: 20.07.2023).

² Неопределенные времена, неустроенные жизни. Создавая будущее в меняющемся мире. Доклад о человеческом развитии 2021–2022 г. Резюме [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrurpdf.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

³ The Human Capital Index [Электронный ресурс] // The World Bank. Jan 22, 2023. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0038030/0038030-Human-Capital-Index> (дата обращения: 29.08.2023).

⁴ Инклюзивный экономический рост в государствах — членах ЕАЭС и мире, 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/cce/Spravka.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

(могут проявляться при определенных условиях, зависят от участия в определенных видах деятельности в рамках социально-экономической системы) [8, с. 34–36].

- Качественные формы человеческого потенциала: потенциал здоровья и продолжительности жизни, образовательный потенциал, творческий потенциал, научный потенциал, культурный потенциал.
- Функциональные формы человеческого потенциала: трудовой потенциал, предпринимательский потенциал, инновационный потенциал, демографический потенциал.

Качественные формы отражают состав человеческого потенциала, его наполнение. Качественные формы формируются с рождения и могут быть развиты в процессе жизнедеятельности человека, т. е. характеризуют врожденные и приобретенные способности человека. На основе качественных форм человеческого потенциала создается основа для проявления его функциональных форм. Существует логическая последовательность проявления и влияния друг на друга качественных форм.

Потенциал здоровья определяет способность и возможность получать образование на всех ступенях. Хорошее здоровье позволяет человеку без ограничений участвовать в образовательном процессе. Для человека с особенностями развития могут быть недоступны некоторые формы и уровни образования, что повлечет за собой иные ограничения.

Разделение форм человеческого потенциала на качественные и функциональные позволит в дальнейшем более детально изучить человеческий потенциал на всех стадиях его воспроизводства и разрабатывать отдельные меры социальной политики, ориентированные на формирование человеческого потенциала (качественные формы) и его реализацию (функциональные формы).

Потенциал здоровья и продолжительности жизни

Здоровье, а также потенциал его сохранения и укрепления предопределяет участие человека в экономической деятельности. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в своем уставе определяет здоровье как состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических недостатков¹. Данное определение не менялось с 1948 г. При этом существует большое разнообразие определений здоровья человека. В основном они касаются медицины, гигиены, демографии и гораздо реже экономики. Новые реалии социально-экономических отношений требуют уточнения и дополнения определения, связанного с состоянием здоровья человека и его ожидаемой продолжительности жизни.

В экономическом аспекте потенциал здоровья человека — это социально-экономическая форма человеческого потенциала, отражающая совокупность отношений, складывающихся между человеком, домашним хозяйством семьи, компаниями, государством и обществом в целом по поводу формирования и развития культуры отношения человека к своему здоровью и созданию в микроэкономической и макроэкономической системах условий, обеспечивающих человеку сохранение и укрепление физического и духовного здоровья в целях продления периода созидательной трудовой активности и повышения уровня и качества его жизни. Потенциал здоровья человека имеет решающее значение в воспроизводственном процессе человеческого потенциала.

Пандемия Covid-19 выдвинула здоровье и благополучие на первое место в глобальной повестке дня, выявив острую необходимость укрепления систем здравоохранения, наращивания потенциала и подготовки к будущим вызовам. Пандемия обострила неравенство, обозначив проблемы в доступе к здравоохранению и здоровому образу жизни для наиболее уязвимых слоев населения. Помимо этого, обострились экологические проблемы, которые, как и прежде, усугубляют проблемы со здоровьем.

Уровень развития здравоохранения позволяет существенно продлить человеческую жизнь и вовлеченность человека в трудовые отношения. Благоприятная экологическая обстановка, пропаганда здорового образа жизни, доступность и качество медицинских услуг, лекарственных средств и препаратов позволяет значительно повысить уровень потенциала здоровья. Как в условиях экономического расцвета, так и в условиях кризиса здоровье остается главной ценностью и потребностью человека, поскольку

¹ Устав ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 20.07.2023).

именно здоровье позволяет человеку быстро адаптироваться к изменяющимся социальным, экономическим, технологическим, экологическим и т. д. условиям его жизнедеятельности.

Пандемия Covid-19 положительно повлияла на мировой рынок, стимулируя рост возможностей и достижений в области разработки лекарств и производства вакцин от этой болезни. Например, в 2021 г. во всем мире было произведено более 11 млрд доз вакцины против Covid-19, в результате чего около половины населения мира было вакцинировано в течение года. Кроме того, успех мРНК-вакцин и ускоренные процессы утверждения привели к резкому увеличению доходов, связанных с вакцинами, о чем свидетельствует совокупный доход в размере около 31 млрд долл. США в 2021 г. от вакцин Moderna, Pfizer/BioNTech и Johnson & Johnson. Российская вакцина «Спутник V» одобрена в 71 стране с общим населением 4 млрд чел. Таким образом, пандемия Covid-19 выявила возможности стран в передовых и своевременных разработках вакцин и лекарственных препаратов.

Однако, как признают ученые медицинской науки, потенциал здоровья человека зависит не только от уровня развития здравоохранения, его финансирования и разработки инноваций и передовых методов лечения, а от государственной политики в области охраны здоровья и уровня социально-экономического развития страны. По данным экспертов ВОЗ, повышение на 1000 долл. США доли валового национального продукта, приходящейся на одного жителя, увеличивает среднюю продолжительность жизни на полгода, а увеличение на 1000 долл. США дохода человека может повысить продолжительность его жизни на один год.

Потенциал человека по здоровью и длительности жизни следует оценивать с помощью таких индикаторов, как ожидаемая продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность здоровой жизни. За последние двадцать лет ожидаемая продолжительность жизни в мире увеличилась более чем на шесть лет — с 66,8 лет в 2000 г. до 72,95 лет в 2021 г. и, по прогнозам экспертов, должна была далее устойчиво расти. Пандемия Covid-19 существенно скорректировала этот прогноз. Так, ожидаемая продолжительность жизни в 2020 г. снизилась на 1,84 года из-за избыточной смертности. Также произошло падение ожидаемой продолжительности здоровой жизни примерно на 1,4 года. Несмотря на пандемийный фактор, ожидаемая продолжительность жизни в странах ЕАЭС в среднем и целом продолжала рост. В 2021 г. средний показатель ЕАЭС составлял 73,9 года, что выше среднемирового уровня. Важным моментом является то, что у стран ЕАЭС серьезно отличаются данные показатели. Так, в России ожидаемая продолжительность жизни после 2020 г. существенно возросла и составила 79,09 года, в Армении — 74,4 года, в Беларуси — 74 года, в Кыргызстане — 71,84 года, а в Казахстане показатель упал до 70,23 года (см. рис. 1). При этом сохраняется значительная разница у мужчин и женщин по ожидаемой продолжительности жизни. В России эта разница составила 10,6 года, а в Беларуси — 10,4. Последствия нерешенных экологических проблем (чернобыльская катастрофа, выбросы в атмосферу и др.), ковидный «шок», рост хронических и инфекционных заболеваний, возрастающая нагрузка на систему здравоохранения из-за роста продолжительности жизни при ограниченном финансировании, сложности в поставке иностранных лекарств в результате санкционной политики стран Запада и многое другое являются причинами сдержанного характера динамики ожидаемой продолжительности жизни в Евразийском регионе.

Потенциал здоровья и продолжительности жизни проявляется в естественном приросте населения, а благоприятные условия для человеческого развития становятся притяжением для трудовых мигрантов. За последние пятнадцать лет население региона ЕАЭС неуклонно росло. По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), общая численность постоянного населения стран ЕАЭС увеличилась с 176,87 млн чел. в 2005 г. до 184,025 млн чел. в 2022 г. С 2021–2023 гг. в динамике численности населения стали проявляться негативные тенденции из-за сочетания следующих основных факторов: снижение уровня рождаемости, повышенная смертность в период пандемии Covid-19, сокращение и переориентация потоков трудовой миграции в условиях полного или частичного закрытия границ стран в пандемийный период, релокация специалистов ИКТ-сектора в условиях санкционных ограничений для российских и белорусских компаний и отток молодого мужского населения из России, вызванного мобилизацией в рамках Специальной военной операции (СВО). Все это привело к сокращению численности населе-

ния России, общая численность постоянного населения которой на 01.01.2023 составила 146,4 млн чел¹. Несмотря на негативные тенденции в миграции и демографии, Россия, бесспорно, является ядром евразийской интеграции по численности населения, на ее долю приходится около 80% всего населения ЕАЭС; вторым, но гораздо меньшим по численности, государством ЕАЭС является Казахстан (его общая численность постоянного населения на начало 2023 г. составляла 19,8 млн чел.). А оставшиеся три страны (Армения, Беларусь и Кыргызстан) вместе составляют лишь 10% от общего населения ЕАЭС.

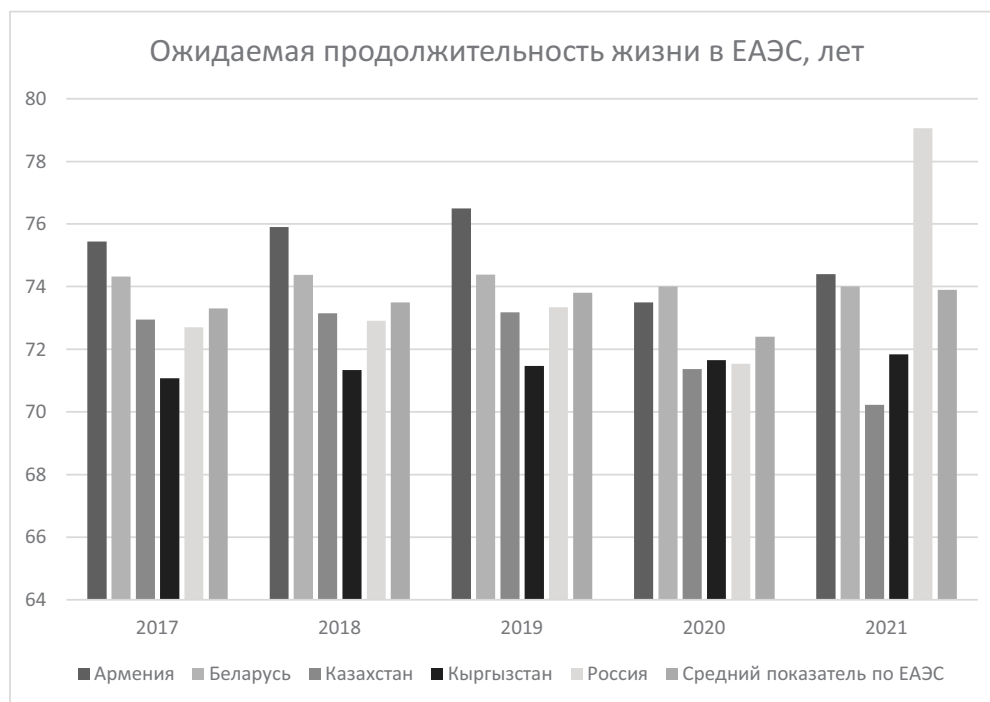

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни

Fig. 1. Life expectancy

Источник: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf

Беларусь, к сожалению, остается страной, население которой сокращается год от года: на 01.01.2022 население Беларуси составляло 9,25 млн чел., что на 3,59% меньше, чем в начале 2005 г. Причины сокращения населения в Беларуси во многом созвучны с евразийскими, с тем лишь отличием, что отток населения, начиная с 2020 г., был связан с активной релокацией белорусских специалистов из-за введения экономических санкций против Беларуси и ее компаний.

С увеличением продолжительности жизни появляется сопутствующая проблема — старение населения мира. Если в 2006 г. население в возрасте 65 лет и старше составляло около 500 млн чел., то к 2030 г. это количество по прогнозам возрастет до 1 млрд (каждый восьмой житель Земли). Рост продолжительности жизни населения является как результатом достигнутого благополучия, так и вызовом для отдельных стран и мировой экономики в целом. Большая продолжительность жизни может сопровождаться более высокими затратами на поддержание здоровья, повышением государственных расходов на помощь пожилым людям, борьбой с хроническими заболеваниями и увеличением инвалидности по возрасту. Безусловно, странам необходимо адаптироваться к новой демографической реальности. Финансовая подготовка к более долгой жизни и поиск способов снижения инвалидности, связанной со

¹ Данные Росстата. 2023 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 28.08.2023).

старением, должны становиться национальными и мировыми приоритетами. Для отдельных стран следует принимать во внимание период, в который произойдет старение населения. Если для развитых стран этот период занял несколько столетий и сопровождался периодом стабильного экономического роста, то для развивающихся стран происходит так называемое сжатие старения до одного поколения без опоры на экономический рост. Поэтому развивающимся странам следует готовиться к новым демографическим условиям, возможно, еще до достижения определенного экономического благополучия.

По возрастной структуре населения Россия, Беларусь и Армения являются странами с высокой долей «возрастного» населения и низкой долей несовершеннолетних, что свидетельствует об устойчивом эффекте «старения» населения. В то же время Казахстан и Кыргызстан принадлежат к группе стран с высокой долей несовершеннолетних, что может частично компенсировать в ЕАЭС проблему эффекта «старения» населения. Это лишний раз доказывает необходимость расширения интеграционных полномочий на социальную сферу. Ведь без тщательной подготовки стран к последствиям данного эффекта может произойти снижение экономического потенциала стран ЕАЭС, рост демографического давления на трудоспособное население, снижение качества человеческого потенциала и многое другое.

Уровень развития здравоохранения в Беларуси выше, чем в большинстве стран ЕАЭС. Например, в 2020 г. государственные расходы на здравоохранение в процентах от ВВП составили 5,3, что стало самым высоким показателем как среди других стран — членов ЕАЭС (Армения — 2,4, Казахстан — 2,8, Кыргызстан — 2,9, Россия — 4,6), так и в последние пять лет. В Беларуси основной целью национальной политики в области здравоохранения является создание условий, при которых каждый человек может реализовать свое право на охрану здоровья на основе государственных гарантий. Белорусское здравоохранение добилось значительного прогресса в достижении Целей устойчивого развития и реализации принципа всеобщего охвата услугами здравоохранения — принципа политики «Здоровье для всех».

Из 24 показателей Целей устойчивого развития, отслеживаемых Министерством здравоохранения в 2020 г., 19 (почти 80%) демонстрируют устойчивую положительную динамику. Беларусь занимает 25-е место среди стран с наиболее благоприятными условиями для материнства и входит в число 50 лучших стран в мире по ведению беременности и родовспоможению, а опыт Беларуси по вакцинации против гриппа был рекомендован Всемирной организацией здравоохранения для использования другими государствами ЕАЭС.

Образовательный потенциал

С начала 1990-х гг. формирование и развитие образовательного потенциала на постсоветском пространстве происходило в сложных условиях. Несмотря на высокое качество советской системы образования и ее мировое признание, процесс реформ образования затронул все постсоветские страны. Большинство изменений произошло в рамках перехода национальных систем образования на требования и условия Болонской системы. Болонская система в отличие от советской, с одной стороны, привела к «упрощению» и «сокращению» сроков подготовки специалиста, а с другой стороны, предполагала использование индивидуальных траекторий обучения и реализацию академической мобильности, которая на сегодняшний день в значительной степени реализована в большинстве постсоветских стран. В период реформ в Беларуси были изменены названия учебных заведений, разработаны новые образовательные стандарты с четкими прописанными компетенциями, изменена продолжительность обучения в университетах и колледжах и многое другое. В целом реформы образования на евразийском пространстве имели как положительные, так и отрицательные последствия. Важным положительным итогом реформ и развития является то, что образование в странах ЕАЭС удалось сохранить на очень высоком уровне, о чем свидетельствует ИЧР.

В целом страны ЕАЭС еще со времен СНГ демонстрируют готовность создавать условия для беспрепятственного формирования и развития образовательного потенциала. Например, в Беларуси граждане Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана имеют право поступать в высшие учебные заведения на тех же условиях, что и граждане Беларуси (по результатам сдачи централизованного тестирования на

бюджетную или на платную форму обучения). При этом они могут выбирать вариант поступления в вузы: или равные условия с белорусскими гражданами, или как иностранные граждане по результатам собеседования, но в этом варианте только на платную форму.

Евразийский экономический союз сфокусирован на экономических интересах, но в последнее время приходит осознание того, что необходимо расширять области интеграционного сотрудничества. В тексте Стратегии ЕАЭС – 2025 нашли свое отражение два положения, которые могут положительно повлиять на формирование и развитие образовательного потенциала, а именно «активизация и наращивание научно-технического потенциала Союза», а также «прекращение оттока трудовых ресурсов за пределы Союза»¹. Россия, Казахстан и Беларусь имеют схожие показатели по качеству и продолжительности обучения, что может сделать образовательные проекты между ними более эффективными. Однако потенциал взаимодействия всех без исключения государств — членов ЕАЭС в образовательной сфере также очень большой.

Трудовой потенциал

Трудовой потенциал является функциональной формой человеческого потенциала, свидетельствует о возможностях реализации накопленного человеческого потенциала (качественных форм) и имеет важнейшее значение для воспроизводства человеческого потенциала. Он может быть реализован на национальном рынке труда, но ограниченность рынка и специализация национальной экономики могут ограничить его реализацию. Лучшим способом реализации трудового потенциала является открытость национальной экономики и высокая трудовая мобильность на региональном или международном рынке труда.

Создание общего рынка труда свидетельствует об углублении процессов экономической интеграции. В условиях возрастания роли социального аспекта интеграции происходит сопряжение социальных политик государств, обладающих особым социальным опытом и национальными традициями. Евразийская интеграция может стать местом успешного совмещения и преобразования национальных различий в социальной политике государств-членов.

Здесь следует отметить взаимовлияние реализации трудового потенциала на развитие рынка труда, а также развития рынка труда на реализацию и развитие трудового потенциала. Эти процессы тесно связаны между собой. При неполной реализации трудового потенциала активизируются процессы трудовой миграции. Если трудовой потенциал недоиспользован в рамках национальной экономики, он ищет выход на внешние рынки труда.

В странах ЕАЭС сокращение населения и эффект «старения» населения приводит к непосредственному снижению прироста трудовых ресурсов, что, в свою очередь, ведет к возможной деградации трудового потенциала, снижению экономического значения и геополитического потенциала целого региона. В странах ЕАЭС преобладает экономически активное население. За отчетный период численность экономически активного населения стран ЕАЭС мало изменилась. В 2021 г. численность трудоспособного населения уменьшилась лишь на 1% по сравнению с максимальным значением данного показателя в 2016 г. и составила 93,6 млн чел. Состав работающего населения по отраслям во всех государствах — членах ЕАЭС характеризуется более высокой долей занятых в сфере услуг, особенно в оптовой и розничной торговле.

Еще одним важным показателем рынка труда, который можно использовать для оценки недоиспользования человеческого потенциала, является уровень безработицы. Уровень безработицы существенно отличается по странам ЕАЭС. Если в 2020 г. уровень безработицы по методике Международной организации труда (МОТ) по ЕАЭС был равен 6,0%, в 2021 г. снизился до 4,5%, то в 2022 г. стал еще ниже — 4%. Самый низкий показатель безработицы в 2022 г. отмечен в Беларуси — 3,6%. У России и Казахстана показатель уровня безработицы был 3,7% и 4,8% соответственно. В Кыргызстане уровень безработицы

¹ Решение Высшего евразийского экономического совета о Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 20.07.2023).

укрепился на отметке 5,8%. Самый высокий уровень безработицы сохранился в 2022 г. в Армении — 12,7% (см. рис. 2). В настоящий момент положительная динамика во многом объясняется оживлением экономики после пандемии Covid-19¹.

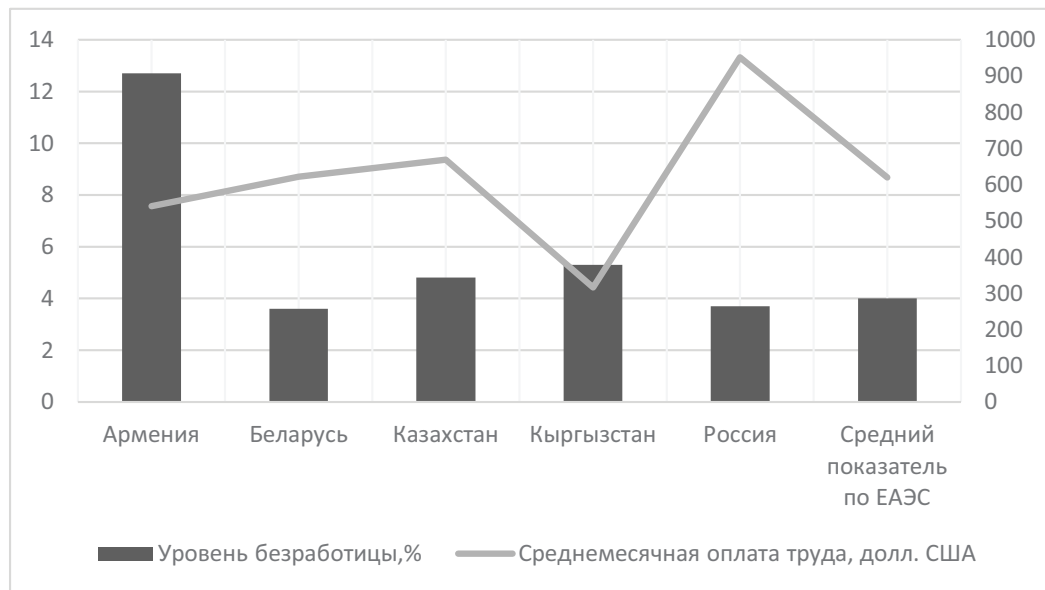

Рис. 2. Уровень безработицы и среднемесячная заработная плата в ЕАЭС

Fig. 2. Unemployment rate and average monthly wage in EAEU

Источник: Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь — декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Bulletin_SDI/SDI%202022_12.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

Трудовой потенциал может иметь наибольшую реализацию в условиях роста и справедливого распределения доходов, а также адекватного компетенциям сотрудника уровня оплаты труда. По данным ЕЭК, за последнее десятилетие в уровне среднемесячной заработной платы в странах ЕАЭС наблюдались противоположные тренды: в период 2010–2013 гг. в целом динамика была положительная, за период 2014–2016 гг. — отрицательная, 2017–2019 гг. — положительная, 2020 г. — отрицательная, 2021–2022 гг. — положительная. При этом устойчиво сохраняется разница в оплате труда между странами — членами ЕАЭС: разрыв между самой высокой зарплатой (Россия — 952 долл. США) и самой низкой зарплатой (Кыргызстан — 316 долл. США) составляет почти трехкратное значение. Что касается минимальной оплаты труда, то, по последним данным ЕЭК за 2022 г., самая высокая в ЕАЭС — в России (234 долл.), за ней следуют Армения (224 долл.) и Беларусь (189 долл.), Казахстан (128 долл.). Самая низкая минимальная заработная плата зафиксирована в Кыргызстане с окладом в размере 26 долл. США, что ниже, чем в вышеперечисленных странах (см. рис. 2).

Прожиточный минимум во всех странах ЕАЭС, кроме Армении, регулируется на законодательном уровне, состав потребительской корзины разрабатывается и утверждается соответствующими государственными органами стран ЕАЭС с учетом климатических различий, национальных традиций и других характеристик. Между евразийскими странами существует разрыв по величине этого показателя: на конец 2022 г. в России прожиточный минимум на душу населения в месяц составлял 207 долл. США — максимальное значение, а в Кыргызстане — 74 долл. США, что почти в три раза меньше, чем в России.

Для решения проблем, связанных с развитием и реализацией трудового потенциала с учетом его оптимального перераспределения на национальном уровне, могут быть приняты и реализованы го-

¹ Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь — декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Bulletin_SDI/SDI%202022_12.pdf (дата обращения: 28.08.2023).

сударственные программы по улучшению реализации трудового потенциала. Например, в Беларуси была принята Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 гг. Программа направлена на содействие производительной занятости, развитию ее новых форм и инклюзивности. Реализация Государственной программы способствует достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, в том числе Цели 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех»¹.

Уровень развития и возможности реализации трудового потенциала позволяют судить о перспективах социально-экономического развития отдельной страны и интеграционного объединения в целом. В условиях экономического кризиса, санкционного давления и др. проблемы, связанные с реализацией трудового потенциала, многократно возрастают.

Таким образом, человеческий потенциал ЕАЭС в целом характеризуется высоким уровнем и, по большей мере, положительной динамикой развития. Среди основных дестабилизирующих факторов, формирующих основные риски для развития человеческого потенциала, следует выделить:

- старение населения, невысокий уровень продолжительности здоровой жизни, что может привести к устойчивой депопуляции населения (риск депопуляции);
- пандемия Covid-19 и риск возникновения и распространения новых вирусов (пандемийный риск);
- невысокий уровень реализации образовательного потенциала и барьеры на пути перехода его на более высокий качественный уровень (научный, творческий, инновационный и т. д.) (риск невостребованности образования);
- недоиспользование трудового потенциала (дефицит специалистов востребованных профессий, дисбалансы миграционных потоков) (риск дефицита / диспропорции трудовых ресурсов);
- экономические санкции в отношении России и Беларуси и необходимость адаптации к новым экономическим условиям (санкционный риск);
- сохранение намерения стран продолжить достижение ЦУР согласно Повестке-2030 в изменившихся условиях, что потребует больше усилий (материальных и финансовых) со стороны государства и хозяйствующих субъектов (риск роста расходов на ЦУР).

С целью сохранения устойчивого характера социально-экономического развития стран в рамках интеграции необходимо создать благоприятные условия для воспроизводства человеческого потенциала. Среди основных мер, которые помогут минимизировать вышеперечисленные риски, важно отметить: расширение взаимодействия в рамках ЕАЭС на социальную сферу, в том числе на развитие человеческого потенциала; пропаганда финансовой подготовки к более долгой жизни и на всех уровнях осуществление поиска способов снижения инвалидности, связанной со старением; создание общего информационного ресурса по предупреждению эпидемий и распространения вирусов с целью сохранения потенциала здоровья; формирование единой базы данных о возможностях трудоустройства выпускников профильных вузов и лицеев на пространстве стран ЕАЭС (реализация образовательного потенциала в карьере); разработка цифровой платформы для общения, реагирования и т. д. работодателей и потенциальных работников стран ЕАЭС; реализация методов, унифицирующих специальности и квалификации евразийской системы (реализация трудового потенциала); объединение усилий по развитию отраслей экономики (производственная кооперация, совместные предприятия, электронная площадка по обмену информации и облегчению поиска производимых товаров и услуг), наиболее пострадавших от введения санкций со стороны «недружественных» стран и др. Данные меры призваны существенно повлиять на возможности развития человеческого потенциала и могут быть представлены в виде конкретных рекомендаций с направлением в ЕЭК.

¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Государственной программе “Рынок труда и содействие занятости” на 2021–2025 годы» № 777 от 30 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/GP-employment-2021-2025-2.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

Заключение

Современные условия диктуют необходимость пересмотра подходов к стратегии развития ЕАЭС и взаимодействия государств-членов в нем с учетом достигнутого уровня развития и существующих национальных условий для реализации человеческого потенциала. Важно осознать, что экономические цели интеграции трудно достижимы без грамотного использования преимуществ реализации человеческого потенциала. Пока же для отдельных форм человеческого потенциала ЕАЭС характерно разбалансированное развитие по отдельным государствам-членам, поэтому разработка единого подхода в отношении человеческого потенциала в рамках ЕАЭС позволит синхронизировать процессы его развития и реализации и придать дополнительный импульс развитию евразийской интеграции.

Литература

1. Глазьев С. Ю., Воронов А. С., Леонтьева Л. С. [и др.] О формировании человеческого капитала на разных этапах социально-экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 140–170. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10096
2. Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. М. : ООО «ВИКОР МЕДИА», 2013. 240 с.
3. Гринберг Р. С., Пылин А. Г. Евразийский экономический союз. Основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 340–351. EDN: SGBXOM. DOI: 10.17059/2020-2-1
4. Мясникович М. В. Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции. Минск : Беларуская навука, 2017. 278 с.
5. Мясникович М. В. Практические вопросы евразийской экономической интеграции. Минск : Беларуская навука, 2021. 294 с.
6. Мясникович М., Ковалев В. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии // Наука и инновации. 2021. № 1. С. 4–11. EDN: RWBBRM. DOI: 10.29235/1818-9857-2021-1-4-11
7. Федорова М. Н. Развитие человеческого потенциала в России: сложившиеся тенденции и новые вызовы // Общество и экономика. 2023. № 4. С. 5–20. EDN: VOPCXZ. DOI: 10.31857/S020736760025152-6
8. Юрова Н. В. Человеческое измерение международных экономических отношений. Минск : БГУ, 2023. 207 с.
9. Pandey T. D. Impact of Financial Inclusion on Human Development Index: Special Reference to BRICS Countries // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 209–223. DOI: 10.3897/brics-econ.4.e96288
10. Sami Ullah, Tomiwa Sunday Adebayo, Muhammad Irfan, Shujaat Abbas. Environmental quality and energy transition prospects for G-7 economies: the prominence of environment-related ICT innovations, financial and human development // Journal of Environmental Management, 2023. Vol. 342. DOI: 10.1016/j.jenvman.2023.118120
11. Yixin Zhang, Zhijie Wu. Environmental performance and human development for sustainability: Towards to a new Environmental Human Index // Science of The Total Environment. 2022. Vol. 838. Part 4. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2022.156491

Об авторе:

Юрова Наталья Вячеславовна, заведующий кафедрой международных экономических отношений Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: yurova@bsu.by; ORCID: 0000-0002-7714-231X

References

1. Glazyev S. Yu., Voronov A. S., Leontieva L. S. [et al.] On the Formation of Human Capital at Different Stages of Socio-Economic Development // Public Administration. E-journal (Russia) [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2020. No. 82. P. 140–170. (In Rus.) DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10096
2. Glazyev S. Yu., Chushkin V. I., Tkachuk S. P. The European Union and the Eurasian Economic Community: Similarities and Differences in Integration Construction Processes. Moscow : LLC “VIKOR MEDIA”, 2013. 240 p. (In Rus.)
3. Grinberg R. S., Pylin A. G. Eurasian Economic Union: Main Development Trends amid Global Uncertainty // Economy of Region [Ekonomika regiona]. 2020. V. 16. No. 2. P. 340–351. (In Rus.) EDN: SGBXOM. DOI: 10.17059/2020-2-1
4. Myasnikov M. V. Actual Agenda for the Development of the Belarusian Economy in the Conditions of Integration. Minsk : Belarus Navuka, 2017. 278 p. (In Rus.)
5. Myasnikov M. V. Practical Issues of Eurasian Economic Integration. Minsk : Belarusskaya Navuka, 2021. 294 p. (In Rus.)
6. Myasnikov M., Kovalev V. EAEU 2025 Mission: Regional Center for Economic Development and Support of Greater Eurasia // The Science and Innovations [Nauka i innovatsii]. 2021. No. 1. P. 4–11. (In Rus.) EDN: RWBBRM. DOI: 10.29235/1818-9857-2021-1-4-11
7. Fedorova M. N. The Development of the Human Potential in Russia: Established Trends and New Challenges // Society and Economics [Obshchestvo i ekonomika]. 2023. No. 4. P. 5–20. (In Rus.) EDN: VOPCXZ. DOI: 10.31857/S020736760025152-6
8. Yurova N. V. Human Dimension of International Economic Relations. (In Rus.) Minsk : BGU, 2023. 207 p.
9. Pandey T. D. Impact of Financial Inclusion on Human Development Index: Special Reference to BRICS Countries // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 209–223. DOI: 10.3897/brics-econ.4.e96288
10. Sami Ullah, Tomiwa Sunday Adebayo, Muhammad Irfan, Shujaat Abbas. Environmental Quality and Energy Transition Prospects for G-7 Economies: the Prominence of Environment-related ICT Innovations, Financial and Human Development // Journal of Environmental Management, 2023. Vol. 342. DOI: 10.1016/j.jenvman.2023.118120
11. Yixin Zhang, Zhijie Wu. Environmental Performance and Human Development for Sustainability: Towards to a New Environmental Human Index // Science of the Total Environment. 2022. Vol. 838. Part 4. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2022.156491

About the author:

Natalia V. Yurova, Head of department of international economic relations of Belarussian State University (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Economics, Associate professor;
e-mail: yurova@bsu.by; ORCID: 0000-0002-7714-231X

Таможенный контроль в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительный анализ

Кириленко В. П.^{*}, Абрамова Т. А.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

^{*} e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

РЕФЕРАТ

Исследование института таможенного контроля является частью международных интеграционных процессов. Под быстроменяющимися международными мировыми фактами международный товарооборот в одних направлениях сокращается, а в других увеличивается, что влияет на экономику всех стран, на их соответствие современным тенденциям. Частью всех этих процессов является таможенный контроль, который представляет собой один из видов контроля на государственной границе, требуя обеспечения национальной безопасности государств. В статье сравнивается институт таможенного контроля в ЕАЭС и ЕС. На этой основе проводится сравнение по ряду критериев и ключевых особенностей, в том числе исследованию подлежит правовой режим товаров, находящихся под таможенным контролем. Анализу подвергаются все этапы от начала до завершения. Комментариям подвергается общая компетенция таможенных органов в области таможенного контроля. Изучая законодательство о таможенном регулировании ЕАЭС и ЕС, анализируются обстоятельства нахождения товаров под таможенным контролем. В результате сравнения института таможенного контроля в ЕАЭС и ЕС были выявлены как схожие, так и различные черты. Сравнение показало смешанную картину, так как два объединения находятся на различных стадиях политического и экономического развития, а также характеризуются различными историческими и географическими особенностями.

Цель. Исследование основных критериев института таможенного контроля в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и Европейском союзе (ЕС).

Задачи. Характеристика экономических союзов ЕАЭС и ЕС, а также изучение форм таможенного контроля в ЕАЭС и раскрытие проведения таможенного контроля в ЕС.

Методология. Сравнительно-правовой анализ международного, наднационального и таможенного права, а также изучение и анализ научно-популярной литературы, описание и обобщение материала в процессе исследования.

Результаты. Защита безопасности государства напрямую связана с экономической деятельностью, а именно с постоянно протекающими и нарастающими темпами международной торговли. Государства, объединяясь в союзы, формируют единое правовое поле, в котором создают нормативно-правовую базу. ЕС ввел институт таможенного контроля ранее ЕАЭС, так как ЕАЭС при создании законодательства регулирования таможенной области опирался на европейский опыт. С учетом этого данный институт имеет схожие цели и элементы назначения его проведения.

Выводы. Активно развивающиеся интеграционные процессы приводят к увеличению мирового товарооборота и усилению контроля на межгосударственных границах. Каждое государство, а вместе с ним и союзы стремятся к безопасной и быстрой торговле. Такими инструментами становятся многие элементы, один из них таможенный контроль. Институт, который контролирует законность, безопасность и сотрудничество участников внешнеэкономической деятельности с таможенными органами.

Ключевые слова: интеграция, таможенный контроль, ЕАЭС, ЕС, Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, иностранные товары, таможенное регулирование, международная торговля

Для цитирования: Кириленко В. П., Абрамова Т. А. Таможенный контроль в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительный анализ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 92–100.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-92-100>

Customs Control in the Eurasian Economic Union and the European Union: the Comparative Analysis

Viktor P. Kirilenko*, **Tatyana A. Abramova**

North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation)

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

ABSTRACT

The study of the Institute of Customs Control is part of international integration processes. Under the rapidly changing international world facts, the international trade turnover in some directions is decreasing, and in others it is increasing at times, which affects the economy of all countries, their compliance with modern trends, part of all these processes is customs control, as one of the types of control at the state border, requiring the national security of states. The article compares the institute of customs control in the EAEU and the EU. On this basis, a comparison is made according to a number of criteria and key features. The legal regime of goods under customs control, its beginning, completion and correlation with other customs institutions are investigated. The general competence of customs authorities in the field of customs control is commented on. The circumstances of the goods being under customs control in accordance with the legislation of the EAEU and the EU on customs regulation are analyzed. As a result of comparing the institute of customs control in the EAEU and the EU, both similar and different features were identified. The comparison showed a mixed picture, since the two associations are at different stages of political and economic development, and are also characterized by different historical and geographical features.

Aim. Study of the main criteria of the Customs Control Institute in the Eurasian Economic Union and the European Union.

Tasks. Characteristics of the economic unions of the EAEU and the EU, as well as the study of forms of customs control in the EAEU and disclosure of customs control in the EU.

Methods. Comparative legal analysis of international, supranational and customs law, as well as the study and analysis of popular science literature, description and generalization of the material in the process of research.

Results. The protection of the security of the State is directly related to economic activity, namely, with the constantly flowing and increasing pace of international trade. States, uniting in unions, form a single legal field in which they create a regulatory framework. The EU introduced the institute of customs control earlier than the EAEU, since the EAEU relied on European experience when creating legislation regulating the customs area. With this in mind, this institute has similar goals and elements of the purpose of its conduct and holding.

Conclusion. Actively developing integration processes lead to an increase in world trade turnover and increased control at interstate borders. Every state, and with it the unions, strive for safe and fast trade. Many elements become such tools, one of them is customs control. An institution that

controls the legality, security and mutual cooperation of customs authorities and participants in foreign economic activity.

Keywords: integration, customs control, EAEU, EU, International convention on the simplification and harmonization of customs procedures, foreign goods, customs regulation, international trade

For citing: Kirilenko V. P., Abramova T. A. Customs Control in the Eurasian Economic Union and the European Union: the Comparative Analysis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 92–100. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-92-100>

Введение

В системе мировых хозяйственных связей на особом месте стоит международная торговля. В наше современное время, когда зарождаются и стремительно развиваются иностранное инвестирование, процессы региональной экономической интеграции, мировая кооперация производства, международной торговле до сих пор уделяется высокий уровень внимания, образуя для более трудных и более опытных форм внешнеэкономической деятельности важные истоки.

Торговля на мировом рынке заключается в специфической форме обмена результатами деятельности между покупателями и продавцами всех государств мира, являющейся первоначальным видом мировых хозяйственных связей.

На разных этапах времени, между разными государствами складываются торговые отношения, которые формируются исходя из положения развитости страны, предлагаемого товара, географического положения и других политических и национальных факторов.

Курс на упрощение международной торговли и ускорение прохождения границы уже давно внедряется государствами во всем мире. В результате чего у государства появляется вопрос о том, чтобы международное движение товаров осуществлялось безопасно. Из чего следует, что данный вопрос встает в первоочередное направление в деятельности таможенных органов государств, которые участвуют в мировой торговле, и в результате чего выступает основным условием для поддержания текущего уровня экономического благосостояния государств и его развития в будущем.

В текущих условиях нынешний глобальный мир вынуждает таможенные службы ставить в приоритет задачу, которая настаивает на незамедлительном решении. Во-первых, это способствует развитию внешнеторговой деятельности с использованием упрощений и унификаций таможенного администрирования, во-вторых, сохранению обеспечения национальной безопасности государства на наивысшем уровне, что напрямую связано с беспрекословным соблюдением таможенного законодательства.

Международная торговля с каждым годом развивается максимально быстрыми темпами, что требует соответствия государств мировым стандартам. На своем пути товары проходят большой путь от производства до потребителя через государственные границы многих государств, в связи с чем формируется потребность разного вида контроля на границе [4, с. 252].

Каждая международная торговая сделка проходит этап пересечения границы, который влечет за собой ряд оформления таможенных документов, а также таможенный контроль.

Мировая торговля открывает большие национальные и международные перспективы по развитию страны. Развитие международной торговли позволяет формировать бюджеты и выстраивать национальную безопасность страны, а также повышать уровень национальной экономики. В результате чего безопасное налаживание таких объемов товарооборота стоит в ведении государственного таможенного контроля. На основании того, что торговля с другими странами для государства была значима в формировании развития экономики страны, развитие мировой торговли для государства всегда стоит приоритетной задачей.

В связи с чем данная тема является актуальной, так как она связана с уменьшением таможенных рисков в нынешних реалиях, в которых мировые торговые поставки являются притяжением террориз-

ма и контрабанды. Так сформировалась необходимость в совершенствовании безопасности международной торговли, что привело к сотрудничеству государств на уровне создания союзов.

Стремительное развитие жизни вперед способствует появлению новых форм работы, новых форм торговли, таких как, например, интернет-торговля, развитие почтовой связи. Наличие различных моментов, которые требовали новелл в таможенном законодательстве, развивается.

Всемирной торговой организацией и Всемирной таможенной организацией поставлены общие задачи развития таможенного законодательства: максимально снимать административный барьер при совершении экономической деятельности, способствовать развитию внешнеэкономической деятельности и ускорять процессы таможенного контроля.

Интеграция Евразийского экономического союза

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) является международной организацией региональной экономической интеграции. ЕАЭС обладает международной правосубъектностью. ЕАЭС был создан и учрежден Договором о Евразийском экономическом союзе на базе Таможенного союза (далее — ТС), который был подписан 29 мая 2014 г. и вступил в силу 1 января 2015 г. ЕАЭС — это новое экономическое объединение на основе международной интеграции.

В основе идеи создания ЕАЭС лежит обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Государства — члены ЕАЭС положили в основу создания союза проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. ЕАЭС образуют пять самостоятельных и независимых государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация (далее — РФ). Целью создания ЕАЭС были: всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик, создание оптимальных условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов¹.

Европейский союз (далее — ЕС) является одним из крупнейших торговых партнеров ЕАЭС. ЕС — это группа из 27 европейских стран, действующих как единый экономико-политический блок, созданный Маастрихтским договором 1992 г., который вступил в силу 1 ноября 1993 г., на основе Европейского экономического сообщества, и нацелен на региональную интеграцию, для обеспечения так называемых четырех свобод: передвижения товаров, услуг, людей и денег.

Таможенный контроль в ЕАЭС

Перемещение товаров через таможенную границу, проведение таможенных операций и околотамуженная инфраструктура неразрывно связаны Таможенным кодексом (далее — ТК) и обеспечением его реализации².

В ТК ЕАЭС, подписанным в Москве 11 апреля 2017 г., в «Договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» таможенный контроль перенес значимые изменения и сейчас реализуется в новом для себя пространстве — Евразийского экономического союза с 1 января 2018 г.

В п. 41 ст. 2 ТК ЕАЭС дано определение ТК, под которым понимают совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании³.

¹ Евразийский экономический союз // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-info> (дата обращения: 09.06.2020).

² Покровская В. В. Таможенное дело. В 2 ч. Часть 2 : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. С. 160.

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Вступил в силу 01.01.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 09.06.2023).

ТК входит в систему государственного контроля, а также является самостоятельным институтом таможенной политики и экономики. Стратегия развития ТК формируется при двух факторах. Во-первых, его влияние осуществляет внешнеэкономическая политика государства, которая зависит от выполнения международных обязательств России. Во-вторых, формирование ТК строится с учетом интересов государства, что отражается в защите национального суверенитета и экономической безопасности государства.

ТК носит последовательный характер. Законодательством ЕАЭС и входящих в него государств в области таможенного дела установлены таможенные процедуры. Таможенные органы при помощи комплекса мер и организационных мероприятий ТК следят за недопущением нарушений таможенных процедур при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу [1, с. 4].

Выявление фактов правонарушений при таможенном оформлении и несоответствия проведенных таможенных операций и действий заложено в цель механизма таможенного контроля. Используя принцип выборочности, таможенные органы проводят проверки различного рода для достижения этих целей. В процессе проведения проверок используются только те формы ТК, при помощи которых достигается достаточно полное обеспечение соблюдения норм таможенного законодательства ЕАЭС и стран — членов союза.

Правовое регулирование ТК, существующее в условиях ЕАЭС, состоит из двух уровней: наднациональный («Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (посл. ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) и национальный (в Российской Федерации — Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018) [5, с. 90].

Направление деятельности должностного лица таможенного органа, включающее применение определенных методов, средств и способов в целях проверки соблюдения субъектами внешнеторговой деятельности положений таможенного законодательства ЕАЭС, называется формой ТК [2, с. 52].

В ТК ЕАЭС зафиксированы фундаментальные положения о ТК и его определение. В соответствии со ст. 310 ТК ЕАЭС таможенными органами для обеспечения соблюдения законодательства проводится ТК в отношении объектов таможенного контроля с применением форм ТК и (или) мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля.

В ТК ЕАЭС разработано семь форм ТК для проведения таможенного контроля должностными лицами таможенных органов, к которым относятся:

- получение объяснений (получение таможенными органами необходимых сведений от перевозчика, декларанта и иных заинтересованных лиц);
- проверка таможенных, иных документов и (или) сведений (проверка декларации на товары и документов и сведений, необходимых для заполнения декларации);
- таможенный осмотр (проведение визуального осмотра с возможным применением технических средств таможенного контроля без вскрытия товаров, транспортных средств, багажа, контейнеров, средств идентификации);
- таможенный досмотр (осмотр с применением технических средств ТК товаров, транспортных средств, грузовых помещений, мест перевозки товаров со вскрытием и снятием средств идентификации);
- личный таможенный досмотр (проводится только в отношении физических лиц с письменного разрешения начальника таможенного органа);
- таможенный осмотр помещений и территорий (визуальный осмотр помещений и территорий, а также находящихся в указанных местах товаров и (или) документов);
- таможенная проверка (единственная форма ТК, которая проводится в виде камеральной или выездной таможенной проверки после выпуска товара, направленная на сопоставление информации и сведений, предоставляемых участниками внешнеэкономической деятельности в декларации на товары и документах, необходимых для заполнения декларации с документами бухгалтерского учета и отчетности со счетами)¹.

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Вступил в силу 01.01.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 09.06.2023).

Таможенный кодекс ЕС

В ЕС, созданный в 1968 г., входит 27 государств, которые образуют единую таможенную территорию с отсутствием таможенных барьеров и установленным единым таможенным тарифом на импортируемые товары, поскольку союз строится на принципе свободного перемещения услуг, капитала и товаров. Таможенный союз ЕС создает благоприятное пространство для упрощения торговли компаний ЕС¹.

Везенный товар без дополнительных мер таможенного контроля выпускается в свободное обращение на всю территорию ЕС, только когда произведена оплата таможенных сборов и проведена установленная для импорта проверка соответствия.

Таможенный кодекс Европейского сообщества (далее — ТК ЕС) был утвержден Регламентом Совета (ЕЭС) № 952/2013, а также Регламентом Комиссии (ЕЭС) № 2015/2447. В кодексе зафиксированы основные правила регулирования работы таможенных органов, установлены положения его применения и нормы торговли с зарубежными странами [3, с. 48].

Процесс цифровизации захватывает нашу жизнь, проникая практически во все сферы жизнеобеспечения, но стоит отметить, что и рабочие государственные направления в числе первых начинают использовать электронные нововведения. Электронная среда забирается во все государственные органы и структуры, в том числе дошла и до таможни. ЕС представил проект электронной таможни, который планирует полностью реализовать к середине 2025 г.

Данную программу Таможенный союз ЕС считает эпохальной в своем развитии и развитии таможенного дела. ЕС создает более эффективную и современную таможенную среду путем полной замены бумажных таможенных процедур на электронные. Насколько колоссален масштаб данной программы, можно пока только представлять, но можно смело говорить, что видимые результаты будут ощущаться не только в таможне, но и в околотаможенных сферах. Данный проект преследует две цели: усиление безопасности на внешних границах ЕС и облегчение торговли. Проект активно ведется и разрабатывается с конца 2019 г., с момента принятия Европейской комиссией Рабочей программы: Решение Комиссии о выполнении (ЕС) 2019/2151 от 13 декабря 2019 г. Некоторые системы находятся на стадии разработки ЕС, некоторые — на национальном уровне. Программа находится под полным контролем и ежегодно выпускает отчет о проделанной работе.

Внутри проекта разрабатывается ряд систем, и на данный момент уже активно тестируется 17 из них: система зарегистрированных экспортеров, таможенные решения, информация об обязательных тарифах, модернизация уполномоченных экономических операторов, прямой доступ трейдера к европейским информационным системам, модернизация системы регистрации и идентификации экономических операторов, информационные листы для специальных процедур, наблюдение, подтверждение статуса союза, модернизация новой компьютеризованной транзитной системы, автоматизированная система экспорта, специальные процедуры, уведомления о прибытии, о вручении и временное хранение, обновление национальных систем импорта, управление гарантиями, выпуск².

Описываемая программа определенно задаст новое направление развития таможенной деятельности, работы таможен и таможенных органов. Ее влияние со временем будут ощущать и другие государства, определенно будут наступать спорные моменты и сложности в работе. Насколько полный электронный документооборот комфортен для нашей страны, проверяется уже на протяжении пяти лет в Центрах электронного декларирования. Однако на такой кардинальный шаг, полный отказ от бумажного документооборота, государство еще не идет. Определенно стоит сказать, что все же должно пройти время и достаточное количество тестовых испытаний для плавного и комфортного перехода как для таможенных органов, так и для околотаможенной сферы. Но смело можно утверждать, что отказ от бумажного взаимодействия — это наше будущее.

¹ European union. Customs [Электронный ресурс] // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/priorities-and-actions/actions-topic/customs_en (дата обращения: 09.06.2023).

² E-customs in the EU [Электронный ресурс] // CustomsClear. 05.03.2023. URL: <https://www.customsclearance.net/en/articles/e-customs-in-the-eu> (дата обращения: 09.06.2023).

Таможенный контроль в ЕС

Согласно п. 13 ст. 4 ТК ЕС, Регламент Совета 2913/92, ТК — совокупность мероприятий таможенных органов, направленных на обеспечение соблюдения норм таможенного права, в частности предписаний, действующих в отношении товаров, находящихся под таможенным контролем¹.

Продукция, которая может быть угрозой для внутреннего рынка ЕС, не допускается на внутренний рынок таможенными органами на границе ЕС. ЕС определяет конкретные правовые рамки для контроля выпуска продукции на рынок ЕС и национальные обязательства таможенных стран ЕС.

Происходит непрерывная проверка информации в декларациях, инспекция товаров таможенными органами ЕС. Данные методы оказывают положительную динамику в работе таможенных органов, что позволяет эффективно фильтровать импортные потоки грузов, учитывая актуальные запреты и ограничения².

ТК в ЕС имеет свои особенности и построен следующим образом. Первоначально таможенные органы ЕС осуществляют проверку сопроводительных документов на ввоз товара. С помощью автоматизированной системы управления рисками таможенные органы ЕС осуществляют оценку таможенной декларации. Система управления рисками оценивает каждый из пунктов заполненной декларации на предмет рискованных ситуаций, комбинации которых заложены в различные группы проверки по критериям с возможными факторами риска.

ТК таможенными органами ЕС начинается с применения системы управления рисками в совокупности с выборочными проверками товаров.

Далее таможенные органы проверяют качество импортируемой продукции на соответствие установленным стандартам ЕС.

Контролю через границу подвергаются товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности. При обнаружении товаров с подозрением в нарушении таможенные органы приостанавливают их выпуск и уведомляют правообладателя или импортера³.

Также ТК борется с товарами и продуктами, которые могут являться опасными или вредными для здоровья потребителей. Они защищают животных и окружающую среду, борясь с незаконной торговлей видами, находящимися под угрозой исчезновения, и предотвращая болезни растений и животных.

Таможенные органы борются с торговлей людьми, наркотиками, оружием и контрафактными товарами и проверяют информацию, что путешественники с большими суммами наличных не отмывают деньги, не уклоняются от уплаты налогов и даже не финансируют преступные организации.

Государства — участники ЕС граничат со многими странами, а также осуществляют международную торговлю с неграничащими странами. В результате экономических операций ЕС налаживает отношения с другими странами путем установления своих норм торговли⁴.

Таким образом, меры, применяемые Европейским союзом на этапе таможенного контроля, являются высокоэффективными и препятствуют попаданию контрафактной и фальсифицированной продукции на единый европейский рынок.

Заключение

Интеграционные процессы диктуют новые и современные пути развития государств и межгосударственных союзов, в результате которых наблюдаются схожие черты. В таможенном законодательстве ЕС

¹ Таможенный кодекс Европейского сообщества. Регламент Совета 2913/92 от 01.01.1992 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/kodex_es/ (дата обращения: 09.06.2023).

² Наку А. А. Таможенное право ЕС : учебное пособие. М., 2020.

³ Анализ международной практики защиты внутреннего рынка от незаконного оборота промышленной продукции. Департамент промышленной политики. Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets (дата обращения: 09.06.2023).

⁴ Customs Regulations between Switzerland and the EU [Электронный ресурс] // Tax Technology Innovation Made for Europe. URL: <https://eclear.com/topic/customs-regulations-between-switzerland-and-the-eu/> (дата обращения: 09.06.2023).; *Ilze Jozepa*. New Customs Rules for Trade with the EU [Электронный ресурс] // UK Parliament. 07.09.2023. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/new-customs-rules-for-trade-with-the-eu/> (дата обращения: 07.09.2023).

и ЕАЭС прослеживается большое количество схожих черт в силу того, что у них наблюдается общая международно-правовая основа, а также что при разработке актов таможенного законодательства ЕАЭС был использован европейский опыт. В результате чего, благодаря стремительному развитию торговли между странами, институт таможенного контроля обеспечивает эффективное развитие как мировой экономики в целом, так и стран Всемирной таможенной организации (ВТамО).

Учитывая опыт ЕС применения в работе только ТК ЕС и проанализировав работу таможенного контроля в ЕС, можно говорить о целесообразности применения только наднационального законодательства. При эффективной работе наднационального законодательства снижается нагрузка на национальное законодательство, что делает работу сообщества более эффективной, слаженной и единообразной. Опираясь на данный опыт ЕС, стоит рассмотреть применения только таможенного кодекса ЕАЭС, так как национальные нормативно-правовые акты могут идти вразрез с наднациональным законодательством. Встает ряд вопросов: о необходимости и эффективности применения внутригосударственного законодательства каждым государством — участником ЕАЭС; стоит ли разрабатывать и совершенствовать национальное законодательство, либо же дополнить ТК ЕАЭС соответствующими положениями.

Данные вопросы являются острой и актуальной темой, поскольку на практике, а именно непосредственно при работе таможенного инспектора на таможенном посту, происходят спорные моменты по работе с оформляемыми товарами и нормативными требованиями к ним, поскольку положения двух нормативно-правовых актов отличаются по силе действия и обязательному и рекомендуемому характеру.

Литература

1. Агамагомедова С. А. Виды таможенного контроля: понятие и критерии классификации // Таможенное дело. 2018. № 2. С. 3–7. EDN: WHMBRZ
2. Липатова Н. Г. Экономическая сущность таможенного контроля в системе государственного контроля // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2014. № 6. С. 52–55. EDN: SFBULT
3. Макуев Р. Х. Современная таможенная система Европейского союза // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 4 (15). С. 46–50. EDN: TGNDPD
4. Романова М. Е. Опыт таможенного регулирования Европейского союза и интеграционные объединения на постсоветском пространстве // Правоведение. 2018. № 2 (337) С. 240–253. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.202. EDN: YNKACL
5. Халипов С. В. Таможенный контроль в праве Евразийского экономического союза и законодательстве Российской Федерации о таможенном регулировании // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 88–95. EDN: YXHJCP

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Абрамова Татьяна Андреевна, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), государственный таможенный инспектор отделения работы с акцизными марками Северо-Западного таможенного поста (специализированного) Центральной акцизной таможни;
e-mail: ATA1994@yandex.ru

References

1. Agamagomedova S. A. Types of Customs Control: Notion and Classification Criteria // Customs Affairs [Tamozhennoe delo]. 2018. No. 2. P. 3–7. (In Rus.) EDN: WHMBRZ

2. Lipatova N. G. Economic Essence of Customs Control in the System of State Control // Problems of Economics and Management of Oil and Gas Complex [Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom]. 2014. No. 6. P. 52–55. (In Rus.) EDN: SFBULT
3. Makuev R. H. Modern Customs System of the European Union // Journal of Public and Municipal Administration [Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2014. No. 4 (15). P. 46–50. (In Rus.) EDN: TGNDPD
4. Romanova M. E. European Union's Experience of Customs Regulation and Integration Associations in the Post-Soviet Area // Pravovedenie [Pravovedenie]. 2018. No. 2 (337) P. 40–253. (In Rus.) DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.202. EDN: YNKACL
5. Khalipov S. V. Customs Control in the Eurasian Economic Union and the Russian Federation // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2019. No. 1. P. 88–95. (In Rus.) EDN: YXHJCP

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Tatyana A. Abramova, Master Program Student of North-West institute of management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation); State customs inspector of the department of work with excise stamps of the North-Western customs post (specialized) of the Central Excise Customs;
e-mail: ATA1994@yandex.ru

Евразийская экономическая солидарность: обоснование с позиций судебной практики

Агамагомедова С. А.

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

РЕФЕРАТ

Цель. Целью исследования выступает обоснование понятия евразийской экономической солидарности в контексте практики суда Евразийского экономического союза.

Задачи. В качестве задач исследования выступают: выделение признака публичности в контексте экономической интеграции; анализ существующих научных и нормативных подходов к солидарности; обоснование евразийской экономической солидарности как принципа и ценности экономического взаимодействия, формируемых в том числе посредством судебной практики.

Методология. Используются методы: институционального анализа, сравнительного анализа, системного анализа — для обоснования признака публичности в контексте экономической интеграции, для характеристики евразийской экономической солидарности в качестве принципа и ценности экономического взаимодействия в рамках единого экономического пространства ЕАЭС, для выделения практики Суда ЕАЭС в качестве фактора формирования евразийской экономической солидарности. Был также использован метод формально-логического анализа — при уточнении понятий «солидарность» и «экономическая солидарность».

Результаты. Во-первых, деятельность Суда ЕАЭС отражает международный или интеграционный нормоконтроль, который выступает составной частью публичного контроля и надзора в условиях интеграции. В условиях экономической интеграции признак «публичности» применительно к контролю и надзору как базовым управленческим функциям закономерно дополняется интеграционным уровнем.

Во-вторых, наднациональные органы ЕАЭС, включая Суд ЕАЭС, способны формировать и обеспечивать экономическую солидарность в контексте евразийской интеграции.

В-третьих, евразийская экономическая солидарность рассматривается как принцип и ценность экономического взаимодействия в рамках единой экономической территории.

Выводы. Евразийская экономическая солидарность базируется на экономическом единении, но не обусловлена им. Она формируется в процессах интеграционного нормотворчества и правоприменения.

Евразийская экономическая солидарность тесно связана с иными видами солидарности: этнической, социальной и др.

Разрешение споров и толкование Судом ЕАЭС выступают в качестве средств формирования единых экономических позиций в рамках ЕАЭС.

У Суда ЕАЭС есть достаточный и не до конца реализованный потенциал влияния на развитие евразийской интеграции, в том числе посредством стимулирования развития евразийской экономической солидарности.

Равный доступ хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС к правосудию для защиты экономических прав выступает условием евразийской экономической солидарности.

Ключевые слова: солидарность, суд, интеграция, публичность, конституция, идентичность, споры

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Евразийская экономическая солидарность: обоснование с позиций судебной практики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 101–108.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-101-108>

Eurasian Economic Solidarity: Justification from the Standpoint of Judicial Practice

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to substantiate the concept of Eurasian economic solidarity in the context of the practice of the court of the Eurasian Economic Union.

Tasks. The objectives of the study are: highlighting the sign of publicity in the context of economic integration; analysis of existing scientific and normative approaches to solidarity; substantiation of Eurasian economic solidarity as a principle and value of economic interaction, formed, inter alia, through judicial practice.

Methods. The following methods were used: institutional analysis, comparative analysis, system analysis — to substantiate the sign of publicity in the context of economic integration, to characterize the Eurasian economic solidarity as a principle and value of economic interaction within the framework of the common economic space of the EAEU, to highlight the practice of the EAEU court as a factor in the formation of the Eurasian economic solidarity. The method of formal-logical analysis was also used — in clarifying the concepts of “solidarity” and “economic solidarity”.

Results. Firstly, the activity of the EAEU Court reflects international or integration normative control, which is an integral part of public control and supervision in the conditions of integration. In the context of economic integration, the sign of “publicity” in relation to control and supervision as basic management functions is naturally supplemented by an integration level.

Secondly, the supranational bodies of the EAEU, including the Court of the EAEU, are able to form and ensure economic solidarity in the context of Eurasian integration.

Thirdly, Eurasian economic solidarity is seen as the principle and value of economic interaction within the framework of a single economic territory.

Conclusions. Eurasian economic solidarity is based on economic unity, but is not conditioned by it. It is formed in the processes of integration rule-making and law enforcement.

Eurasian economic solidarity is closely connected with other types of solidarity: ethnic, social, etc.

Dispute resolution and interpretation by the EAEU Court act as a means of forming common economic positions within the EAEU.

The EAEU Court has a sufficient and not fully realized potential to influence the development of Eurasian integration, including by stimulating the development of Eurasian economic solidarity.

Equal access of economic entities of the EAEU member states to justice for the protection of economic rights is a condition for Eurasian economic solidarity.

Keywords: solidarity, court, integration, publicity, constitution, identity, disputes

For citing: Agamagomedova S. A. Eurasian Economic Solidarity: Justification from the Standpoint of Judicial Practice // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 101–108. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-101-108>

Введение

Процессы экономического единения на постсоветском пространстве связаны со множеством аспектов совместной и общей деятельности государств — участников Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз). При этом ученые справедливо подчеркивают, «что интеграционный процесс не ограничивается только экономической составляющей. Построение новой евразийской реальности сопровождается формированием евразийской идентичности и евразийской солидарности. Последние базируются на межэтническом согласии, которое достигается только при целенаправленном использовании соответствующих инструментов внутренней и внешней политики» [9, с. 172].

Вопросы солидарности, формирования и сохранения отдельных ее видов в современных условиях приобретают особую актуальность в свете последних конституционных преобразований в российском обществе. Полагаем, что в контексте участия России в евразийских интеграционных процессах имеет смысл говорить о солидарности на уровне интеграционного образования — евразийской экономической солидарности. С этих позиций солидарность бизнеса, граждан и публичной власти, включающей в себя органы государственного управления и иные государственные органы, органы местного самоуправления, дополняется аспектами солидаризации государств — членов ЕАЭС. Евразийский контекст «утяжеляет» солидарность, которую в контексте формирования и развития единого евразийского рынка товаров и услуг нельзя рассматривать исключительно с позиций национального регулирования. Процессы ее достижения и сохранения, обеспечения нормативным регулированием и правоприменением усложняются, в них задействовано большее количество субъектов, в том числе субъектов с публично-правовым статусом.

Одним из таких субъектов выступает Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС), который был создан в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор о ЕАЭС) как постоянно действующий судебный орган Союза. Полагаем, что деятельность Суда ЕАЭС существенным образом влияет на формирование и сохранение необходимого уровня солидаризации, прежде всего экономической, в контексте единого экономического пространства ЕАЭС.

Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда Союза определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.). Целью его деятельности является обеспечение в соответствии с положениями настоящего Статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза¹.

В преамбуле Договора о ЕАЭС отражено желание сторон укрепить солидарность и углубить сотрудничество между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций². Попробуем рассмотреть, как формируется и укрепляется подобная солидарность в практике Суда ЕАЭС.

1. Признак публичности в контексте экономической интеграции

По мнению профессора Т. Н. Нешатаевой, «в настоящее время основной функцией международных судов является не функция арбитра по разрешению спора, но функция толкования с целью создания единообразного правоприменения, единых стандартов для всех акторов международного правоотношения» [7, с. 53]. Суд ЕАЭС относится к международным органам управления интеграцией и представляет собой суд нормоконтроля [6, с. 109]. По сути, мы можем говорить о его деятельности как отражающей международный или интеграционный нормоконтроль. Последний выступает составной частью публичного контроля и надзора в условиях интеграции. Полагаем, что категория публичного контроля

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп. вступ. в силу с 05.04.2022) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/c61/protokol-ovnes-izm-v-DEAES-_1-Bolshoy_-ot-2019_10.01.pdf (дата обращения: 05.06.2023).

² Там же.

и надзора в данном случае включает в себя контроль и надзор органов публичной власти государств — членов ЕАЭС, а также контроль и надзор со стороны наднациональных управленческих структур, одной из которых выступает Суд ЕАЭС.

Таким образом, в условиях экономической интеграции признак «публичности» применительно к контролю и надзору как базовым управленческим функциям закономерно дополняется интеграционным (или макроэкономическим) уровнем власти. Еще столетие назад французский юрист-административист М. Ориу отмечает «господствующее действие территории в генезисе того, что является публичным». По его мнению, территория порождает понятие публичности; способствует тому, что государственный режим стал публичным режимом. Она содействует созданию понятия общего дела, общего блага и т. д. [8, с. 324]. Среди множества критериев отнесения к публичному (субъектный состав; особое целевое назначение; публичные интересы и др.) заслуживает внимания применительно к евразийской интеграции свойство интегрированности или встроенности в систему публичного управления [11, с. 12].

Специалисты справедливо констатируют тот факт, что Суд ЕАЭС призван выстраивать единое понимание правопорядка новой наднациональной организации экономической интеграции [5, с. 44]. И частью этого понимания должна стать экономическая солидарность участников интеграционных отношений.

2. Разновидности солидарности, ее содержание в доктрине и законодательстве

В науке используются различные категории солидарности. Так, ученые исследуют аспекты солидарности на глобальном уровне и макроэкономическом уровне: человеческая солидарность, европейская солидарность [14], эмпатическая солидарность [13], трансграничная социальная солидарность [12], глобальная трудовая солидарность [15], международная экономическая солидарность [2, с. 22–24].

Упоминание солидарности как принципа государственного управления, провозглашение формирования солидарного общества как цели государственного строительства присутствует в ряде действующих конституций государств мира [10, с. 16–17, 25, 286].

Современный интерес к вопросам экономической солидарности со стороны представителей отечественной юридической науки связан, прежде всего, с поправками в Конституцию РФ 2020 г.

Одной из них стало дополнение Основного закона страны ст. 75.1, согласно положениям которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность¹.

Научная категория солидарности включает в себя как минимум три составляющие: совместная деятельность; общие цели деятельности и общая ответственность.

Если применительно к экономической солидарности в рамках ЕАЭС критерии совместности деятельности (прежде всего, экономической), общих целей и интересов (также экономического свойства) закреплены на нормативном уровне (посредством позитивного права) и не вызывают сомнений, то вопросы ответственности за совместные действия и решения в рамках экономического сближения остаются открытыми.

Нами ранее обращалось внимание на особенности защиты интересов бизнеса в условиях интеграции в практике Суда ЕАЭС [1]. Данные интересы закономерно дополняются интересами определенного уровня интеграции, нацеленностью интеграционных процессов на общий интерес, на общее благо [6, с. 111]. При этом наднациональное единообразие в сфере решения общих, прежде всего экономических, задач оказывает влияние на национальный публичный порядок.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.06.2023).

Безусловно, властные органы обладают определенным управленческим потенциалом для возвращения солидарных начал в обществе, способны проявить инициативу и активность в целях ее формирования. И властные структуры в рамках ЕАЭС здесь не являются исключением.

3. Евразийская экономическая солидарность как принцип и ценность экономического взаимодействия

Евразийская экономическая солидарность — это принцип и ценность экономического взаимодействия в рамках единого экономического пространства ЕАЭС. Она базируется на экономическом единении, но не обусловлена им, а формируется в процессах интеграционного нормотворчества и правоприменения; она тесно связана с иными видами солидарности (этническая, социальная и др.). Она основана на нормах международного публичного и международного частного права.

Суд ЕАЭС способен в рамках своей деятельности способствовать генерации, сохранению и развитию экономической солидарности в рамках ЕАЭС двумя путями: посредством разрешения споров и толкования. Экономическая солидарность находит отражение как в актах Суда ЕАЭС, так и в особых мнениях судей Суда ЕАЭС, которые в совокупности способствуют формированию евразийского публичного порядка.

Нормоконтроль Суда ЕАЭС выступает составной частью системы публичного контроля и надзора в рамках ЕАЭС и обеспечивает формирование евразийской экономической солидарности. В условиях гармонизации и унификации регуляции ряда отраслей экономики в рамках ЕАЭС есть основания говорить о складывающемся едином контрольно-надзорном пространстве ЕАЭС, обеспечивающем экономическое сближение. Солидарность отражается и в единстве принципов и механизмов подобного контроля и надзора. Последние в рамках экономической интеграции отражают такие критерии публичности, которые связаны с единством территории, на которую распространяется юрисдикция наднациональных органов власти, а также с признаком встроенности в систему публичного правопорядка.

Полагаем, что у Суда ЕАЭС есть достаточный и не до конца реализованный потенциал влияния на развитие евразийской интеграции, в том числе посредством стимулирования развития евразийской экономической солидарности. Последняя имеет несколько уровней, связанных с направлениями связей между участниками интеграционных процессов. При этом важное значение имеет равный доступ хозяйствующих субъектов юрисдикции государств-членов к правосудию для защиты экономических прав, который выступает условием солидарности.

Ученые также обращают внимание на то, что не исчерпан потенциал Суда ЕАЭС в плане решения межгосударственных споров. При этом основным препятствием для этого видится приоритет национального права над правом Союза в случае конфликта между ними [4, с. 124].

Разрешение споров и толкование Судом ЕАЭС выступают в качестве средств формирования единых экономических позиций в рамках ЕАЭС. Международные суды в силу своей природы призваны заниматься толкованием международных договоров, как, впрочем, и иных международно-правовых актов, которые относятся к рассматриваемому ими делу [3, с. 114]. Суд ЕАЭС — важный субъект международного толкования. Среди способов толкования применительно к формированию солидарных экономических приоритетов особое место занимает толкование в свете правовых и, прежде всего, конституционных традиций, единых для всех государств-членов или хотя бы близких им. В современных условиях, когда мир столкнулся с последствиями глобализации различного свойства, становятся как никогда востребованными вопросы национальной идентичности. Последняя включает, на наш взгляд, конституционную идентичность и конституционные традиции.

Заключение

Современные угрозы и вызовы обуславливают поиск и сохранение оптимального соотношения между национальной (включая правовую, конституционную, экономическую) идентичностью и процессами универсализации правовых инструментов, формирования евразийского единого рынка товаров,

услуг, капитала и рабочей силы. В этих условиях на Суде ЕАЭС и иных наднациональных органах власти лежит ответственность за регуляцию экономических отношений, защиту прав участников экономического взаимодействия, формирование и сохранение экономической солидарности в пределах евразийского пространства. При этом евразийская экономическая солидарность вовсе не означает шаблонное регулирование и правоприменение в экономической сфере в рамках ЕАЭС. Участники евразийской экономической интеграции, несмотря на свое общее историческое прошлое, обладают национальной, правовой, экономической идентичностью, спецификой механизмов регуляции экономических отношений, складывающейся под влиянием целого ряда внутренних и внешних факторов. Тем не менее дальнейшее укрепление единых экономических начал общего евразийского рынка, необходимость сплочения перед лицом внешних угроз, поиск новых конкурентных преимуществ для хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС на мировых рынках — все это позволяет выделить евразийскую экономическую солидарность как ценность, с одной стороны, выступающую ориентиром, вектором экономического объединения в рамках ЕАЭС, с другой стороны, постепенно, поступательным образом формируемую, «накапливаемую», сохраняемую в рамках экономического взаимодействия и в конечном итоге призванную укрепить евразийское межгосударственное объединение не только и столько посредством гармонизации и унификации регуляции, а в большей степени принципами, способами и механизмами правоприменения. Важную, если не ключевую роль в последнем играет оправление правосудия, направленное на формирование, сохранение и развитие солидарных подходов к разрешению экономических споров в рамках евразийской экономической интеграции. Споры, разрешение которых на уровне интеграционных судебных органов оказывает влияние на повышение уровня солидаризации в рамках ЕАЭС ничуть не меньшее, чем единые механизмы регулирования экономических отношений, закрепленные в международных договорах евразийского уровня.

Литература

1. Агамагомедова С. А. Защита интересов бизнеса в условиях интеграции: практика Суда Евразийского экономического союза // Право и экономика. 2021. № 10 (404). С. 12–19. EDN: OMEETK
2. Брындин Е. Г. Международная экономическая солидарность // Репутациология. 2012. № 1–2 (17–18). С. 22–24. EDN: OWDEQZ
3. Капустин А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 104–117. DOI: 10.12737/jrl.2021.102; EDN: SSFQYQ
4. Капустин А. Я., Ковлер А. И., Белялова А. М. [и др.] Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 116–134. DOI: 10.12737/jflcl.2020.056; EDN: CSYFPD
5. Нешатаева Т. Н. Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 38–57. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.5.38-57; EDN: WBGVCZ
6. Нешатаева Т. Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 107–126. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-107-126; EDN: GGVIW
7. Нешатаева Т. Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Российское правосудие. 2018. № 1. С. 46–62. EDN: YVJMDB
8. Ориу М. Основы публичного права. Перевод с франц. М. : Издательство Коммунистической академии, 1929. 759 с.
9. Хопёрская Л. Л., Голованов Р. С. Евразийская стратегия межэтнического согласия (на материалах государств Центральной Азии и Юга России) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 172–178. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-172-178; EDN: HFDHBS
10. Шлыкова Н. Б., Грачев Д. О., Чиркин В. Е. [и др.] Конституции государств Азии / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 1: Западная Азия. М. : Юридическое издательство «Норма», 2010. 544 с. EDN: QLYXFZ

11. Ястребов О. А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2010. 50 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004604255?page=2&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 06.07.2023).
12. Bauhr M., Charron N. Stand Together or Alone? Public Support for European Economic Solidarity during the Covid-19 Pandemic // *European Societies*. 2021. Vol. 23. Issue 4. P. 533–561. DOI: 10.1080/14616696.2021.1922931
13. Heffernan T. Crisis and Belonging: Protest Voices and Empathic Solidarity in Post-Economic Collapse Iceland // *Religions*. 2022. Vol. 11. Issue 1. Article Number 22. DOI: 10.3390/rel11010022
14. Karagiannis N. Solidarity within Europe / Solidarity without Europe // *European Societies*. 2007. Vol. 9. Issue 1. P. 3–21. DOI: 10.1080/14616690601079416
15. Scipes K. Global Labor Solidarity // *Working USA — the Journal of Labor and Society*. 2014. Vol. 17. Issue 2. P. 141–144. DOI: 10.1111/wusa.12103

Об авторе:

Агамагомедова Саният Абдулганиевна, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

References

1. Agamagomedova S. A. Protection of Business Interests in the Context of Integration: the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union // *Law and Economics [Pravo i ekonomika]*. 2021. No. 10 (404). P. 12–19. (In Rus.) EDN: OMEETK
2. Bryndin E. G. International Economic Solidarity // *Reputology [Reputatsiologiya]*. 2012. No. 1–2 (17–18). P. 22–24. (In Rus.) EDN: OWDEQZ
3. Kapustin A. Ya. International Judicial Interpretation of an International Treaty: Current Trends // *Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]*. 2021. Vol. 25. No. 8. P. 104–117. (In Rus.) DOI: 10.12737/jrl.2021.102; EDN: SSFQYQ
4. Kapustin A. Ya., Kovler A. I., Belyalova A. M. [et al.] Inter-State Applications in International Courts: History and Prospects // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law [Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya]*. 2020. No. 6. P. 116–134. (In Rus.) DOI: 10.12737/jflcl.2020.056; EDN: CSYFPD
5. Neshataeva T. N. Supranationalism: Development of the Institutional Law of the EAEU // *Russian Justice [Rossiiskoe pravosudie]*. 2019. No. 5. P. 38–57. (In Rus.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.5.38-57; EDN: WBGVCZ
6. Neshataeva T. N. Independence and Good Faith of the Court and Judges in the Digital Age: an Integration Experience // *Perm University Herald. Juridical Sciences [Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki]*. 2022. No. 55. P. 107–126. (In Rus.) DOI: 10.17072/1995-4190-2021-55-107-126; EDN: GGVIFW
7. Neshataeva T. N. To Hear Life: Effect of Legal Views of International Court in National Legal Systems // *Russian Justice [Rossiiskoe pravosudie]*. 2018. No. 1. P. 46–62. (In Rus.) EDN: YVJMDB
8. Oriou M. *Fundamentals of Public Law*. Translation from French. Moscow : Publishing House of the Communist Academy. 1929. 759 p. (In Rus.)
9. Khoperskaya L. L., Golovanov R. S. Eurasian Inter-Ethnic Consent Strategy (Based on Materials from the States of Central Asia and the South of Russia) // *State and Municipal Administration Scientific Notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski.]*. 2020. No. 1. P. 172–178. (In Rus.) DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-172-178; EDN: HFDHBS
10. Shlykova N. B., Grachev D. O., Chirkin V. E. [et al.] *Constitutions of the States of Asia* / ed. By T. Ya. Khabrieva. Vol. 1: Western Asia. Moscow : Legal publishing house "Norma". 2010. 544 p. (In Rus.) EDN: QLYXFZ

11. Yastrebov O. A. Legal Entity of Public Law: a Comparative Legal Study. diss. ... doc. legal sciences. Moscow, 2010. 50 p. [Electronic resource]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004604255?page=2&rotate=0&theme=white> (accessed: 06.07.2023). (In Rus.)
12. Bauhr M., Charron N. Stand Together or Alone? Public Support for European Economic Solidarity during the Covid-19 Pandemic // *European Societies*. 2021. Vol. 23. Issue 4. P. 533–561. DOI: 10.1080/14616696.2021.1922931
13. Heffernan T. Crisis and Belonging: Protest Voices and Empathic Solidarity in Post-Economic Collapse Iceland // *Religions*. 2022. Vol. 11. Issue 1. Article Number 22. DOI: 10.3390/rel11010022
14. Karagiannis N. Solidarity within Europe / Solidarity without Europe // *European Societies*. 2007. Vol. 9. Issue 1. P. 3–21. DOI: 10.1080/14616690601079416
15. Scipes K. Global Labor Solidarity // *Working USA — the Journal of Labor and Society*. 2014. Vol. 17. Issue 2. P. 141–144. DOI: 10.1111/wusa.12103

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

Международно-правовые регулирования проблемы защиты окружающей среды от радиоактивного загрязнения

Парамузова О. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: paramuzova-og@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на рассмотрение актуальных международно-правовых проблем экологического и ядерного права. В рамках настоящей статьи особый акцент делается на том, что в современной межгосударственной системе требуется новая кодификация норм общего международного права, а также инициация процесса регионального правотворчества.

Цель. Найти поиск путей решения проблем защиты окружающей природной среды от радиоактивного загрязнения в контексте повышения эффективности механизма международно-правового регулирования в эпоху современных международных отношений.

Задачи. Определить актуальность и специфику современных проблем предотвращения ядерного ущерба окружающей среде, оценить угрозы и вызовы международному миру и безопасности в контексте недопустимости радиоактивного загрязнения окружающей среды, рассмотреть основные международно-правовые акты в данной сфере правового регулирования с целью оценки оправданности их применения, выработать предложения по вопросам дальнейшей кодификации норм международного права в контексте ядерного нераспространения в широком смысле, определить необходимость качественного обновления международного правосознания в контексте недопустимости применения ядерного ущерба планетарной среде, оценить перспективы эффективной работы международно-правового механизма мирного использования атомной энергии с целью недопустимости ее переключения на военные цели, выработать предложения по поводу совершенствования международного правоприменения в XXI в.

Методология. В рамках настоящего исследования с помощью методов изучения нормативно-правовых актов и международно-правовых доктрин, а также контент-анализа выявлены особенности функционирования механизма международно-правового регулирования в сфере охраны окружающей среды от радиоактивного загрязнения.

Результаты. В ходе исследования автор приходит к выводу, что в свете сегодняшних угроз и вызовов необходимо попытаться выработать юридически значимые пути выхода из кризиса, связанного с решением международно-правовых экологических проблем предотвращения ядерного ущерба, а также ликвидации и снижения негативных последствий его влияния на состояние окружающей природной среды. Одним из оправданных способов решения данных проблем представляется реформирование международного правосознания в целом и в сферах международного экологического права и ядерного права в частности. В современной межгосударственной системе, как представляется, требуется новая кодификация норм общего международного права, а также инициация процесса регионального правотворчества.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, автор статьи дает обоснования своих выводов и заключений по поводу разрешения указанных проблем в данной сфере международно-правового регулирования. В частности, в статье детерминируется справедливость утверждения о том, что в контексте современных угроз и вызовов международному миру и безопасности в XXI в. особую значимость должно приобрести качественное обновление международного правосознания, его обогащение и подпитка новыми научными идеями и продуманными концепциями, способными

вывести международное право из кризиса, поскольку существующее на сегодняшний день правосознание не отвечает современным реалиям и, опираясь на него, крайне сложно будет обеспечить эффективность слаженной работы международной межгосударственной системы.

Ключевые слова: радиоактивное загрязнение окружающей среды, международное и национальное правосознание, угрозы и вызовы международному миру и безопасности, ядерное нераспространение, международно-правовая ответственность, повышение эффективности механизма международно-правового регулирования

Для цитирования: Парамузова О. Г. Международно-правовые регулирования проблемы защиты окружающей среды от радиоактивного загрязнения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 109–119.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-109-119>

International Legal Regulation of the Problem of Protecting the Environment from Radioactive Contamination

Olga G. Paramuzova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: paramuzova-og@ranepa.ru

ABSTRACT

This article deals with modern actual international legal problems of ecological and nuclear law. In the frames of conducted research the special emphasis was made on, that in the modern interstate system is required a new codification of common international law norms, as well as initiation of the process of regional rulemaking.

Aim. The main intention of research is search for solutions the problems protecting the environment from radioactive contamination in the context of increasing the effectiveness of the mechanism of international legal regulation in the epoch of modern international relations.

Tasks. To determine the relevance and specificity the actual international legal problems of protecting the environment from radioactive contamination in the context of increasing the effectiveness of the mechanism of international legal regulation in the 21th century.

Methods. Within the framework of this study, using the methods of studying normative legal acts and international legal doctrines, as well as content analysis, the features of the functioning of the mechanism of international legal regulation in the field of environmental protection from radioactive contamination are revealed.

Results. During the study, the author concludes, that in the light of today's threats and challenges, it is necessary to try to develop legally significant ways out of the crisis associated with solving international legal environmental problems of preventing nuclear damage, as well as eliminating and reducing the negative consequences of its impact on the state of the natural environment. On of the justified ways to solve threes problems is the reform of international legal consciousness in general and in the areas of international environment law and nuclear law, in particular. In the modern interstate system, it seem that a new codification of the norms of general international law is to required, as well as the initiation of a process of regional law-making.

Conclusion. Summing up the results of the study, the author of investigation gives his findings and conclusions regarding the resolution of these problems in this area of international legal regulation. In particular, the article determines the validity of the assertion that in the context of modern threats and exports to international peace and security in the 21st century, a qualitative renewal of international legal consciousness, its enrichment and nourishment with new scientific ideas and well-thought-out

concepts that can bring international law out of crisis since the legal consciousness that exists today does not meet modern realities and, relying on it, it will be extremely difficult to ensure the effectiveness of the well-coordinated work out of international interstate system.

Keywords: international safety, national and international legal consciousness, international legal responsibility, increasing the effectiveness of the mechanism of international legal regulation, nuclear contamination of environment, nuclear non-proliferation, threats and challenges to international peace and security

For citing: Paramuzova O. G. International Legal Regulation of the Problem of Protecting the Environment from Radioactive Contamination // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 109–119. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-109-119>

Введение

Современное состояние окружающей среды вызывает серьезную озабоченность у всего международного сообщества. Необходимость решения экологических проблем — одно из приоритетных направлений дальнейшего развития и совершенствования международного права. От того, насколько успешно будет развиваться международно-правовая мысль, насколько детерминированным будет международное правосознание в природоохранительной сфере, настолько более продуктивным представляется процесс дальнейшей кодификации международного экологического права. В рамках настоящего исследования мы отнюдь не претендуем на всеобъемлющий охват и изучение всего комплекса экологических проблем современности, да это и вряд ли возможно, учитывая их глубину и многогранность.

Особую тревогу, на наш взгляд, вызывает проблематика недопустимости радиоактивного ущерба и предотвращения радиоактивного загрязнения планетарной среды [6; 10]. Данная тема не только важна, но и крайне актуальна в контексте современных угроз и вызовов международной безопасности на универсальном и региональном уровнях и особенно в условиях специальной военной операции. Речь идет не только о возможности причинения радиоактивного загрязнения окружающей среде при совершении диверсий на АЭС и других атомных объектах, террористических актов с использованием радиоактивных веществ и ядерных материалов, о создании грязных бомб, но и о маловероятной, однако, все же существующей возможности применения ядерного оружия великими державами.

Помимо военных аспектов защиты окружающей среды от радиоактивного загрязнения, крайне актуальной является также проблема так называемой «экологичности» мирного атомного комплекса. Особую озабоченность вызывают участившиеся в последнее время акты противоправного вмешательства в процесс функционирования атомного энергетического комплекса. Речь идет об актах так называемого «экологического терроризма», к сожалению, имеющих место быть на территории Запорожской АЭС.

Концепция ядерного нераспространения и ее трактовка в контексте непричинения ядерного ущерба в современных условиях международных отношений

Злободневность и широкомасштабность проблем настоящего исследования требуют выработки новых подходов для их решения. На наш взгляд, успех в достижении поставленной цели и выполнении обозначенных задач может быть достигнут сквозь призму концепции ядерного нераспространения в ее современной трактовке, а именно в широком ее понимании. Новый подход к проблеме ядерного нераспространения должен быть нацелен на предотвращение любых негативных последствий использования атомной энергии [10], в том числе и на снижение рисков вирулентного воздействия на глобальное состояние окружающей природной среды¹.

¹ *Парамузова О. Г. Ядерная безопасность в условиях современного международного правопорядка. СПб., 2006. С. 39–45.*

Широкое понимание ядерного нераспространения предполагает комплексное рассмотрение ядерных угроз различного уровня и характера происхождения. Связующим звеном здесь выступает общая направленность всех мероприятий по обеспечению ядерной безопасности. Главной целью режима ядерного нераспространения в широком смысле является предотвращение ядерного ущерба в любом его проявлении, будь то применение ядерного оружия, вредное воздействие на человека радиационного облучения и ионизирующего излучения, аварии на ядерных объектах с радиологическими последствиями или радиационное загрязнение окружающей природной среды. Теоретико-правовой основой для широкого понимания ядерного нераспространения должна стать концепция ядерного нераспространения в контексте всеобъемлющего подхода к международной безопасности. Действенность и целесообразность практического применения названной концепции может быть подтверждена целым рядом фактов.

Эффективность физической защиты ядерного материала в процессе мирной атомной деятельности является серьезной преградой для его незаконного захвата и последующего использования в военной или террористической деятельности.

Безопасная утилизация радиоактивных отходов, отработавшего ядерного топлива и расщепляющихся материалов, высвобождающихся в результате демонтажа ядерного оружия, является гарантией того, что такие материалы не попадут в незаконное владение и использование, а также не послужат причиной радиационного загрязнения окружающей среды.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.¹, направленный в первую очередь на недопущение проведения испытаний ядерного оружия с целью его дальнейшего совершенствования, налагает запреты на любые испытательные взрывы.

Решение проблемы ядерного нераспространения в широком смысле зависит от принятия совместных усилий всеми государствами мира. В таких условиях как никогда возрастает роль международного права в контексте всеобъемлющего подхода к международной безопасности.

Один из главных вопросов, стоящих перед человечеством при выявлении перспективных направлений применения энергии атомного ядра, очевидно, связан с оценкой и сопоставлением позитивных и негативных факторов ее воздействия на общее состояние планеты Земля [10].

Ввиду того представляется весьма целесообразным определить степень безопасности атомной энергетики по сравнению с другими доминирующими источниками энергии, в условиях нормальной эксплуатации атомных объектов, максимально снижающих или сводящих к нулю вероятность ядерных аварий или радиационных аварийных ситуаций, а также в условиях, исключающих ядерное распространение в широком смысле [Там же].

Осознавая глубину данных проблем, требуется задействовать различные ресурсы (внутригосударственные и международные) для их скорейшего разрешения. При этом важно подчеркнуть, что одним из способов снятия остроты данных проблем видится модернизация правовых норм на национальном и международном уровнях. Одной из целей правотворческой деятельности в указанной сфере должно стать обеспечение соблюдения пока еще не правового, а, скорее, доктринального на сегодняшний день принципа «безопасного захоронения радиоактивных отходов и обращения с отработавшим ядерным топливом». Представляется очевидным, что, во-первых, данный принцип должен стать одним из базовых принципов международного ядерного права и, во-вторых, этот принцип должен определять основную линию поведения государств и международных организаций в реализации концепции ядерного нераспространения [Там же].

Международно-правовая оценка последствий проведения ядерных испытаний на примере Семипалатинского полигона

Следующий аспект, который требует рассмотрения в рамках настоящего исследования, — экологические проблемы, существующие на территории проведения подземных испытаний ядерного оружия.

¹ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [Электронный ресурс] // United Nations. https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ctbt/ctbt_ph_r.pdf (дата обращения: 02.06.2023).

Учитывая тот факт, что на сегодняшний день не существует международно-правового запрета на подземные испытания ядерного оружия, ибо Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, принятый в 1996 г., до сих пор в силу не вступил, подземные испытания все еще проводятся ядерными государствами де-юре и де-факто¹.

Вместе с тем, хотя данный договор и не вступил в силу, юридически действующими являются два других универсальных международно-правовых акта, а именно: Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.² и принятый в 2017 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия, вступивший в силу 22 января 2021 г. по истечении 90 дней после его ратификации 50 государствами. Учитывая вышесказанное, по-прежнему нет четкого юридического ответа на вопрос о легитимности подземных испытаний ядерного оружия.

Что касается фактического положения дел, то в конце XX в. на карте мира появилось государство, которое добровольно прекратило испытания ядерного оружия на своей территории. Речь идет о Казахстане и Семипалатинском полигоне. С 1949 по 1989 г. на Семипалатинском полигоне было произведено не менее 468 ядерных испытаний, в которых было взорвано не менее 616 ядерных и термоядерных устройств. В 1991 г., 29 августа, президент Казахской ССР Нурсултан Назарбаев подписал Указ «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона». Эта дата стала исторической для Казахстана и глобального антиядерного движения.

21 марта 2009 г. вступил в силу Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, принятый в 2006 г. Участниками Договора стали Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан³.

Заключение Семипалатинского договора окончательно закрепило запрет на проведение ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Но проблем от этого не стало меньше, они просто приобрели дополнительную сложность, связанную в том числе с проведением экологического мониторинга. Принимая во внимание особую актуальность экологических проблем в зоне Семипалатинского полигона, представляется необходимым уделить особое внимание именно этой территории [15].

Говоря о значимости принятия Договора о создании безъядерной зоны в Центральной Азии и вступлении его в силу, необходимо также отметить следующее: во-первых, безъядерная зона в Центральной Азии явилась первой подобной зоной в северном полушарии и, что крайне важно, является территорией, не имеющей выхода к Мировому океану; во-вторых, на территории данной безъядерной зоны находится Семипалатинский полигон, что усложняет осуществление мероприятий по ликвидации последствий радиоактивного загрязнения окружающей среды; в-третьих, в данном международном договоре содержатся положения, нацеленные на обеспечение экологической и радиационной безопасности и реабилитации окружающей среды; в-четвертых, особенностью данного договора, в отличие от аналогичных, является закрепленное в нем положение о заключении со всеми государствами Центральноазиатского региона Дополнительного протокола с МАГАТЭ для осуществления мониторинга состояния ядерной безопасности в рамках данной зоны; в-пятых, одним из основных нравственных принципов данного договора, получивших нормативное закрепление, стала концепция, предложенная Узбекистаном, — «Мир Вашему дому», то есть готовность, желание и возможность обеспечивать мир и безопасность в данном регионе самостоятельными усилиями государств зоны, без вмешательства извне.

Вместе с тем, не умаляя важность Семипалатинского договора, необходимо еще раз обратить внимание на то, что создание в данном регионе зоны, свободной от ядерного оружия, не решило экологических проблем и, прежде всего, в сфере причинения глубочайшего и широкомасштабного ядерного

¹ На сегодняшний день Договор подписали 185 государств. 170 из них ратифицировали Договор, в том числе три ядерные державы — Великобритания, Франция и Россия. Однако для вступления Договора в силу необходимо, чтобы его ратифицировали 44 страны, обладающие ядерным потенциалом. Это сделали 36 таких государств. Из числа стран, входящих в «список 44», Договор все еще не ратифицировали восемь государств — Египет, Израиль, Индия, Иран, Китай, КНДР, Пакистан и США. См.: Официальный сайт ООН: (<https://news.un.org>).

² Договор о нераспространении ядерного оружия от 12.06.1968 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 02.06.2023).

³ Центральная Азия стала безъядерной [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 20.03.2009. URL: <https://news.un.org/ru/story/2009/03/1142631> (дата обращения: 02.06.2023).

ущерба состоянию окружающей среды, причем не только в центральноазиатских государствах, но и в прилегающих к ним географических регионах.

Постановка и обоснование современных международно-правовых проблем борьбы с актами экологического и ядерного терроризма

Переходя к анализу современных проблем предотвращения экологического терроризма, а также терроризма ядерного, отметим важность для их решения действующих в настоящее время, в частности, следующих международных договоров: Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1976 и вступившая в силу 5.10.1978; Конвенция о ядерной безопасности, принятая 17.06.1994 Дипломатической конференцией, созванной МАГАТЭ в его Центральных учреждениях, вступившая в силу 24.10.1996; Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 59/290 от 13.04.2005 и вступившая в силу в 2007 г.¹.

В соответствии с Конвенцией о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, «...каждое государство — участник настоящей Конвенции обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. Каждое государство — участник настоящей Конвенции обязуется не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, противоречащей положениям пункта 1 настоящей статьи»².

Целью Конвенции о ядерной безопасности является «...обязать договаривающиеся стороны, которые эксплуатируют наземные гражданские АЭС, поддерживать высокий уровень безопасности, соблюдая установленные в ней основополагающие принципы безопасности»³.

В соответствии с Конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма, «...любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно незаконно и умышленно использует радиоактивный материал или устройство любым образом либо использует или повреждает ядерный объект таким образом, что происходит высвобождение или создается опасность высвобождения радиоактивного материала»⁴.

Анализируя тексты приведенных выше международных договоров и, прежде всего, Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, можно констатировать факт наличия юридического понятия «ядерный терроризм». Что касается понятия «экологический терроризм», то в отношении него не существует международно-правового юридического закрепления.

В свете отмеченного представляется оправданным выработать четкое юридическое определение такого опасного на сегодняшний день явления, как экологический терроризм, также необходимо установить субъектный состав, закрепить вопросы ответственности за подобное противоправное поведение. Причем нормотворческая работа в этой сфере должна быть проведена как на национальном, так и на международном уровнях (универсальном и региональном). Целесообразно предпринять попытки постановки и обоснования юридически значимых путей выхода из кризиса, связанного с решением международно-правовых экологических проблем предотвращения ядерного ущерба, а также ликвидации и снижения негативных последствий его влияния на состояние окружающей природной среды.

¹ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 02.06.2023).

² Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 02.06.2023).

³ Конвенция о ядерной безопасности [Электронный ресурс] // Международное агентство по атомной энергии IAEA. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc449_rus.pdf (дата обращения: 02.06.2023).

⁴ Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 14.09.2005) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/print/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/mezhdunarodnaya-konvenciya-o-borb-2.html> (дата обращения: 02.06.2023).

Одним из оправданных способов решения данных проблем представляется реформирование международного правосознания в целом и в сферах международного экологического права и ядерного права в частности.

Отдельные аспекты реновации международного правосознания в контексте реформирования международного права в современных условиях международных отношений

В современных условиях международного правопорядка наметилась тенденция формирования нового международного правосознания¹. Об этом свидетельствует целый ряд факторов. Отметим наиболее важные из них. Во-первых, усложнился характер взаимоотношений великих держав в условиях качественного изменения глобальной картины мироустройства. Во-вторых, возобладала концепция применения силы для решения проблем политического взаимодействия государств. В-третьих, произошла диверсификация участия физических лиц в международных правоотношениях. В-четвертых, происходит подмена понятий при идентификации определенных юридически значимых действий субъектов международного права в геополитической системе современного мироустройства. В-пятых, появляются новые научно-теоретические концептуальные разработки в контексте качественного анализа эффективности функционирования межгосударственной системы. В-шестых, изменился подход к решению проблем реализации международно-правовой ответственности, а также целесообразности и адекватности наложения санкций на субъектов международного права. В-седьмых, в современных условиях усиления манипуляции общественным сознанием на национальном и международном уровнях особую угрозу миру и безопасности представляют и в ближайшем будущем будут представлять еще в более сильном качестве информационные войны.

Делая акцент на оправдание существования данной концепции, надо обратить внимание и на то, что, во-первых, процесс модернизации международного правосознания идет как на универсальном, так и на региональном уровнях, во-вторых, этим процессом охвачены все отрасли международного права, в том числе и международное экологическое и международное ядерное право. Следовательно, требуется констатировать взаимосвязь и взаимовлияние процессов реновации международного правосознания в сфере охраны окружающей среды и реформирования международного экологического и ядерного права в современную эпоху развития международных отношений.

Говоря о реновации международного правосознания, не стоит забывать о том, что национальное (внутригосударственное) правосознание также находится в поле действия процесса его обновления. Национальное правосознание, как известно, одна из составных частей национальной правовой системы, другими элементами которой являются: национальные правовые нормы, закрепленные в легитимных в каждом конкретном государстве источниках права в формально-юридическом смысле, то есть действующим в стране позитивном праве; а также сложившиеся в конкретном государстве правовые отношения, объективно детерминированные условиями политического и правового развития данного государства.

Политика и право современных государств претерпевают значительные изменения, детерминация которых напрямую связана с трансформацией социальных отношений и связей как внутри отдельных государств, так и на международной арене. Очевидно, что в настоящее время происходит процесс реновации национального правосознания, подпитка которого, несомненно, связана с переосмыслением международно-правовых ценностей и качественным обновлением международных философских и теоретико-правовых концепций. Мало того, этот процесс претендует быть долгоиграющим.

Очевидно, что современное международное право, развитие которого связывают с продолжающимися в обществе процессами глобализации, с одной стороны, и с процессами интеграции, с другой,

¹ Парамузова О. Г. К вопросу философского осмысления международного права в условиях современных реалий международных отношений // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях. Материалы научной конференции. СПб., 2020. С. 140–150.

представляет сегодня качественно иную правовую систему, чем та, которая была создана после Второй мировой войны. Естественно, Устав ООН 1945 г., как его справедливо называют «действующая международная конституция», никто не отменял. Однако вряд ли у кого возникают сомнения о том, что диверсификация системы международных отношений в XXI в. требует серьезно задуматься над тем, какие нормы *jus cogens* должны быть незаменимыми регуляторами международных отношений в контексте нарастающей амбициозности великих держав и все чаще встречающегося в практике международных отношений правового нигилизма, а также утраты доверия международного сообщества к ценностям общего международного права.

В современной межгосударственной системе, как представляется, требуется новая кодификация норм общего международного права, а также инициация процесса регионального правотворчества. Конечно, неизбежны вопросы: насколько глубокими и широкомасштабными должны быть изменения действующего международного права; не пострадают ли при этом его общепризнанные нормы; не понизится ли вера в необходимость и целесообразность существования международного права, поскольку его императивные нормы могут быть в той или иной мере изменены и приспособлены к современным геополитическим условиям.

На наш взгляд, решение подобных вопросов возможно следующим образом: во-первых, любые изменения императивных норм международного права должны вноситься только международным сообществом государств в целом и приниматься в той форме, в которой были приняты исходные нормы *jus cogens*; во-вторых, о каких бы жизненно важных юридически детерминированных изменениях не шла речь, всегда необходимо руководствоваться правилом «золотой середины»; в-третьих, важно помнить о том, что реновация международно-правовых норм обязательно скажется на модификации современных национальных правовых систем в целом, а также на реновации национального правосознания, что неизбежно осложнит характер взаимодействия людей в социуме в рамках конкретного государства; в-четвертых, при внесении каких-бы то ни было изменений в действующее общее международное право не стоит сбрасывать со счетов, что, помимо международных договоров, источниками регулирования отношений субъектов международного права являются также международно-правовые обычаи, а также некоторые акты международных организаций и международных конференций; в-пятых, требуется констатировать, что в последние годы очень важную роль в качестве регуляторов международных отношений начинают приобретать судебные прецеденты и административно-регламентационные акты международных организаций, которые, по мнению ряда авторов, могут претендовать на качество источников международного права.

Заключение

На основе проведенной нами исследовательской работы можно прийти к следующим заключениям.

1. Решение правовых проблем в сфере международной экологической безопасности в целом и в области предотвращения ядерного ущерба окружающей природной среде в частности возможно только в условиях многополярного мира, поскольку сложность и многообразие данных проблем настолько многоплановы и неоднозначны, что решение их внутригосударственными усилиями, стараниями стран отдельных географических регионов и государств — членов универсальных и региональных международных организаций будет очевидно недостаточно.
2. Достижение баланса интересов в сфере международной экологической и ядерной безопасности неизбежно требует проведения запланированной и продуманной работы в сфере дальнейшей кодификации норм международного права с учетом новых угроз и вызовов в сфере военного и мирного атома. Ибо такие угрозы и вызовы могут негативным образом повлиять на общепланетарное экологическое равновесие.
3. Кодификация норм международного экологического и международного ядерного права должна осуществляться как на региональном, так и на универсальном уровнях с признанием приоритета норм общего универсального международного права.

4. Базовые нормы *jus cogens* должны оставаться приоритетными при решении проблем совершенствования правового механизма международной экологической и ядерной безопасности.
5. Учитывая статус Российской Федерации как великой державы и ее, несомненно, большой вклад в дело поддержания охраны окружающей среды от радиоактивного загрязнения, необходимо привлекать нашу страну к решению региональных и универсальных проблем в данной сфере правового регулирования.
6. Принимая во внимание объективный процесс создания новых научных концепций в сфере обеспечения международного правопорядка и устранения новых угроз и вызовов, целесообразно руководствоваться и некоторыми более старыми концепциями, беспристрастно детерминированными, оправданными временем и нашедшими подтверждение на практике. Одной из таких концепций, несомненно, является модель всеобъемлющего подхода к международной безопасности.
7. В контексте современных угроз и вызовов международному миру и безопасности в XXI в. особую значимость должно приобрести качественное обновление международного правосознания, его обогащение и подпитка новыми научными идеями и продуманными концепциями, способными вывести международное право из кризиса, поскольку существующее на сегодняшний день правосознание не отвечает современным реалиям, и, опираясь на него, крайне сложно обеспечить эффективность слаженной работы международной межгосударственной системы.

В заключение анализа современных проблем в сфере недопустимости радиоактивного загрязнения окружающей планетарной среды представляется необходимым сделать вывод о том, что, несмотря на многообразие и глубину проблем в указанной области, самой сложной, пожалуй, является предотвращение ядерного и экологического ущерба в результате возможной третьей мировой войны, поскольку вероятность того, что эта война будет ядерной, крайне велика.

Видится очевидным, что предотвратить новую мировую войну и планетарную ядерную катастрофу возможно только совместными усилиями государств всего международного сообщества, что зависит в первую очередь от способности реформированного международного права адекватно реагировать на снятие остроты указанной проблемы.

Что касается качественной модификации общего международного права, которое сможет найти реальное правоприменение в практике международных отношений, то далеко не последнюю роль, на наш взгляд, должно сыграть обновленное международное правосознание, учитывающее как современные геополитические реалии, так и опирающееся на фундаментальные идеи и принципы классического международного правосознания [3].

Литература

1. Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 09.06.2023).
2. Валеев Р. М. Международное экологическое право. М.: Статут, 2012. 639 с.
3. Гроций Гуго. О праве войны и мира: репринт с издания 1956 г. / под общей редакцией профессора С. Б. Крылова. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
4. Кириленко В. П., Пиджаков А. Ю. Ядерный терроризм в современной мировой политике. М., 2004.
5. Климовская В. А. ШОС как центральный элемент Азиатской системы безопасности // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 2. № 11. С. 271–281. EDN: FEZFSQ
6. Кукушкина А. В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 218–225. EDN: YYRUOZ. DOI: 10.17223/15617793/450/26
7. Лукин А. В. Проблемы и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества: мнения экспертов // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 82–88. 2011. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-2-17-82-88

8. Особенности международно-правового регулирования мирного использования ядерной энергии. Международное право. В 2 т. Т. 2: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2020. С. 446–451.
9. *Парамузова О. Г.* Проблемы запрещения ядерных испытаний в современных условиях (международно-правовые аспекты). Высшая школа: научные исследования. Материалы межвузовского международного научного конгресса. Москва, 20 января 2022 г. С. 22–24.
10. *Парамузова О. Г.* Теоретико-правовой анализ факторов влияния атомной деятельности на состояние окружающей среды в контексте ядерного нераспространения // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2020. № 42 (3). С. 49–54.
11. *Парамузова О. Г.* Ядерная демилитаризация и нейтрализация, создание и поддержание статуса безъядерных зон (современные международно-правовые реалии) // *Polish Journal of Science*. 2021. № 42. С. 45–54. EDN: EBXTQA
12. Проблемы и тенденции правового регулирования в области мирного использования атомной энергии : монография / под ред. В. В. Романовой. М. : Юрист, 2017. 224 с.
13. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского. М. : РГГУ, 2021. 604 с.
14. *Хилько А. С.* Правовая охрана окружающей среды от загрязнения радиоактивными веществами // Сборник статей LX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 189–192. EDN: AVAAWK
15. *Якубовская Е. Я., Налибин В. И., Суслин В. П.* Семипалатинский ядерный полигон: вчера, сегодня, завтра. Новосибирск : Советская Сибирь, 2000. 129 с.

Об авторе:

Парамузова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: olgaramuzova@rambler.ru, paramuzova-og@ranepa.ru

References

1. Alimov R. The Role of the Shanghai Cooperation Organization in Counteracting Threats to Peace and Security [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (accessed: 06.09.2023).
2. Valeev R. M. International Environmental Law. Moscow : Statute, 2012. 639 p. (In Rus.)
3. Grotius Hugo. On the Law of War and Peace: Reprint from the 1956 edition / ed. by S. B. Krylov. Moscow : Ladamir, 1994. 868 p. (In Rus.)
4. Kirilenko V. P., Pidzhakov A. Yu. Nuclear Terrorism in Modern World Politics. Moscow, 2004. (In Rus.)
5. Klimovskaya V. A. SCO as a Central Element of the Asian Security System // Bulletin of the Student Scientific Society of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University" [Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskii natsional'nyi universitet"]. 2019. V. 2. No. 11. P. 271–281. (In Rus.) EDN: FEZFSQ
6. Kukushkina A. V. International Legal Aspects of Environmental Security at the Present Stage // Tomsk State University Journal [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2020. No. 450. P. 218–225. (In Rus.) EDN: YYRUOZ. DOI: 10.17223/15617793/450/26
7. Lukin A. V. Problems and Prospects of Development of the Shanghai Cooperation Organization: Expert Opinions // MGIMO Review of International Relations [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2011. No. 2(17). P. 82–88. (In Rus.) DOI: 10.24833/2071-8160-2011-2-17-82-88

8. Features of International Legal Regulation of the Peaceful Use of Nuclear Energy // International Law. In 2 volumes. Vol. 2 : textbook for academic baccalaureate / ed. by A. N. Vylegzhanina. Moscow, 2020. P. 446–451. (In Rus.)
9. Paramuzova O. G. Problems of Banning Nuclear Tests in Modern Conditions (International Legal Aspects). Higher School: Scientific Research. Materials of interuniversity international scientific congress. Moscow, January 20. 2022. P. 22–24. (In Rus.)
10. Paramuzova O. G. Theoretical and Legal Analysis of Influence Factors of Atomic Action to the Environment in the Context of Nuclear Non-Proliferation // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. No. 42 (3). P. 49–54. (In Rus.)
11. Paramuzova O. G. Nuclear Demilitarization and Neutralization, Creating and Maintaining of Nuclear-Free Zones Status (Modern International-Legal Realities) // Polish Journal of science. 2021. No. 42. P. 45–52. (In Rus.) EDN: EBXTQA
12. Problems and Trends of Legal Regulation in the Field of Peaceful Use of Atomic Energy : monograph / ed. by V. V. Romanova. Moscow : Jurist, 2017. 224 p. (In Rus.)
13. Forecasted Challenges and Threats to the National Security of the Russian Federation and Directions for Their Neutralization / ed. by A. S. Korzhevsky. Moscow : Russian State University for the Humanities, 2021. 604 p. (In Rus.)
14. Khilko A. S. Legal Protection of the Environment from Contamination by Radioactive Substances // Collection of articles LX of the International Scientific and Practical Conference. Penza, 2021. C. 189–192. (In Rus.) EDN: AVAAWK
15. Yakubovskaya E. Ya., Nalibin V. I., Suslin V. P. Semipalatinsk Nuclear Test Site: Yesterday, Today, Tomorrow. Novosibirsk : Soviet Siberia, 2000. 129 p. (In Rus.)

About the author:

Olga G. Paramuzova, Associate Professor of Department of Law, Faculty of Law, North-Western Institute of RANEPА (Russian Federation, Saint Petersburg);
e-mail: olgaparamuzova@rambler.ru, paramuzova-og@ranepa.ru

Институт медиации в законодательстве Республики Казахстан: перспективы региональной адаптации

Чимаров Н. С.^{1,*}, Чимаров С. Ю.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
*e-mail: kolomyagi4@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0661-1035

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Постепенная сегментация сферы публичного регулирования — вопрос неизменно возникающий, поскольку возрастающие потребности человека требуют предоставления большего числа гарантий уже от имени государства. Наличие стабильной и зачастую консервативной системы организаций судебной власти не в полной мере сочетается со все возрастающим объемом дел, сложность которых также закономерно повышается. В рамках постсоветского пространства такая тема, как медиация, является все еще направлением малоизученным, а потому требующим обстоятельного изучения, в том числе с позиции поиска актуальных трендов развития.

Цель. На примере правовой системы, интегрированной в единое социальное и экономическое пространство ЕАЭС, но тем не менее отличающейся в содержательном плане от законодательства России, определить перспективный вектор развития региона (а тем самым и отечественной нормативной базы) в вопросах медиации.

Задачи. В статье рассматривается современное состояние и проблемы института медиации в Республике Казахстан с учетом основных международных и национальных документов.

Методология. В работе были использованы элементы сравнительного и системного подходов, в рамках которых применялись общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

Результаты. По итогам проведенного исследования отмечается возможность развития межгосударственного диалога в вопросах становления института медиации при учете совокупного взаимодействия механизмов СНГ и ЕАЭС, а также идеологической компоненты Сингапурской конвенции 2018 г.

Выводы. В полном выражении при определении опыта Республики Казахстан невозможно оперировать исключительно национальными нормативными источниками. Вовлеченность государства в международные процессы, а также стремление адаптировать большее количество «примирительных» процедур приводят к уникальному контексту, в рамках которого медиация обладает своими особыми понятийными и функциональными чертами, но также и ограничивается существованием иных форм альтернативного разрешения споров. Несмотря на имеющиеся дискуссионные положения, следует признать, что опыт Республики Казахстан в вопросе медиации является достаточно проработанным и может быть положен в основу последующей гармонизации правовых систем государств — участников ЕАЭС.

Ключевые слова: медиация, медиативное соглашение, Сингапурская конвенция, ЕАЭС, принудительное исполнение, Международный финансовый центр «Астана»

Для цитирования: Чимаров Н. С., Чимаров С. Ю. Институт медиации в законодательстве Республики Казахстан: перспективы региональной адаптации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 120–128.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-120-128>

The Institution of Mediation in the Legislation of the Republic of Kazakhstan: Prospects for Regional Adaptation

Nikolai S. Chimarov^{a,*}, Sergey Yu. Chimarov^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: kolomyagi4@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0661-1035

^b Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The gradual segmentation of the sphere of public regulation is a question that constantly arises, since the growing needs of a person require the provision of a greater number of guarantees already on behalf of the state. The presence of a stable and often conservative system of judiciary organizations is not fully compatible with the ever-increasing volume of cases, the complexity of which is also naturally increasing. Within the framework of the post-Soviet space, such a topic as mediation is still a little-studied area, and therefore requires detailed study, including from the position of searching for current development trends.

Aim. Using the example of a legal system integrated into the single social and economic space of the EAEU, but nevertheless differing in content from Russian legislation, to determine a promising vector for the development of the region (and thus the domestic regulatory framework) in matters of mediation.

Tasks. The article discusses the current state and problems of the institution of mediation in the Republic of Kazakhstan, taking into account the main international and national documents.

Methods. Elements of comparative and systematic approaches were used in the work, within the framework of which general scientific methods of analysis, synthesis, deduction and induction were used.

Results. Based on the results of the study, it is noted that it is possible to develop an interstate dialogue on the formation of the institution of mediation, taking into account the cumulative interaction between the mechanisms of the CIS and the EAEU, as well as the ideological component of the Singapore Convention 2018.

Conclusions. In full terms, when determining the experience of the Republic of Kazakhstan, it is impossible to operate exclusively with national normative sources. The involvement of the state in international processes, as well as the desire to adapt a greater number of “conciliation” procedures, lead to a unique context in which mediation has its own special conceptual and functional features, but is also limited by the existence of other forms of alternative dispute resolution. Despite the existing debatable provisions, it should be recognized that the experience of the Republic of Kazakhstan in the issue of mediation is sufficiently developed and can be used as the basis for the subsequent harmonization of the legal systems of the EAEU member states.

Keywords: mediation, mediation agreement, Singapore Convention, EAEU, enforcement, Astana International Financial Center

For citing: Chimarov N. S., Chimarov S. Yu. The Institution of Mediation in the Legislation of the Republic of Kazakhstan: Prospects for Regional Adaptation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 120–128. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-120-128>

Введение

Институциональное совершенствование правовой системы — тема, связанная неразрывно с прогрессией самого общества. Тем не менее современный темп жизни не всегда позволяет естественным образом способствовать развитию институтов, а задержка в правовой регламентации может привести к возникновению побочных внеправовых способов урегулирования конфликта. В таких случаях на законодателя уже

будет возлагаться двойная нагрузка, чтобы догнать и предупредить дальнейшее отклонение от буквы закона. Наиболее востребованным методом законодательного упрочения сегодняшнего дня является обращение к практике своего геополитического окружения. Соблюдение баланса между признанием суверенных черт государств-партнеров и активное сотрудничество позволяет производить актуальный обмен мнениями и развивать свой национальный порядок в том числе. В этой связи представляется необходимым обратиться к опыту Республики Казахстан (РК), как государства, которое за последние годы делает очень серьезные, но, самое главное, заметные и практичные шаги в сфере развития внесудебной системы разрешения споров.

Ратификация Сингапурской конвенции 2018 г.

Применительно к институту медиации представляется необходимым осмыслить все возможные уровни правовой регламентации данного вопроса в порядке юридической иерархии. На универсальном уровне актуальной новацией в сфере выработки единообразных подходов к организации процесса медиации является подписание в декабре 2018 г. Сингапурской конвенции ООН о международных мировых соглашениях, создаваемых в результате медиации. Данный документ в настоящий момент не получил широкой поддержки международного сообщества, как представляется, по следующим причинам: во-первых, в силу непродолжительности своего существования; во-вторых, в силу превалирования регионального фактора (так, ни одна страна Европейского союза не подписала акт, по всей видимости, отдавая предпочтение собственному наднациональному регулированию). Тем не менее уже сейчас можно говорить о выделении круга субъектов, ратифицировавших конвенцию и, как следствие, опережающих своих международных партнеров. По состоянию на 2023 г. таковыми странами являются Беларусь, Гондурас, Грузия, Катар, Саудовская Аравия, Сингапур, Турция, Уругвай, Фиджи, Эквадор, а также Казахстан, ратифицировавший источник 23 мая 2022 г.¹ Подобные обстоятельства предполагают вероятную оптимизацию и национального законодательства.

Глобальная новация — введение в оборот термина “international settlement agreement”, что в рамках документа означает придание соглашениям особого транснационального статуса, позволяющего гармонизировать правовую основу для интеграции вышеозначенных соглашений в публичный оборот и требовать их принудительного исполнения. Вне рамок конвенции запросы могут столкнуться с коллизионным фактором, не предполагающим установления диалога между заинтересованными субъектами.

Специфика дефиниций позволяет сложить ошибочное впечатление о природе рассматриваемых соглашений. Объективно, в правовой доктрине существуют существенные различия в терминах «мировое соглашение» и «медиативное соглашение». В частности, первое определение касается решений, связанных с судебной ветвью власти, в то время как альтернативный порядок разрешения споров имеет абсолютно иную организационно-правовую природу. Не упрощает ситуацию и тот факт, что в различных правовых системах могут иметься свои языковые особенности обозначения нормативных лексем. И если термин «медиативное соглашение» известен прежде всего в правовом поле Российской Федерации, то в Казахстане используется формулировка «соглашение об урегулировании спора (конфликта)» (ст. 2, 27 Закона Республики Казахстан № 401-IV)².

Анализ ст. 1–2 Конвенции 2018 г. позволяет заключить, что она представляет иное восприятие объекта регулирования, фокусируясь в первую очередь на соглашениях, заключенных в письменной (в т. ч. электронной) форме и создаваемых на базе коммерческих споров. В свою очередь, исключаются из дальнейшего регулирования такие вопросы, как: совершение бытовых сделок; споры семейного, наследственного и трудового права; соглашения, которые подлежат исполнению в качестве судебных решений; соглашения, приравненные по своей природе к арбитражным решениям.

¹ United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation. 20 December 2018. [Электронный ресурс] // United Nations. Treaty Collection URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXII-4&chapter=22&clang=en (дата обращения: 10.06.2023).

² Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 28 қаңтардағы № 401-IV Заңы «Медиация туралы» // Егемен Қазақстан. 2011 жылғы, 8 ақпан. № 39–40 (26442).

Таким образом, основой международного регулирования выступают «медиативные соглашения в усеченном понимании». Законодательство Казахстана, напротив, включает в понятие «медиации» споры частного порядка в широком смысле этого слова. Тем не менее, ратифицировав Конвенцию, Казахстан соглашается оптимизировать данное направление постепенным образом, что представляется разумным начинанием.

По своей сути документ является типовым соглашением об организационной гармонизации различных правовых режимов. Другими словами, стороны обязуются установить прямой контакт по оказанию услуг правовой помощи в части предоставления запрашивающей стороне как сам вариант соглашения, так и частичные его реквизиты. Дополнительно рассматриваются сценарии параллельного запроса и отказа в предоставлении ключевой информации. Любопытным видится и то обстоятельство, что, предваряя процесс ратификации, Казахстан представил две оговорки к ст. 8. Общий смысл первой сводится к неприменению положений акта, в тех случаях если стороной такого соглашения выступают представители публичной власти¹. Во втором случае создается возможность избирательного выполнения требований конвенции сторонами соглашения. По мнению О. В. Засемковой, подобный шаг позволяет достичь большего уровня автономии воли сторон, поскольку у них возникает выбор — обозначить базовые положения в ходе оформления соглашения или же сделать ссылку на право того государства, которое не сделало подобных оговорок [5, с. 69]. Позиция Казахстана видится разумной, прежде всего, с точки зрения юридической адаптации. Имеется в виду, что перевод обязательств в сторону межсубъектного выбора позволит получить достоверную информацию о востребованности нововведений, прежде чем вносить существенные изменения во внутрисударственное право. При всей перспективности последней оговорки оценить ее эффективность станет возможным только после присоединения большего числа участников к данной Конвенции.

Современное положение института медиации в Республике Казахстан

Ключевым нормативным актом в сфере определения медиации на национальном уровне является Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401–IV «О медиации». За всю историю существования документа сам концепт медиации претерпел значительные изменения.

В первой редакции сфера применения медиации (ст. 1) подразумевала необходимый минимум частноправовых отношений с соответствующим кругом субъектов. Актуальная версия расширяет круг участников, добавляя в т. ч. должностных лиц. Кроме того, если ранее альтернативный формат разрешения споров предполагал рассмотрение в т. ч. споров, относящихся к уголовному типу судопроизводства (преступления небольшой и средней тяжести), то в современной версии упоминаются также административные правонарушения, уголовные проступки, в отдельных случаях тяжкие преступления (если нарушителем выступают дети; беременные женщины; мужчины, воспитывающие единственным родителем малолетнего ребенка; женщины, воспитывающие малолетних детей, и пожилые лица²), а также отношения, возникающие в сфере обеспечения исполнительного производства. Из-под прицела разбирательства исключались дела, затрагивающие интересы недееспособных лиц, но в последней версии перечень становится открытым, включая ограниченно дееспособных лиц.

Существенный сдвиг случился в июле 2021 г., когда в ч. 3 ст. 1 Закона появилась норма о возможности применения процедуры в тех случаях, когда одной из сторон выступает государственный орган. Ранее такая возможность юридически была нереализуема. На сегодняшний день данное положение более подробно раскрывается в содержательной части АППК Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. № 350-VI³.

Несмотря на, казалось бы, общеправовое понимание терминов публичного регулирования, стоит признать, что институт медиации в Казахстане обладает рядом отличительных моментов и побочных

¹ Қазақстан Республикасының 2022 жылғы 25 сәуірдегі № 116–VII Заңы «Біріккен Ұлттар Ұйымының медиация нәтижесінде қол жеткізілген халықаралық татуласу келісімдері туралы конвенциясын ратификациялау туралы» // Егемен Қазақстан. 2022 жылғы, 26 сәуір. № 78 (30307).

² Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226–V Қылмыстық кодексі // Егемен Қазақстан. 2014 жылғы, 9 шілде. № 132 (28356).

³ Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 29 маусымдағы № 350–VI Кодексі «Қазақстан Республикасының Ұкімшілік рңсімдік-процестік кодексі» // Егемен Қазақстан. 2020 жылғы, 30 маусым. № 124 (29853).

явлений. Для более наглядной иллюстрации сравним между собой законодательные режимы Российской Федерации и Республики Казахстан.

1. Разность юридико-технического отображения (в первом случае — «медиация», во втором — «процедура медиации»). Формально это не оказывает влияния на дальнейшее уяснение смысловой основы, но свидетельствует об индивидуальности нормостроительства, без влияния внешнего фактора, что крайне важно для государств молодой демократии.

2. В отличие от зарубежного подхода в отечественном праве отсутствует уточнение, что медиация предполагает разрешение не только споров, но и конфликтов. К сожалению, прямого разграничения данных терминов Закон РК № 401–IV не приводит. Однако отчасти к пониманию помогает приблизиться п. 3 ст. 3 Закона, устанавливающий одну из целей проведения медиации как снижение конфликтности сторон. Следует сделать вывод, что в этом понимании институт предполагает свое раскрытие не только с функциональной точки зрения, но и с психологической.

Нельзя обойти стороной официальный комментарий Р. Н. Юрченко (член НКС Верховного Суда Республики Казахстан), разъясняющей особенности принятого нормативного акта. Согласно ее трактовке, соглашение об урегулировании спора — вариант, характерный для гражданского процесса, в то время как его аналог, посвященный урегулированию конфликта, — для уголовного¹. Между тем данный вопрос требует отдельного осмысления, поскольку актуальная версия Закона РК № 401–IV явно выходит за рамки данного понимания. Свидетельством тому является ст. 6, где само слово «конфликт» контекстуально понимается в широком смысле слова. Тем не менее в практическом выражении упоминание медиации применительно к уголовной сфере отношений — вопрос открытый. В количественном соотношении большая часть дел приходится на иные типы производств [8, с. 99]. Одной из причин низкой заинтересованности в медиации в данном случае является финансовое бремя, которое в большинстве случаев связывается с наиболее заинтересованной стороной — обвиняемым [1, с. 8–9].

3. Статус медиатора в законодательстве Казахстана буквально не включает в себя смежный статус посредника, хотя такой смысл и закладывается. Между тем легальным образом устанавливается деятельность лиц на профессиональной основе и общественных началах (до 2021 г., подобно законодательству России, — на непрофессиональной основе). Нормативная прогрессия изменила не просто наименования формы участия, но и сами критерии соответствия статусу. В частности, на общественных началах медиатором могут выступать в т. ч. судьи при проведении примирительных процедур. Подобный порядок находит свое отражение в ст. 24 ГПК Республики Казахстан² и ст. 120 АПК Республики Казахстан.

В общем и целом сравнительный анализ начальных положений позволяет заключить, что многие формулировки изобилуют большей степенью уточнения в сравнении с российскими аналогами, а иногда и развитием идей. Например, в Законе РК № 401–IV, помимо понятия «сторона медиации», наличествует и другое — «участники медиации». С 20 декабря 2021 г. сам вопрос существенно перерабатывается, и теперь в состав участников могут входить также эксперты, переводчики, специалисты и иные лица. Подобное разграничение в принципе не знакомо для отечественной системы, а первое понятие так и вовсе не проработано в достаточной степени. Более конкретен Закон и по отношению к организациям медиаторов, которые могут осуществлять свою деятельность только на некоммерческой основе.

Существенным нововведением является также организационное раскрытие полномочий уполномоченного органа в ведении учета и контроля медиативной сферы. Если ранее такое обязательство просто обозначалось, то с 2021 г. становится возможным отметить конкретные направления деятельности, среди которых возможно выделить следующее: осуществление международного сотрудничества в сфере медиации, ведение мониторинговых операций в установленной области, информацион-

¹ Комментарий к Закону Республики Казахстан «О медиации» от 28 января 2011 года № 401–IV ЗРК // Бюллетень Верховного Суда РК. № 3, 2011.

² Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 31 қазандағы № 377–V Кодексі «Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік Кодексі» // Егемен Қазақстан. 2015 жылғы, 3 қараша. № 210 (28688).

ная поддержка населения об организациях медиаторов и др. На основании проведенного изучения уставных документов органов исполнительной власти следует определить, что в настоящий момент данные задачи возложены на Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан¹. Любопытной тенденцией нового времени, в свою очередь, является переход полномочий от правительства, в сторону вышеозначенного министерства. Так, в редакции рассматриваемого Закона от 19.04.2023 последний субъект получает возможность стандартизации программы обучения медиаторов. Ранее подобная возможность отводилась главенствующему координирующему органу исполнительной власти. В настоящий момент Закон в равной степени признает роль обоих органов публичной власти в организации процедуры медиации, однако ослабевание влияния правительства является скорее положительным началом, позволяя оптимизировать администрирование под выполнение иных задач национального значения. По крайней мере, по состоянию на 2022 г. вовлеченность органов публичного аппарата, скорее, была на неудовлетворительном уровне, будучи в одном ряду с такими проблемами, как отсутствие обязательства на открытие процедуры медиации при разрешении трудовых и семейных споров и недостаток информированности населения [7, р. 22].

Разветвленная система источников права, регламентирующих особенности медиативного разбирательства, безусловно, требует соответствующего уровня контроля, координации и ответственности потенциальной третьей стороны. В этом плане уместно будет отметить наличие специальной реестровой системы, в которую должны быть включены медиаторы. Этот вопрос также прошел через определенный виток развития.

В настоящий момент следует различать подходы в ведении реестровой деятельности для профессиональных и общественных медиаторов. Логичное предположение, что бремя организации реестровой системы возлагается на уполномоченный орган, на деле не раскрывает суть вопроса. По ст. 8–1 Закона РК № 401-IV орган публичной власти стандартизирует реестры общественных медиаторов, а также профессиональных, но только в части медиаторов-судей, находящихся в отставке. В целом следует признать, что, несмотря на редакционные корректировки 2021 г., в Казахстане все еще продолжает действовать децентрализованная реестровая система профессиональных посредников, т. е. каждое медиативное учреждение вело свой индивидуальный список медиаторов (ст. 14 Закона РК № 401-IV).

Несколько иная ситуация в сфере общественной медиации (ст. 15–16 Закона РК № 401-IV). Актуальный подход раскрывается в Приказе Министра информации и общественного развития РК от 21 апреля 2022 г. № 126, вводящего в оборот правила ведения реестра². По данному документу акимы (главы регионального исполнительного органа) вносят данные о кандидатах в локальный реестр либо уведомляют последних об отказе включения в списки. Форма ведения реестра определена приложением к указанному выше приказу.

Иным важным нововведением последнего времени является издание Правил избрания общественного медиатора³. В частности, был уточнен порядок предварительного избрания посредников при участии схода или собрания граждан. Можно сказать, что сам процесс напоминает электоральные отношения с заменой некоторых ключевых субъектов. Претенденты должны подготовить пакет документов, среди которых в т. ч. должны быть заявление по установленной форме; информация о наличии опыта в сфере медиации; сведения о языке, на котором предполагается оказывать юридическую помощь; медицинские справки об отсутствии постановки на учет у психиатра или нарколога, а также иные типовые сведения. Необходимые данные направляются в 10-дневный срок в аппарат акима административной единицы. Исчисление времени начинается после даты опубликования объявления об избрании медиатора.

¹ Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2019 жылғы 26 наурыздағы № 142 Қаулысы «Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінің кейбір мінделері туралы» // ҚР НҚА электрондық түрдегі эталондық бақылау банкі. АЖ 2019 ж. 5 сәуірде.

² Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрінің 2022 жылғы 21 сәуірдегі № 126 бұйрығы «Қоғамдық медиаторлар тізілімін жүргізу қағидаларын бекіту туралы» // ҚР НҚА электрондық түрдегі эталондық бақылау банкі. АЖ 2022 ж. 27 сәуірде.

³ Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрінің 2022 жылғы 3 мамырдағы № 134 бұйрығы. Қоғамдық медиаторды сайлау қағидаларын бекіту туралы // ҚР НҚА электрондық түрдегі эталондық бақылау банкі. АЖ 2022 ж. 13 мамырда.

Медиация и иные формы альтернативного разрешения споров

В национальной практике Казахстана медиация делит свою природу альтернативой формы разрешения дел наряду с такими элементами, как партисипативная процедура, арбитраж и особый порядок разрешения споров на базе Международного финансового центра «Астана» (МФЦА). Первый вариант, в свою очередь, является еще более неформальной процедурой и не требует наличия полноценного посредника в лице судьи [2, с. 40]. Если в «стандартном» выражении медиация разгружает систему правосудия, находясь в низовом положении, то в случае Казахстана данная процедура занимает усредненную позицию и потому получает больший уровень проработки.

Наличие особого субъекта отношений — МФЦА — также вносит особые коррективы в понимание рассматриваемого вопроса. Ключевой особенностью при определении статуса учреждения является его ориентированность на имплементацию «примирительных» практик Англии и Уэльса. Несмотря на внешнюю дисгармонию национального и воспринимаемого права, основная идея заключается в интеграции государства в мировые финансовые потоки, что также предположительно будет иметь положительное влияние на дальнейшее развитие пространства ЕАЭС [3]. Подобные начинания в целом объясняют стремление ассоциироваться с Сингапурской конвенцией 2018 г. Для заявленной темы исследования наиболее важно то, что на базе одного из органов учреждения — Международного арбитражного центра (МАЦ) — были разработаны Правила арбитража и медиации МАЦ (Правила, 2018 г.).

Приоритетным текстом толкования Правил, в силу их транснационального статуса, является английский язык. Непосредственной медиации посвящена ч. III Правил. Особенностью инициации процедуры является подача прошения о медиации сторонами в аппарат МАЦ. Само прошение является документом, отличным от договора о медиации в силу иного набора требований к составлению документа. Если мы говорим о законодательном подходе, то договор должен включать в себя более 13 пунктов, признающихся существенными условиями для открытия медиации. Согласно подходу МАЦ, требований меньше: реквизиты сторон или их законных представителей; краткое содержание спора и оценка стоимости иска; копия или ссылка на достигнутое предварительное соглашение; реквизиты предполагаемого медиатора (из состава МАЦ).

Заключение

Подводя краткий итог сказанному выше, стоит отметить, что вопрос понимания сферы медиации в Казахстане находится на достаточно высоком уровне, особенно в сравнении с отечественным регулированием. Многоуровневый подход к структурированию института, раскрываемого не только в целевом законе, заслуживает положительных эпитетов. Между тем следует признать, что ряд положений требуют дальнейшей проработки. Помимо ряда вышеозначенных тезисов, специалисты придерживаются мнения относительно необходимости интеграции цифровых технологий в сферу медиации, тем более что такая разновидность, как медиация по телефону, пользуется успехом в реальном рассмотрении дел [4, с. 229]. Наиболее слабой стороной национальной медиации является уголовная сфера отношений, что выражается прежде всего в узкой интерпретации потенциала института, воспринимаемого ошибочно только с позиции возможности освобождения от ответственности [6, с. 45].

За последние годы серьезные изменения произошли и в статусе самих медиаторов, которыми сегодня можно считать в т. ч. действующих судей, ведущих дела в рамках гражданского или административного производства. Достаточно оригинальным ходом является создание системы легитимации общественных медиаторов путем гражданского признания. Представляется, что данная механика способна благотворно повлиять на фактор вовлеченности населения в решение публичных вопросов.

Также следует отметить, что сама тема развития института медиации далека от завершения, поскольку в настоящий момент в Республике Казахстан появляется больше смежных форм альтернативного разрешения споров, которые воспринимаются позитивно в плане факта вариативности разрешения спорных ситуаций. Об отдельных из них говорят и в научном поле России, но со словами сожаления, поскольку успешные начинания зарубежной юридической практики не получают у нас должную апробацию [9, с. 60]. Помимо

прочего, в 2019 г. на базе МАЦ была представлена новая услуга «Арб-Мед», являющая собой комбинацию арбитража и медиации¹. Данный вопрос, несомненно, требует проведения дальнейшего исследовательского мониторинга, поскольку есть потенциальная вероятность создания внезаконодательной плоскости урегулирования спорных ситуаций, правомерность действия в которой будет неочевидным фактором.

С позиции региональной практики следует обратить внимание на то, что геополитическое положение Казахстана предполагает гармонизацию его национальных практик в системе регионального партнерства (к вопросу о статусе государства как одного из основателей ЕАЭС). Важной характеристикой любой развитой политической единицы является наличие национального суверенитета. В рамках темы исследования это выражается в принятии актов универсального характера. В свою очередь, закономерным шагом по развитию межгосударственного сотрудничества видится создание стандартизированных требований, способных установить планку качества в вопросах медиации. В этом плане упомянутая ранее Сингапурская конвенция 2018 г. является ценным источником. Речь не идет о необходимости повсеместной имплементации документа (это бы негативно сказалось на факторе самобытности правовых культур региона), но о рецепции определенных идей, заложенных в документе. Так, К. Хаиореас в своем научном труде отмечает, что акт позволяет освободиться от бремени открытия арбитражного процесса в тех случаях, когда достаточно обратиться к settlement agreement. Финансовая экономия также выступает привлекательным фактором [10, р. 70]. Подобная трансформация института медиации в пространстве СНГ видится перспективным шагом. Отмечая высокую значимость модельного законодательства и рекомендаций уровня СНГ для созидания правовой основы каждого государства-члена, представляется уместным инициировать разработку данных положений на базе Межпарламентской ассамблеи стран СНГ. Начальный диалог по линиям министерств юстиции заинтересованных государств позволит уточнить заинтересованность в возможном создании проекта документа.

Литература

1. *Байндыев Р. Т.* Процедура медиации в рамках восстановительного правосудия в Канаде и Республике Казахстан // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 4 (21). С. 3–9. EDN: ХНУКJR. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_4_3
2. *Бижан Н. Р.* Особенности развития института медиации в Казахстане // Современная политика государственного управления: за и против : Материалы научно-практической конференции (с международным участием). В 2 частях. Луганск, 24–25 ноября 2022 года. Ч. I. Луганск. 2022. С. 28–42.
3. *Гончаренко М. А., Хомякова Л. И.* Международный финансовый центр «Астана» как инструмент «мягкой силы» Казахстана и ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 6. С. 110–118. EDN: YYAFEI. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-110-118
4. *Дячук М. И.* Развитие института медиации в Республике Казахстан // Вестник ИЗПИ РК. 2021. № 1 (64). С. 219–232. EDN: UGNCFP. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_64_1_219
5. *Засемкова О. Ф.* Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества (медиации): от мечты к реальности? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 3 (148). С. 60–72. EDN: ZCJFIT. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072
6. *Каленова А. А.* Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 44–46. EDN: RREEOF
7. *Калшабаева М. Ж., Сартаев С. А., Оспанова Д. А.* [и др.] Некоторые проблемы развития медиации как альтернативного способа разрешения споров в Республике Казахстан // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. 2022. Т. 104. № 4. С. 12–25. EDN: FRZLNT. DOI: 10.26577/JAPJ.2022.v104.i4.02
8. *Мицкая Е. В.* Применение медиации в разрешении правовых конфликтов в Казахстане // Теория государства и права. 2020. № 3–1 (19–1). С. 95–106. EDN: UKRNSK. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.026
9. *Соловьев А. А.* О некоторых процедурах разрешения споров мирным путем (опыт Французской Республики) // Вестник Арбитражного суда Московской области. 2019. № 1. С. 49–60.
10. *Hioureas C. G.* The Singapore Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation: A New Way Forward? // Ecology Law Quarterly. 2019. Т. 46. № 1. P. 61–70.

¹ Международный арбитражный центр запустил новую услугу для инвесторов // Международный финансовый центр «Астана». 04.07.2019. URL: <https://iac.aifc.kz/ru/news/new-service-for-investors> (дата обращения: 29.06.2023).

Об авторах:

Чимаров Николай Сергеевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: kolomyagi4@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0661-1035

Чимаров Сергей Юрьевич, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор;
e-mail: serg120756@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8323-6953

References

1. Baidyyev R. T. The Mediation Procedure in the Framework of Restorative Justice in Canada and the Republic of Kazakhstan // *Ural journal of Legal Research [Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij]*. 2022. No. 4 (21). P. 3–9. (In Rus.) EDN: XHYKJR. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_4_3
2. Bijan N. R. Features of the development of the institute of mediation in Kazakhstan // *Modern public administration policy: pros and cons : Materials of the scientific and practical conference (with international participation)*. In 2 parts. Lugansk, November 24–25, 2022. Part I. Lugansk. 2022. P. 28–42. (In Rus.)
3. Goncharenko M. A., Khomyakova L. I. International Financial Center “Astana” as a Tool of “Soft Power” of Kazakhstan and the EAEU // *Economics, Taxes & Law [Ekonomika. Nalogi. Pravo]*. 2020. V. 13. No. 6. P. 110–118. (In Rus.) EDN: YFAFEI. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-110-118
4. Dyachuk M. I. Development of the Mediation Institute in the Republic of Kazakhstan // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan [Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan]*. 2021. No. 1 (64). P. 219–232. (In Rus.) EDN: UGNCFP. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_64_1_219
5. Zasemkova O. F. The Singapore Convention on Enforcement of Mediated Settlement Agreements (Mediation): from Dream to Reality? // *Lex Russica (The Russian Law)*. 2019. No. 3 (148). P. 60–72. (In Rus.) EDN: ZCFJIT. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072
6. Kalenova A. A. Mediation in the Criminal Process of the Republic of Kazakhstan // *Journal of Barnaul Law Institute Russian Interior Ministry [Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]*. 2020. No. 2 (39). P. 44–46. (In Rus.) EDN: RREEOF
7. Kalshabaeva M. Zh., Sartayev S. A., Ospanova D. A. [et al.] Some Problems of the Development of Mediation as an Alternative Way to Resolve Disputes in the Republic of Kazakhstan // *Bulletin of Kazakh National University. Legal Series [Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya]*. 2022. V. 104. No. 4. P. 12–25. (In Rus.) EDN: FRZLNT. DOI: 10.26577/JAPJ.2022.v104.i4.02
8. Mitskaya E. V. Use of Mediation to Permit Criminal Law Conflict in Kazakhstan // *Theory of State and Law [Teoriya gosudarstva i prava]*. 2020. No. 3–1 (19–1). P. 95–106. (In Rus.) EDN: UKRNSK. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.026
9. Solov'ev A. A. On Some Procedures for Resolving a Dispute Peacefully (Experience of the French Republic) // *Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow region [Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskoj oblasti (opyt Francuzskoj respublikii)]*. 2019. No. 1. P. 49–60. (In Rus.)
10. Hioureas C. G. The Singapore Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation: A New Way Forward? // *Ecology Law Quarterly*. 2019. V. 46. No. 1. P. 61–70.

About the authors:

Nikolai S. Chimarov, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the North-Western Institute of Management, RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: kolomyagi4@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0661-1035

Sergey Yu. Chimarov, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor;
e-mail: serg120756@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8323-6953

Внерегionalное влияние на развитие экономической интеграции в регионе АСЕАН

Титович А. М., Торопыгин А. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

В настоящем исследовании обсуждаются внерегиональное влияние и сценарии развития региональной интеграции стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в частности роль будущего соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией в сохранении эффекта конвергенции в ЮВА (Юго-Восточная Азия) в горизонте 2025 г.

Цель. Определить основные тенденции развития внерегионального влияния и прогнозы для региональной экономической конвергенции стран АСЕАН к 2025 г.

Задачи. Определить тенденции и перспективные сценарии развития интеграции стран ЮВА.

Методология. Используются как описательный метод, так и метод системного анализа. Также в настоящем исследовании применяются подходы Евразийского Банка Развития¹ для оценки диспропорции в уровне развития стран АСЕАН (макроэкономических показателей); при анализе временных рядов показателей ВВП, ВВП на душу населения для стран АСЕАН применяется методология Бокса-Дженкинса (ARIMA). Ключевым понятием в рамках настоящего исследования является конвергенция. Конвергенция рассматривается как процесс приближения к определенному уровню или уменьшение разницы между двумя значениями с течением времени [7]; реальная конвергенция способствует сближению экономического уровня стран в составе интегрированной группы (различия в экономических уровнях развития стран тормозят процесс интеграции). Эффект реальной экономической конвергенции для стран АСЕАН в перспективе 2025 г. может принимать разные значения в зависимости от имплементации предлагаемых внерегиональными акторами инициатив (на примере Индо-Тихоокеанской Экономической Структуры и ЗСТ между ЕАЭС и Индонезией).

Результаты. В результатах исследования представлены четыре ранжированных по вероятности сценария развития региональной экономической конвергенции в странах АСЕАН. Установлено, что наиболее вероятным сценарием является тот, при котором инициатива ЕАЭС и Республики Индонезия состоится, при этом предлагаемая США Индо-Тихоокеанская экономическая структура к 2025 г. реализована не будет.

В этом случае региональная экономическая конвергенция в странах АСЕАН может принимать наиболее благоприятное значение.

Выводы. Наряду с общемировым трендом, расширением экономической интеграции через создание зон свободной торговли с другими интеграционными объединениями на развитие экономической интеграции в регионе влияет соперничество между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки.

В перспективе середины — второй половины 2020-х гг. в результате принятие соглашения о свободной торговле между странами ЕАЭС и Республикой Индонезия положительным образом скажется на увеличении темпов региональной экономической конвергенции в ЮВА.

¹ Евразийский Банк Развития / под ред. Винокурова Е. Ю. Система индикаторов евразийской интеграции II. Доклад № 22. СПб. : 2014. 122 с. [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre_report-22_siei-ii_rus_1.pdf?ysclid=Ijjjcthjil458058479 (дата обращения: 03.07.2023).

Ключевые слова: региональное сотрудничество, интеграция, АСЕАН, ЕАЭС

Для цитирования: Титович А. М., Торопыгин А. В. Внерегиональное влияние на развитие экономической интеграции в регионе АСЕАН // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 129–139.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-129-139>

Extra-Regional Influence on the Development of Economic Integration in the ASEAN Region

Adam M. Titovich, Andrey V. Toropygin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: toropyginav@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

ABSTRACT

This study discusses the extra-regional influence and scenarios for the development of regional integration of the countries of the Association of States Southeast Asia (ASEAN), in particular, the role of the future free trade agreement between the EAEU and Indonesia in maintaining the effect of convergence in Southeast Asia (Southeast Asia) in the horizon of 2025.

Aim. To Determine the main trends in the development of extra-regional influence and forecasts for regional economic convergence in ASEAN countries by 2025.

Tasks. Determine the trends and perspective scenarios for the development of the integration of the countries of Southeast Asia.

Methods. Both the descriptive method and the system analysis method are used. Also, this study uses the approaches of the Eurasian Development Bank to assess the disproportion in the level of development of the ASEAN countries (macroeconomic indicators; in the analysis of time series of GDP, GDP per capita for ASEAN countries, the Box-Jenkins methodology (ARIMA) is used. The key concept in this study is convergence. Convergence is seen as the process of approaching a certain level or decreasing the difference between two values over time [7]; real convergence contributes to the convergence of the economic level of countries within an integrated group (differences in the economic levels of development of countries hinder the process of integration). The effect of real economic convergence for ASEAN countries in the future 2025 can take on different meanings depending on the implementation of the initiatives proposed by non-regional actors (for example, Indo-Pacific Economic Structure and FTA between the EAEU and Indonesia).

Results. The results of the study present four probability-ranked scenarios for the development of regional economic convergence in the ASEAN countries. It has been established that the most likely scenario is one in which the initiative of the EAEU and the Republic of Indonesia will take place, while the Indo-Pacific Economic Structure proposed by the United States will not be implemented by 2025.

In this case, regional economic convergence in the ASEAN countries may take on the most favorable meaning.

Conclusions. Along with the global trend, the expansion of economic integration through the creation of free trade zones with other integration associations, the development of economic integration in the region is influenced by the rivalry between the People's Republic of China and the United States of America. Looking forward to the mid-second half of the 2020s. years as a result, the adoption of a free trade agreement between the EAEU countries and the Republic of Indonesia will have a positive impact on the increase in the pace of regional economic convergence in Southeast Asia.

Keywords: regional cooperation, integration, ASEAN, EAEU

For citing: Titovich A. M., Toropygin A. V. Extra-Regional Influence on the Development of Economic Integration in the ASEAN Region // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 129–139. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-129-139>

Введение

Современный мир находится в глубоком кризисе. Согласно Докладу о целях в области устойчивого развития за 2022 г.¹, реализация каждой из семнадцати Целей устойчивого развития столкнулась с вызовами сегодняшнего дня; по большей части достижение запланированных показателей было отложено.

Опасение вызывает также сокращение темпов либерализации в международной торговле, так, согласно данным Всемирной торговой организации², в 2021 г. вступили в силу сорок два региональных торговых соглашения, а в 2022 г. только два.

В 1990-х гг. Юго-Восточная Азия (ЮВА) уже сталкивалась с глобальными структурными изменениями международной обстановки, тогда они были связаны с ростом экономической интеграции в Европейском союзе и Североамериканской зоне свободной торговли, с ускорением темпов экономических реформ в Китайской Народной Республике, политика открытости которой вызвала быстрой приток иностранного капитала. В 1989 г. был учрежден Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

В ответ на глобальные изменения АСЕАН в 1993 г. создает собственную Зону свободной торговли АСЕАН (AFTA), масштабную схему либерализации торговли в ЮВА³. Несмотря на свое продолжительное существование, в период 2003–2021 гг. средний годовой объем внутрирегиональной торговли в АСЕАН составляет всего около 24% от торгового оборота стран АСЕАН⁴.

При анализе макроэкономических показателей стран достаточно явно выделяются следующие группы стран: 1) Бруней и Сингапур, 2) Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины (1 и 2 из указанных групп иногда условно объединяют в АСЕАН6), 3) Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Мьянма (часто используют аббревиатуру CLMV) — далее значения для указанных групп стран приведены по состоянию на 2021 г. — со средним значением ВВП на душу населения 52,1 тыс. долл. США, 6,5 тыс. долл. США, 2,3 тыс. долл. США соответственно⁵.

Средний показатель ВВП на душу населения в странах АСЕАН в 2021 г. составил только 13,9 тыс. долл. США⁶, таким образом, АСЕАН до сих пор не достигает значения в 17,8 тыс. долл. США, характеризующих активную региональную организацию⁷.

Казалось бы, предпосылок для появления эффекта региональной конвергенции в ЮВА нет. Все вышеуказанные статистические сведения и доводы исследователей не позволяют объяснить следующий факт. В период 2000–2021 гг. средний среднегодовой темп роста ВВП на душу населения для стран CLMV составил 5,8% (в то время как для АСЕАН6 — 2,5%), а значит, бедные экономики ЮВА действительно растут быстрее, чем богатые.

Экономический коллапс в результате Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. имел своими последствиями общественные беспорядки, нехватку продовольствия, массовую безработицу, а также ряд крупных политических перемен, например, в индонезийском и малазийском правительствах

¹ Доклад о целях в области устойчивого развития, 2022 год. 2022. 68 с. [Электронный ресурс] // Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2022/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2022-Russian.pdf> (дата обращения: 29.06.2023).

² Regional Trade Agreements Database, World Trade Organization [Электронный ресурс] // WTO OMC. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 23.02.2023).

³ Shimizu K. Structural Change of World. Economy and ASEAN Economic Integration // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2021. No. 10. P. 1–18.

⁴ ASEAN Stats Data Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://data.aseanstats.org/> (дата обращения: 29.06.2023).

⁵ World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 29.06.2023).

⁶ Там же.

⁷ Региональные организации: типы и логика развития / под. ред. Винокурова Е. Ю. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2016. 86 с. [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/087/edb-centre_2016_report-37_regional-organizations_rus.pdf (дата обращения: 29.06.2023).

(отставка Сухарто (президент Индонезии 1968–1998 гг.), снятие с поста в Малайзии вице-премьера Анвара Ибрагима, осужденного за коррупцию, впоследствии был оправдан и освобожден), акты сепаратизма в Индонезии (например, провозглашение независимости Тимор-Лешти) и т. д.

COVID-19, конечно, тоже оказал серьезное влияние на темпы развития региональной экономики в ЮВА, впервые с Азиатского финансового кризиса 1997–1998 г. средний годовой темп роста ВВП в странах АСЕАН был отрицательным (в 2020 г.). Вместе с тем таких же потрясений, как в 1997–1998 гг., ЮВА не испытала.

Текущая итерация Программы Экономического сообщества АСЕАН 2025 сосредоточена на упрощении процедур торговли¹. В новом видении своих действий к 2025 г. члены Экономического сообщества АСЕАН оставили некоторые трудно достигаемые цели, присутствовавшие в ранее принятых документах. Определенные, реалистичные и осторожные цели свидетельствуют о том, что экономическое интеграционное развитие АСЕАН замедляется.

Краеугольным камнем развития региональной интеграции в АСЕАН остается верховенство национального суверенитета, зафиксированное как в основополагающих документах АСЕАН, так и являющееся разделяемой всеми региональными акторами незыблемой ценностью и основой регионального порядка в ЮВА.

Основой регионального и межрегионального экономического сотрудничества АСЕАН стали создаваемые ЗСТ, являющиеся эффективным инструментом, направленным на дипломатические и экономические изменения в ЮВА.

Страны ЮВА вплетены в сети действующих соглашений о ЗСТ, соглашений на стадии консультации и изучения, и тех, по которым уже начаты переговоры. Среднее число таких соглашений для страны — участницы АСЕАН составляет 28. Сингапур отличается наибольшей вовлеченностью в процессы либерализации торговли товарами (работами) и услугами и участвует более чем в 40 процессах, Лаос и Мьянма наименее вовлечены, но вместе с тем такое число процессов для них составляет 16.

Региональные акторы ЮВА, оплетая себя такими ЗСТ, сохраняют возможность участвовать в определении региональной повестки экономического сотрудничества. Вместе с тем сама повестка определяется уже не самой АСЕАН, а крупными внерегиональными акторами — например, КНР и США.

Известно, что в декабре 2022 г. был запущен процесс заключения соглашения о свободной торговле между странами ЕАЭС и Республикой Индонезия. В начале апреля в Джакарте начались соответствующие переговоры².

Согласно сведениям статистического портала АСЕАН³, товарооборот стран ЕАЭС и Республики Индонезия в 2021 г. (относительно 2020 г.) вырос на 48% и составил около 3 334 млн долл. США, по данным Евразийской экономической комиссии, в период с января по сентябрь 2022 г. товарооборот стран ЕАЭС и Индонезии (по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.) вырос на 48,4%⁴.

Указанные данные позволяют нам говорить о том, что в последние пару лет заметна активизация торговых отношений между указанными странами, вместе с тем возможно предположить, что появление новой ЗСТ поможет сохранению эффекта региональной конвергенции стран ЮВА.

Обсуждение и результаты

Действительно, можно говорить об однозначном росте обсуждаемых показателей для стран АСЕАН в горизонте 2025 г. Согласно полученным результатам, суммарный ВВП стран АСЕАН в 2025 г. составит 3,6 трлн долл. США (4,3 трлн долл. США в оптимистичном прогнозе).

¹ Toward ASEAN Economic Community 2025: Monitoring ASEAN Economic Framework [Электронный ресурс] // ASEAN Secretariat. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Towards-AEC-2025-Monitoring-ASEAN-Economic-Integration.pdf> (дата обращения: 03.07.2023).

² ЕАЭС и Индонезия начали переговоры по соглашению о свободной торговле [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 04.04.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-indoneziya-nachali-peregovory-po-coglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/?ysclid=lly55q05rc800520997> (дата обращения: 10.04.2023).

³ ASEAN Stats Data Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://data.aseanstats.org/> (дата обращения: 23.02.2023).

⁴ ЕАЭС и Индонезия дали старт переговорам по соглашению о свободной торговле [Электронный ресурс] // Отдел информационного обеспечения Департамента протокола и организационного обеспечения Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-indoneziya-dali-start-peregovorom-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/?ysclid=leh3g30q3x248485212> (дата обращения: 23.02.2023).

Наиболее широко распространено мнение, что суммарный ВВП стран АСЕАН к 2025 г. может составить более 4 трлн долл. США, это подтверждается в докладе сингапурской финансовой холдинговой компании DBS Bank¹. Вместе с тем необходимо понимать, что как в экономических, так и социальных показателях государств АСЕАН существует значительная диспропорция [6]. Не в последнюю очередь это влияние внешних факторов.

Место АСЕАН в глобальной конкуренции США и КНР

Необходимо учитывать, что с принятием Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН (ASEAN Outlook on Indo-Pacific)², в целях хеджирования своих внешнеполитических рисков по участию в инициативах США и КНР, АСЕАН пытается взять на себя роль институционального гаранта сохранения стабильности региональной архитектуры в Юго-Восточной Азии. Однако принять условия глобальной конкуренции США и КНР им также пришлось.

Сложно говорить о том, что в предлагаемой сегодня Западом модели регионального порядка Азиатско-Тихоокеанского региона АСЕАН сможет сыграть ключевую роль. Вместе с тем страны АСЕАН приняли для себя решение принять участие в Индо-Тихоокеанском процессе, получая как среднесрочные материальные (например, инвестиции на инфраструктурные проекты), так и моральные выгоды (например, внимание и одобрение со стороны США в рамках проводимых АСЕАН мероприятий).

В 2021 г. президент США Джо Байден в рамках Саммита стран Восточной Азии приветствовал³ принятие АСЕАН концепции Индо-Пацифики, и, что более важно, также в выступлении отмечалось стремление США к новым обязательствам в отношении стран АСЕАН. Джо Байден обещал более 100 млн долл. США на реализацию новых совместных инициатив.

Весьма очевидно, что регионализм может принимать доброжелательные и злонамеренные формы, последние способствуют экономическим спадам и даже конфликтам [4]. Примером тому служит AUKUS, который вызывает острые опасения как тревожный прецедент нарушения политики ядерного нераспространения⁴. Появление AUKUS вполне укладывается в понимание как средство укрепления баланса сил в отношении морской экспансии КНР в регионе.

США были также предложены «столпы» экономической структуры Индо-Тихоокеанского региона, Indo-Pacific Economic Framework. Следует задаться вопросом, какие последствия инициируемая Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИТЭС) создаст для развития экономик стран ЮВА, учитывая существующие огромные различия в размере и уровне развития.

Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИТЭС, IPEF)

Создание ИТЭС выступает центральным элементом экономической стратегии администрации Джо Байдена в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ИТЭС выступает камуфляжем Индо-Тихоокеанской стратегии в качестве очередного инструмента, направленного на формирование менее зависимых от КНР цепочек поставок и предотвращения доступа Китая к важным технологиям, что может оказать неодолимое влияние на стабильный экономический рост в АТР.

США не хотят предлагать функционирующий институт регионального экономического сотрудничества, но создают очередную платформу, которая будет лишь отвлекать КНР от ее успешной экономической

¹ Indonesia: Bright Spot in a Vibrant ASEAN-6 Region [Электронный ресурс] // DBS Bank. URL: https://www.dbs.com.sg/corporate/aics/templatedata/article/generic/data/en/GR/032023/230308_insights_indonesia_asean.xml (дата обращения: 30.06.2023).

² ASEAN Outlook on the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // Association of Southeast Asian Nations. 23.06.2019. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

³ Indo-Pacific Strategy of the United States. President Joe Biden. Speeches and Remarks at East Asia Summit [Электронный ресурс] // Briefing Room. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/11/fact-sheet-indo-pacific-strategy-of-the-united-states/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Фаттер Э. Трехстороннее партнерство AUKUS: политика, ядерное распространение и подводные лодки [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tryekhstoronnee-partnyerstvo-aucus/?ysclid=leiguyiwqg901032119> (дата обращения: 23.02.2023).

повестки. Успех этот подтверждается не только макроэкономическими показателями КНР, но и функционированием Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, в который входят все страны АСЕАН¹.

Заместитель торгового представителя США Сара Бьянки заявила в начале февраля 2022 г.², что США определили основополагающие принципы Индо-Тихоокеанской экономической структуры: справедливая и устойчивая торговля, устойчивость цепочек поставок, инфраструктура и декарбонизация, пошлины и борьба с коррупцией. Ожидаемо, что США также будет стремиться включить в структуру регионального экономического сотрудничества высокий уровень стандартов, которые не будут принимать во внимание различный уровень развития стран ЮВА.

Г. Б. Полинг и А. Наталегав³ в своем докладе отметили, что инициатива США будет реализовываться исполнительными органами власти и не будет представлять собой традиционную торговую сделку, требующую одобрения Конгресса США, который ранее так и не ратифицировал ТТП (Транстихоокеанское партнерство). Именно эта особенность и не позволит США предложить более широкий доступ к национальному рынку или любые другие уступки, которые требуют изменений в законодательстве. В действительности функциональная сосредоточенность проекта ИТЭС на исполнительных органах власти вызывает опасение, структура может быть сильно зависима от внутренней политической повестки США.

Ван И, министр иностранных дел КНР (2013–2022 гг.), в 2021 г. на заседании консультативного совета Форума по международному сотрудничеству «Один пояс — один путь» также выразил свои опасения и обозначил ряд критериев для оценки⁴ «недавно предложенных некоторыми странами новых инициатив в области инфраструктуры и региональной экономической структуры». Критериями такой оценки инициатив должны быть положительные ответы на вопросы: ставят ли они на первое место развитие; являются ли они открытыми; преследуют ли они взаимную выгоду.

ИТЭС, предлагаемая США, в настоящее время не направлена на содействие региональному сотрудничеству и развитию и является лишь стремлением США к гегемонии только в своих интересах и к сдерживанию КНР. Предположительные высокие стандарты структуры противоречат желанию привлечь как можно больше стран. Одним из вероятных результатов такого позиционирования станет то, что избранные страны, такие как Япония, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур, Бруней, Вьетнам и Южная Корея, смогут присоединиться к новой структуре, предлагаемой США. Учитывая фактическое отсутствие на сегодняшний день структуры регионального экономического сотрудничества в рамках ИТЭС, представляется возможным предположить, что реализация данного проекта все же сможет обеспечить, прежде всего, неравномерный рост экономик в странах ЮВА.

Страны Юго-Восточной Азии при этом за последние десять лет значительно укрепили пул своих внешнеэкономических партнеров, в том числе посредством участия в мегаторговых сделках, таких как Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), но за этим скрываются еще большие трудности для дальнейшей институционализации АСЕАН.

Иные новые мульти- и минилатеральные платформы регионального экономического сотрудничества, исключающие равномерное участие всех стран АСЕАН, создают дополнительное конкурентное поле уже для самих существующих институтов АСЕАН, подрывая центральную роль организации в регионе.

Из этого предположения возможно построить прогнозы развития региональной экономики ЮВА, кроме того, можно определить ключевые сценарии развития эффекта региональной экономической кон-

¹ Asian Economic Integration Report 2022. Advancing Digital Services Trade in Asia and the Pacific. February 2022. С. 3 [Электронный ресурс] // Asian Development Bank (ADB). URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2022_complete.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

² Harris T., Sutton T. Biden's Economic Plan Leaves Asian Leaders Wanting More [Электронный ресурс] // FOREIGN POLICY (FP). 27.05.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/27/indo-pacific-economic-framework-ipef-biden-asia-trade/> (дата обращения: 23.02.2023).

³ Poling G. B., Natalegawa A. The Indo-Pacific Economic Framework & Digital Trade in Southeast Asia [Электронный ресурс]. URL: https://sis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/220505_Natalegawa_IPEF_Southeast_Asia.pdf?Yor_TQ_SOVTZSY1CpjPSCZjpdXrlmp6 (дата обращения: 23.02.2023).

⁴ Remarks by State Councilor Wang Yi at the Meeting of the Advisory Council of The Belt and Road Forum for International Cooperation 2021 [Электронный ресурс] // Mission of the People's Republic of China to the European Union. 18.12.2021. URL: http://eu.china-mission.gov.cn/eng/mhs/202112/t20211218_10471345.htm (дата обращения: 23.02.2023).

вергенции и роль будущего соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Индонезией в сохранении эффекта региональной конвергенции.

Визуализация результатов исследования.

Сценарии развития региональной экономической конвергенции в ЮВА в горизонте 2025 г.

На рисунке представлены рассчитанные пузырьковые диаграммы для стран АСЕАН. Расстояния между координатами стран и региона — в Евклидовом двумерном пространстве, где ось X — значение ВВП на душу населения для страны (региона), ось Y — темп роста ВВП страны (региона). При этом координаты региона соответствуют среднему значению координат всех стран, входящих в регион¹. Сокращение расстояния между точкой страны ЮВА и точкой АСЕАН будет также свидетельствовать о наличии конвергенции, равным образом увеличение расстояния — о дивергенции. Для целей настоящего исследования произведен расчет расстояния от стран ЮВА, групп стран ЮВА (АСЕАН6, CLMV) до условной точки АСЕАН.

В целях построения прогнозов развития процессов региональной конвергенции в странах АСЕАН была применена методология Бокса-Дженкинса (ARIMA) для временного ряда показателя ВВП на душу населения стран АСЕАН.

Временные рамки наблюдения значений показателей для стран АСЕАН ограничены 2025 г. (как год завершения Программы Экономического сообщества АСЕАН-2025).

При анализе адекватности предсказанных значений использовался коэффициент детерминации R^2 , это значение говорит нам, к чему предсказываемые значения ближе, к полученному прогнозному значению или к их среднему значению. Если $R^2 = 0$, то выбранный метод прогнозирования ничем не отличается от прогноза средним значением, чем ближе значение R^2 к 1, тем точнее прогноз объясняется и подтверждается исходными данными (историческими).

Прогноз, очевидно, носит вероятностный характер. В настоящем случае R^2 для прогнозных моделей ВВП на душу населения, ВПП составил 0,85, 0,87 соответственно. Следовательно, представленный далее в работе прогноз адекватный. В результате применения методологии ARIMA к обсуждаемым временным рядам ВВП были получены два наиболее вероятных прогноза значений (оптимальный и оптимистичный в случае прогноза ВВП).

На рисунке достаточно явно виден значительный разрыв в развитии экономик стран ЮВА, даже несмотря на то, что данные были нормированы. Источник исторических данных: World Bank Open Data² (2000–2021 гг.). Также на рисунке представлена условная точка для АСЕАН, представляющая собой усредненное значение показателей по всем странам АСЕАН.

Вместе с тем наибольший интерес для исследования вызывают значения расстояний между странами ЮВА и этой усредненной точкой АСЕАН, представленные далее в таблице как в среднем для АСЕАН, так и для обозначенных ранее групп стран внутри АСЕАН (АСЕАН6 и CLMV).

Как можно видеть из значений, указанных в таблице, расстояние между точками стран ЮВА в период 2000–2010 гг. сокращалось, что может свидетельствовать об интенсивных процессах регионального сотрудничества и интеграции. Однозначно выделяется также увеличение такого расстояния в 2020 г., это свидетельствует об объективном сокращении процессов регионального сотрудничества в период пандемии COVID-19. Такую же динамику мы можем видеть по Индексу регионального сотрудничества и интеграции, рассчитываемому Азиатским банком развития³.

¹ Система индикаторов евразийской интеграции II. Доклад № 22. Евразийский Банк Развития / под ред. Винокурова Е. Ю. СПб. : 2014. 122 с. [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre_report-22_siei-ii_rus_1.pdf?ysclid=Ijjctjtil458058479 (дата обращения: 03.07.2023).

² World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Asian Economic Integration Report 2023: Trade, Investment, and Climate Change in Asia and the Pacific. Philippines. 2023. P. 293 [Электронный ресурс] // The Asian Development Bank (ADB). URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/859946/asian-economic-integration-report-2023.pdf> (дата обращения: 29.06.2023).

Рис. Пузырьковые диаграммы для стран АСЕАН в 2005, 2015, 2025 гг.

(ось X — ВВП на душу населения, ось Y — темп роста ВВП).

Fig. Bubble charts for ASEAN countries in 2005, 2015, 2025 (X-axis — GDP per capita, Y-axis — GDP growth rate).

Источник: составлено авторами

Евклидово расстояние между странами (группами стран) АСЕАН
Table. Euclidean distance between ASEAN countries (groups of countries)

Группа стран	Год					
	2000	2005	2010	2015	2020 (COVID)	2025
	АСЕАН	АСЕАН	АСЕАН	АСЕАН	АСЕАН	АСЕАН
Среднее значение для страны АСЕАН	0,40	0,39 уменьш.	0,32 уменьш.	0,36 увел.	0,39 увел.	0,41 увел.
АСЕАН6	0,43	0,40 уменьш.	0,36 уменьш.	0,38 увел.	0,42 увел.	0,41 уменьш.
CLMV	0,35	0,38 увел.	0,24 уменьш.	0,34 увел.	0,34	0,40 увел.

Источник: составлено авторами

Относительно 2000 г. в горизонте 2025 г. диспропорции в уровнях развития стран ЮВА может возрасти. Лишь после COVID-19 мы видим возможное незначительное сокращение разрыва в странах АСЕАН6 ввиду реализованных в АСЕАН мер по стабилизации и поддержанию региональной экономики от вызовов пандемии. Конечно, менее развитые страны АСЕАН (CLMV) такими же ресурсами для ликвидации негативных экономических последствий продолжительной пандемии не обладают, их отставание может лишь возрасти.

Повестка регионального экономического сотрудничества в ЮВА сегодня определена необходимостью борьбы с последствиями пандемии COVID-19, вызовами глобальной конкуренции США и КНР.

Следует отметить, что процессы региональной экономической интеграции в ЮВА являются лишь ответом на глобальные вызовы, но сами они не определяют региональную повестку.

Принимая во внимание существующие опасения исследователей [5], касающиеся опасности того, что Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины попадут в группу стран со средним уровнем дохода и медленным экономическим ростом, что, в свою очередь, приведет к еще большему разрыву в уровне развития экономик стран ЮВА, необходимо отметить, что такие направления регионального экономического сотрудничества, поддерживающие устойчивое развитие в отдельно взятой стране ЮВА или равномерное участие всех стран АСЕАН, благоприятно скажутся на сохранении эффекта региональной конвергенции в ЮВА.

Очевидно, что ответ, какие тенденции развития возобладают в регионе АСЕАН, носит вероятностный характер. Учитывая прогнозные состояния региональной экономической конвергенции в ЮВА к 2025 г., возможно определить четыре возможных сценария развития, которые представлены далее, от наиболее вероятного к менее вероятному.

Сценарий 1. Наиболее вероятным сценарием мы видим заключение соглашения о свободной торговле между Республикой Индонезия и странами ЕАЭС, при этом иницируемая США ИТЭС в перспективе 2025 г. реализована не будет. Согласно оценкам Евразийской экономической комиссии¹, либерализация условий торговли позволит сторонам нарастить товарооборот еще на 1,5 млрд долл. США, что, безусловно, окажет положительное влияние на развитие экономики Индонезии. В этом случае, учитывая, что Индонезия не отличается высоким значением показателя ВВП на душу населения среди других стран АСЕАН, дополнительная диверсификация внешнеэкономических партнеров может положительно отразиться на сокращении отставания Индонезии от наиболее развитых стран ЮВА.

Сценарий 2. Второй наиболее вероятный сценарий — сохранение статус-кво, новые инициативы регионального экономического сотрудничества в ЮВА в перспективе 2025 г. акторы реализовать не успеют.

¹ ЕАЭС и Индонезия дали старт переговорам по соглашению о свободной торговле [Электронный ресурс] // Отдел информационного обеспечения Департамента протокола и организационного обеспечения Евразийской экономической комиссии. 05.12.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-indoneziya-dali-start-peregovoram-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/?ysclid=leh3g30q3x248485212> (дата обращения: 23.02.2023).

Сценарий 3. Менее вероятным сценарием развития региональной экономической конвергенции в странах ЮВА является реализация как инициативы США (ИТЭС), так и ЗСТ между ЕАЭС и Индонезией.

В таком случае, учитывая, что инициатива США будет направлена исключительно на более развитые страны ЮВА (Сингапур, Малайзия и т. д.), способные соответствовать устанавливаемым США высоким стандартам для внешних партнеров, такое положение дел приведет к увеличению разрыва в экономическом развитии между странами АСЕАН, однако, как и было обозначено ранее, ЗСТ между Индонезией и странами ЕАЭС, в свою очередь, позволит немного сбалансировать отставание Индонезии от наиболее развитых стран ЮВА.

Сценарий 4. Наименее вероятным и одновременно наименее благоприятным сценарием является реализация исключительно инициативы США (ИТЭС), что приведет к заметному экономическому разрыву между странами АСЕАН, что одновременно может привести к сокращению темпов экономической интеграции в ЮВА. В большей степени при этом сценарии действие наблюдаемого эффекта конвергенции сократится непосредственно для наименее развитых стран региона, CLMV.

В отличие от ВРЭП предлагаемая США ИТЭС не будет предполагать соответствующие формы гибкого подхода, учитывающие различные уровни развития участвующих стран, в том числе положения об особом и дифференцированном режиме и разные временные льготы по имплементации для менее развитых стран АСЕАН (CLMV).

Выводы

Очевидно, что влияние внерегиональных факторов на интеграцию в рамках АСЕАН может быть как отрицательным, так и положительным. Индо-Тихоокеанский процесс, инициированный США, вступает в конкуренцию с существующими региональными институтами АСЕАН и отрицательно скажется на развитии АСЕАН. Торговое Соглашение между ЕАЭС и Индонезией экономически, да и политически выгодно и ЕАЭС, и АСЕАН.

Литература / References

1. Box G. E. P., Jenkins G. M. Time series analysis; forecasting and control. San Francisco : Holden-Day, 1970, 553 p.
2. Box G. E. P., Jenkins G. M., Reinsel G. C. [et al.] Introduction to Time Series and Forecasting. New Jersey : John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, 2016, 709 c.
3. Brockwell P. J., Davis R. A. Introduction to Time Series and Forecasting. New York : Springer, 2002, 449 p.
4. Gilpin R. U.S. Power and the Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment. New York : Basic Books, 1975. 291 p.
5. Ishikawa K. The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2021. No. 10 (1). P. 24–41. DOI: 10.1080/24761028.2021.1891702
6. Jovanović M. N. The Economics of International Integration. 2nd edition. Dušan Sidjanski Centre of Excellence in European Studies, Global Studies Institute, University of Geneva, (2007) 2016. 736 p.
7. Žďárek V., Šindel J. Selected Issues Relating to Real and Nominal Convergence on New EU Member States. Monetary Policy, Trade and Convergence: The Case of Transition Economies, 2nd edition. 2009. P. 195–219.

Об авторах:

Титович Адам Михайлович, аспирант факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: lutkof@hotmail.com

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

About the authors:

Adam M. Titovich, Postgraduate Student of the Faculty of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: lutkof@hotmail.com

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: toropyginav@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Россия и Китай: перспективы развития городских агломераций¹

Вульфович Р. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-1303-9057

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение развития городов и агломераций, являющегося актуальной проблемой в равной степени для КНР и РФ. Уровень урбанизации по мере развития территорий возрастает, что вызывает необходимость осмысления происходящих в урбанизированных регионах процессов и принятия управленческих решений для повышения качества жизни и выравнивания его на всей территории. В рамках этих процессов сохраняется роль городов-ядер, являющихся центрами преимущественного развития для всей урбанистической системы в целом.

Цель. Целью исследования является сравнительный анализ тенденций развития в урбанизированных регионах КНР и РФ.

Задачи. Проанализировать основные параметры качества жизни в крупных городах России и КНР. Рассмотреть основные тенденции развития городских агломераций в направлении его выравнивания. Определить возможности взаимного использования опыта обеих стран в рамках этого процесса.

Методология. В исследовании используется системный подход с элементами структурно-функционального подхода и сравнительного метода исследования.

Результаты и выводы. В качестве основных тенденций развития урбанизированных регионов России и КНР выделены следующие: рост масштабов территорий и концентрация на них значительного населения, связанное с этим обострение ряда проблем, как то нарастание конкуренции на интегрированном рынке труда, стандартизация и унификация предоставления базовых услуг, повышающие нагрузку на местные бюджеты и часто ограничивающие автономию муниципальных образований, необходимость совершенствования транспортных систем для повышения мобильности населения на всей входящей в состав агломерации территории.

Ключевые слова: агломерация, качество жизни, город-ядро, преимущественное развитие, системный подход, рынок труда, мобильность

Для цитирования: Вульфович Р. М. Россия и Китай: перспективы развития городских агломераций // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 140–149.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-140-149>

Russia and China: Prospects for the Development of Urban Agglomerations

Revekka M. Vulfovich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-1303-9057

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112900037-6. 29.11.2022.

ABSTRACT

This research is aimed at studying the development of cities and agglomerations, which is an urgent problem equally for the People's Republic of China and the Russian Federation. The level of urbanization increases with the development of territories, which makes it necessary to comprehend the processes taking place in urbanized regions and make management decisions to improve the quality of life and equalize it throughout the territory. Within the framework of these processes, the role of core cities remains, which are the centres of preferential development for the entire urban system as a whole.

Aim. Comparative analysis of development trends in urbanized regions of China and Russia.

Tasks. To analyse the main parameters of the quality of life in large cities of Russia and China. To consider the main trends in the development of urban agglomerations in the direction of its alignment. To determine the development and possibilities of mutual use of the experience of both countries in this process.

Methods. The study uses a systematic approach with elements of a structural and functional approach and a comparative research method.

Results and conclusion. As the main trends in the development of urbanized regions of Russia and China, the following are highlighted: the growth of the scale of territories and the concentration of a significant population on them, the associated aggravation of a number of problems, such as increasing competition in the integrated labour market, standardization and unification of the provision of basic services, increasing burden on local budgets and often limiting the autonomy of municipalities, the need to improve transport systems to increase the mobility of the population throughout the territory of the agglomeration.

Keywords: agglomeration, quality of life, core city, preferential development, systematic approach, labour market, mobility

For citing: Vulfovich R. M. Russia and China: Prospects for the Development of Urban Agglomerations // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 140–149. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-140-149>

Введение

Современный мир переживает множественные изменения, среди которых интенсивная урбанизация, превращающая города в центры развития, часто более мощные и значимые, чем национальные государства. Одним из государств, где урбанизация взята под контроль и регламентируется и регулируется в значительной степени общенациональным уровнем управления, является КНР [13]. И хотя тенденция к централизации управления данным процессом не всеми специалистами оценивается положительно, нельзя не признавать очевидные достижения, достигнутые урбанизированными регионами Китая [9]. Нельзя также не отметить, что одновременно с ярко выраженной тенденцией к централизации происходит и развитие местного самоуправления, что расширяет самостоятельность городов и урбанизированных регионов в стране, но одновременно создает для них определенные сложности в процессе обеспечения высокого уровня качества жизни не только на территории самого города, но и на прилегающей территории [11].

В Российской Федерации в 2018 г. также принята Стратегия пространственного развития¹, где в особые территориальные единицы выделены крупные и крупнейшие агломерации. Таким образом, роль и значение городов в развитии обеих стран признано на общегосударственном уровне, так же как и стремительные изменения, происходящие в самих городах и на окружающих их территориях [3].

В качестве основных проблем, связанных с процессом агломерирования и сохранением при этом роли города как центра притяжения и развития в новых социально-экономических условиях, можно выделить следующие.

¹ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 11.06.2023).

1. Города XXI столетия радикально изменяются по масштабу (территория и численность населения), структуре, функциям.
2. Качество жизни в них, как правило, выше, чем на окружающей территории, что делает город центром притяжения, интенсивно влияет на прилегающий регион.
3. Города России в последние годы переосмысливают свою роль в развитии пространства страны.
4. Крупнейшие города Китая, не утрачивая свою самостоятельность и идентичность, в значительной степени развиваются по программе, сформулированной государством с высоким уровнем централизации процесса управления и в русле идеологических целей, формулируемых правящей Коммунистической Партией Китая.
5. Одновременно города включены в системы более высокого порядка — национальные и интернациональные системы городов — в рамках изменений глобального масштаба.

При всех происходящих изменениях ядром или ядрами крупнейших урбанизированных регионов остаются города. Их идентичность и значение для отдельных регионов, государств, а также для глобальных процессов не вызывает сомнения.

Город-ядро как центр городской агломерации

Еще в 30-е годы прошлого столетия выдающийся социолог и урбанист Льюис Мамфорд выделял в общей значимости города для социума групповой аспект его функционирования, экономическую и социальную значимость протекающих в нем процессов. Он писал: «Город взаимосвязанная совокупность первичных групп и целенаправленных ассоциаций... Вторые есть особые характеристики городской жизни. Они поддерживают себя через экономические организации..., размещаются в постоянных сооружениях в пределах относительно ограниченной территории. Важнейшие физические признаки города: постоянное местоположение, надежные укрытия, помещения для сбора, обмена и хранения продуктов. Основной социальный признак — разделение труда, обслуживающее экономическую жизнь и культурные процессы. Город в полном смысле слова — это географическое сплетение, экономическая организация, институциональный процесс, центр социального действия и эстетический символ коллективного единства. В городе сосредоточена наиболее целенаправленная деятельность человека, которая... достигает значимых кульминаций» [10, с. 134].

Ограниченность городского пространства всегда усиливала динамику этих процессов, приводя к кульминационным моментам, возникновению бифуркаций, менявших направление развития не только самого города, но и всей окружающей его территории, государства, в составе которого он функционирует, а также, подчас, ход мировой истории. Все три русские революции начинались именно в Санкт-Петербурге — Петрограде.

Современный город в процессе роста превращается в систему с более сложной структурой. Агломерации включают территорию собственно города-ядра, прилегающую к нему сельскую местность, а также территории муниципалитетов, расположенных вокруг города-ядра. При сравнении крупнейших российских агломераций — Московской и Санкт-Петербургской, европейских — Парижской, Берлинской, Лондонской, так называемого трехштатного Нью-Йорка с агломерациями КНР — Пекинским столичным регионом, агломерациями долины реки Янцзы и Жемчужной реки — отчетливо видно, что последние являются многоядерными и имеют гораздо больший масштаб по территории и численности населения¹. Необходимость повышения темпов социально-экономического развития, выравнивания жизни в важнейших регионах КНР в 2010 г. привели к принятию специальной программы развития вышеназванных территорий. В целом на территории КНР было выделено 23 агломерационных образования [13].

Несмотря на формирование крупных систем такого типа, при оценке различных аспектов функционирования урбанистических центров в качестве объектов исследования выступают города, имеющие конкретные границы, собственную идентичность, сформировавшуюся в течение длительного периода.

¹ Kotkin J. China's Urban Crisis. Authoritarian Planning, Rising Class Tensions, and Sophisticated Population Surveillance Cast a Shadow on the Country's Rapidly Growing Cities [Электронный ресурс] // States and Cities, The Social Order. Spring 2019. URL: <https://www.city-journal.org/article/chinas-urban-crisis> (дата обращения: 15.08.2023).

Так, исследовательский центр британского университета Лафборо, оценивая международное значение городов, относит наиболее значимые города России и Китая к категориям альфа и бета, выделяя их как центры экономического глобального развития, международного сотрудничества.

Пекин и Шанхай — ядра крупнейших китайских агломераций, отнесены к категории альфа+ (максимально возможно альфа++); Москва — к категории альфа; Гуанчжоу (Guangzhou), Шеньчжень (Shenzhen) — альфа минус; Ченду (Chengdu) — бета плюс; Тяньдзинь (Tianjin), Нанкин (Nanjing), Ханчжоу (Hangzhou), Чунцин (Chongqing) — бета; Ухань (Wuhan), Чанша (Changsha), Сямынь (Xiamen), Чженчжоу (Zhengzhou), Шенян (Shenyang), Сиань (Xi'An), Санкт-Петербург — бета минус¹.

В ходе оценки значимости городов по различным категориям, производимой регулярно всемирно известной консалтинговой компанией «Кирни» (Kearney), Пекин был выделен как город, где расположено максимальное количество (17 из 25) крупнейших в мире китайских компаний, Шанхай — как морской порт с максимальным объемом морских грузовых перевозок, Москва — как город, где расположено максимальное количество музеев в мире, а Санкт-Петербург — как центр сотрудничества городов, имеющих статус городов-побратимов².

При этом ведущие позиции в той или иной сфере деятельности не гарантируют возможности решения всех проблем, связанных с качеством жизни как основным показателем благополучия и процветания города и формируемой им агломерации. По данным информационной базы «Нумбо» (Numbeo), качество жизни, оцениваемое по ряду критериев (индекс покупательной способности, индекс безопасности, индекс качества здравоохранения, индекс состояния климата, индекс стоимости жизни, соотношение стоимости недвижимости и уровня дохода, индекс мобильности, индекс загрязнения окружающей среды), в Москве, Санкт-Петербурге и Пекине уступает австралийскому Сиднею, а также ряду других зарубежных городов (см. рисунок). Немалую роль играют в этом существующие экологические проблемы, решение которых может осуществляться эффективно, в том числе при активном взаимодействии городов. Качество жизни как основная цель развития городов и критерий оценки эффективности их систем управления является одним из наиболее важных показателей благополучия города.

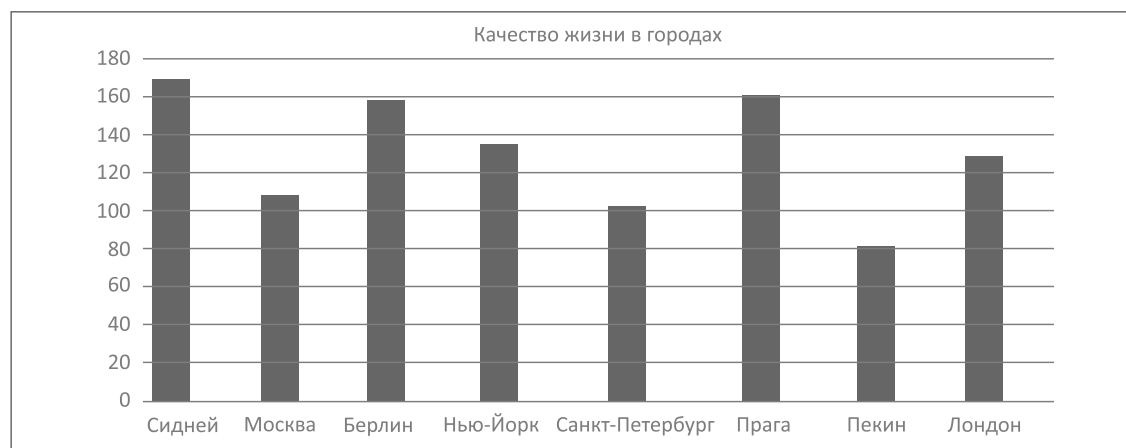

Рис. Качество жизни в отдельных городах мира

Fig. The quality of life in individual cities of the world

Источник: составлено автором по данным электронной базы NUMBEO³

¹ The World According to GaWC 2020GaWC [Электронный ресурс] // Globalization and World Cities. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/world2020t.html> (дата обращения: 11.06.2023).

² Readiness for the storm: the 2022 Global Cities Report [Электронный ресурс] // Kearney.com. URL: <https://www.kearney.com/global-cities/2022> (дата обращения: 11.06.2023).

³ Quality of Life [Электронный ресурс] // NUMBEO. URL: <https://www.numbeo.com/quality-of-life/> (дата обращения: 11.06.2023). База НУМБО использует при определении рейтинга данные статистики по указанным ранее критериям и мнение жителей, исследуемое в ходе опросов. Оценка дается в баллах, а расчет производится по разработанной исследовательской базой формуле. В расчете определяется также вес каждого из используемых показателей. О методологии исследования НУМБО см.: About Quality of Life Indices At This Website [Электронный ресурс]. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/indices_explained.jsp (дата обращения: 11.06.2023).

Данные другой информационной базы — «Телепорт» показывают существенное сходство между показателями качества жизни столиц КНР и РФ, что также свидетельствует о необходимости тесного сотрудничества между обоими городами, одновременно являющимися ориентиром для развития больших регионов и стран в целом. По некоторым показателям оба города лидируют среди 264 городов мира, в чем-то Москве есть чему поучиться у Пекина. Наиболее высокие показатели выделены жирным шрифтом (таблица 1). Качество окружающей среды как одна из основных проблем — курсивом. Особое внимание следует обратить на очень высокие показатели Пекина (7-е место из 192 городов) по объему венчурного капитала, в сфере образования (9-е место из 240 городов). Эти показатели наиболее ярко демонстрируют потенциал развития. Самым высоким из показателей Москвы является доступность для туристов (3-е место из 266 городов).

Таблица 1

Основные показатели качества жизни Москвы и Пекина (в баллах)¹

Tab. 1. The main indicators of the quality of life in Moscow and Beijing

Показатель	Пекин	Москва
Жилье	6; 166/265	7; 143/265
Стоимость жизни	8; 50/248	8; 51/248
Стартапы	5; 101/264	5; 94/264
Объем венчурного капитала	10; 7/192	4; 70/192
Доступность для туристов	7; 18/266	9; 3/266
Мобильность	5; 158/255	5; 187/255
Свобода ведения бизнеса	4; 243/264	5; 219/264
Безопасность	7; 143/266	7; 114/266
Здравоохранение	5; 204/265	4; 229/265
Образование	8; 9/240	5; 108/240
<i>Качество окружающей среды</i>	2; 256/266	5; 172/266
Экономика	6; 84/263	3; 239/263
Налогообложение	1; 265/266	6; 63/266
Доступ к Интернету	3; 217/266	7; 52/266
Досуг и культура	7; 56/264	9; 15/264
Толерантность	3; 259/266	3; 254/266
Окрестности	5; 118/26	5; 105/266

Системы расселения России и Китая

Когда в недалеком прошлом речь шла о российской системе расселения, то обычно подчеркивалась концентрация городов в европейской части страны и Южной Сибири. Однако оценка реально существующей ситуации показывает, что каркас системы расселения в восточной части нашей страны обладает достаточной плотностью, и это подтверждается исследованиями последних лет [8], т. е. когда речь идет об урбанистическом каркасе в целом, то он существует и в Сибирском и Дальневосточном регионе [7]. Это означает, что каждый город может стать центром развития окружающей его территории при условии разработки соответствующей программы, например для Иркутской или Улан-Удэнской агломераций. Так, развитие аграрного сектора экономики в пяти муниципальных районах, непосредственно примыкающих к столице Бурятии Улан-Удэ, представляет собой не менее значимый потенциал, чем развитие ближних к Санкт-Петербургу районов Ленинградской области, все больше втягивающихся в сферу влияния Санкт-Петербурга.

¹ В методике исследования базы «Телепорт» все параметры качества жизни оцениваются в баллах в зависимости от объема деятельности и оценки ее качества в ходе опросов и полевых исследований, проводимых командами информационного ресурса. После оценки в баллах приведено место города в рейтинге из общего количества городов, по которым представлена информация. Подробнее см.: Move to your best place to live and work [Электронный ресурс] // TELEPORT. URL: <https://teleport.org/> (дата обращения: 11.06.2023).

Главным инструментом интегрированного развития агломераций больших городов Дальнего Востока является строительство автомобильных дорог и использование потенциала имеющихся на востоке железных дорог.

Система расселения Китая на территории, примыкающей к Дальневосточному региону России, также достаточно плотная, кроме горных районов, где затруднено строительство городов, требующих хотя и ограниченной, но значительной территории для размещения всех необходимых объектов: селитебных зон, промышленных площадок, объектов инфраструктуры. Проблемы развития городов и урбанизированных территорий активно исследуются и дискутируются в различных научных дисциплинах китайскими специалистами¹.

Ряд городов северо-восточного Китая находится в непосредственной близости от территории России, что позволяет разрабатывать и реализовывать совместные проекты приграничного сотрудничества.

В отличие от российских городов, расположенных на востоке страны, которые имеют не слишком большую численность населения, китайские города имеют значительный масштаб, о чем свидетельствуют данные о численности их населения (в границах муниципальных образований), а также вместе с прилегающей территорией (таблица 2).

Таблица 2

Численность населения городов КНР²

Tab. 2. Population of Chinese cities

Город	Адм. единица	Население города	Население округа	Регион
Шанхай	Шанхай	9 495 701	24 150 000	Восток
Пекин	Пекин	7 296 962	21 516 000	Север
Чэнду	Сычуань	7 123 000	14 000 000	Юго-запад
Ухань	Хубэй	6 660 000	10 220 000	Юг
Тяньцзинь	Тяньцзинь	5 066 129	14 425 000	Север
Шэньян	Ляонин	4 605 000	7 760 000	Северо-восток
Гуанчжоу	Гуандун	4 154 808	14 438 972	Юг
Чунцин	Чунцин	3 934 239	28 846 170	Юго-запад
Ханчжоу	Чжэцзян	3 900 000	8 700 000	Восток
Наньчан	Цзянси	3 790 000	5 042 565	Восток
Шэньчжэнь	Гуандун	3 538 000	10 357 938	Юг

Проблема включения городов и агломераций в системы более высокого порядка

Как было сказано ранее, для развития городов и агломераций необходимо их включение в системы более высокого порядка: макрорегионы, часто представляющие собой гигантские территории, особенно когда речь идет о России с ее самой большой территорией в мире.

Уже в конце XIX в. необходимость строительства железной дороги, которая должна была связать центр страны с Дальним Востоком, стала настолько очевидной, что в 1891 г. было принято соответствующее решение, а в 1906 г. по Транссибирской магистрали, самой протяженной железной дороге в мире, пошли поезда. Роль магистрали подчеркивала надпись на постаменте памятника Александру III, установленном на Знаменской площади перед Николаевским вокзалом в Санкт-Петербурге: «Державному основателю великого сибирского пути». К сожалению, после 1917 г. памятник убрали, как бы стирая память о том, что Транссиб был построен в том числе и при его поддержке [5].

¹ 50 Climate Solutions from Cities in the People's Republic of China. Best Practices from Cities Taking Action on Climate Change [Электронный ресурс] // Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/publications/50-climate-solutions-prc-cities> (дата обращения: 15.08.2023).

² Крупные города Китая по населению [Электронный ресурс] // Statdata.ru. URL: <https://www.statdata.ru/china-krupneishie-goroda> (дата обращения: 21.08.2023).

В настоящее время Транссиб вместе с другими железными дорогами соединяет города России прочной и исключительно эффективной связью. Для развития территорий ни один другой инструмент не может иметь такого значения, как железная дорога. В ряде мест дорога имеет прямые выходы на территорию Китая, что может служить средством интенсивного взаимодействия территорий обоих государств и расположенных в этих регионах городов.

Однако в последние годы в КНР в рамках реализации проекта возрождения Великого шелкового пути возник интенсивный интерес и к другому варианту транспортного коридора, имеющего большое значение как для России, так и для Китая. Появилось понятие Ледовый шелковый путь [4], предполагающее перевозку грузов морем по Северному морскому пути, проходящему в территориальных водах России и связывающему многочисленные города, как непосредственно являющиеся морскими портами, так и расположенные на великих сибирских реках: Санкт-Петербург, Мурманск, Архангельск, Нарьян-Мар, Сабетта (поселок), Дудинка, Игарка, Диксон, Хатанга, Тикси, Певек, Провидения (поселок), Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Владивосток. Для КНР развитие Ледового шелкового пути является перспективным направлением развития сотрудничества с Россией, а также выходом страны в целом и ее городов на мировые рынки.

Возможности использования опыта урбанизированных регионов КНР в развитии Санкт-Петербургской агломерации

20 марта 2023 г. в своем заключительном слове после переговоров с Президентом России Владимиром Путиным Председатель госсовета КНР Си Цзиньпин особо выделил необходимость «активизировать связи между городами-побратимами» в рамках российско-китайского сотрудничества. Как было сказано ранее, города-побратимы в Китае есть и у Санкт-Петербурга, причем это центры крупнейших урбанизированных регионов — Пекин и Шанхай. Таким образом, сотрудничество между городами России и Китая в перспективе может способствовать решению многих проблем развития крупных городских агломераций в обеих странах.

Санкт-Петербургская агломерация является второй по масштабу и значимости в Российской Федерации. Ее значение основано как на истории развития региона, так и на его роли в современной России как крупнейшего промышленного, финансового, научного и культурного центра. Одновременно Санкт-Петербург оказывает сильное влияние на развитие прилегающего к нему региона: ближних районов Ленинградской области, которые не только включены в значительной степени в процесс социально-экономического развития города, но во все большей степени застраиваются новыми жилыми комплексами, основными жителями которых становятся петербургские семьи, стремящиеся к улучшению жилищных условий и выбирающие эти районы как более благоприятные с экологической точки зрения. Однако этим влияние города не ограничивается: совершенствование транспортной системы, прежде всего повышение скорости движения пригородного железнодорожного транспорта, повышает уровень интеграции рынка труда, т. е. увеличивает расстояние, которое можно преодолеть за 1,5 часа — временной интервал, считающийся оптимальным для осуществления маятниковой миграции.

Все вышеописанные процессы с еще гораздо большей интенсивностью протекают в урбанизированных регионах КНР. Изучение используемых в регионах Пекина и Шанхая подходов к выравниванию качества жизни в регионах с большой по масштабу территорией и гигантским населением может быть действенным инструментом для прогнозирования и планирования развития в регионе Санкт-Петербурга.

В частности, формирование многоядерной структуры агломерации с распределенными между несколькими центрами функциями представляется достаточно конструктивным подходом, несмотря на то что среди городов Ленинградской области — центров муниципальных районов — нет систем такого масштаба, как это характерно для урбанизированных регионов Китая [6].

Данное направление находится в русле государственной политики РФ, отражением которой стали поручения Президента РФ по совершенствованию структуры системы расселения и систематизации про-

цесса разработки и реализации, а также оценки эффективности этих процессов для «опорных населенных пунктов и прилегающих территорий»¹.

Заключение

1. Интенсивность процесса урбанизации нарастает в третьем десятилетии XXI в., что требует исследования природы современных урбанизированных регионов, их структуры и распределения функций между урбанистическими центрами.
2. Несмотря на повышение роли крупных городских агломераций в процессах социально-экономического развития, значение городов-ядер не снижается и требует объективной оценки различным параметрам.
3. Высокие рейтинговые показатели не всегда отражают объективное качество жизни и его восприятие жителями, т. к. агломерации характеризуются неравномерностью распределения населения по территории и значительными различиями показателей качества жизни в разных частях агломерации.
4. Соответственно, целью развития крупных урбанизированных регионов становится выравнивание качества жизни и повышение равномерности распределения населения, повышения уровня гомогенности разграничения полномочий и разделения функций между элементами системы.
5. Развитие городов и агломераций требует также включения их в системы более высокого порядка для повышения их экономического, социального и культурного потенциала. Обмен информацией, товарами, услугами и кадрами может способствовать повышению уровня развития регионов и степени удовлетворенности жителей основными показателями качества жизни.
6. Решающую роль в повышении уровня интеграции урбанизированных регионов и усилении их связей между собой и другими территориями играет железнодорожный транспорт, а также развитие морских сообщений. В рамках взаимодействия России и Китая это может осуществляться с использованием Транссибирской магистрали и связанных с ней железных дорог на территории России, а также Северного морского пути.
7. Опыт развития агломераций КНР, осуществляемого на основе общенациональной программы, может быть изучен, адаптирован к российским условиям и использован в процессе совершенствования российской системы расселения.

Литература

1. Грачев Г. А. Упорядоченность системы расселения Российской Федерации: без парадоксов и предвзятости. 2020 [Электронный ресурс] // PREPRINTS.RU. URL: <https://preprints.ru/article/457> (дата обращения: 15.08.2023). DOI: 10.24108/preprints-3112153
2. Дмитриев Р. В., Шупер А. В. Система расселения Азиатской России: единство в многообразии // Тихоокеанская география. 2022. № 4. С. 38–48. DOI: 10.35735/26870509_2022_12_4
3. Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю. Преобразование системы расселения как необходимое условие социально-экономического развития РФ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 4. С. 63–70.
4. Михайличенко К. М. Проект «Ледовый шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2019. Т. 21. № 2. С. 333–345.
5. Сакульева Т. Н., Метелкин П. В. Транссибирская магистраль как одна из составных частей транспортной инфраструктуры национальной экономики России [Электронный ресурс] // Вестник университета (ГГУ). 2015. № 7. С. 123–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transsibirskaya-magistral-kak-odna-iz-sostavnyh-chastey-transportnoy-infrastruktury-natsionalnoy-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 15.08.2023).

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления. Владимир Путин утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления, состоявшегося 20 апреля 2023 года [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 04.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71296> (дата обращения: 11.06.2023).

6. Свириденко М. В. Перспективные подцентры развития Санкт-Петербургской агломерации: тенденции и возможности пространственной трансформации // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 2. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-2-74-83
7. Фаттахова Р. В., Низамутдинов М. М., Автоवास Ю. С., Орешников В. В. Ключевые тенденции и перспективы устойчивого развития системы городского расселения в Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 152–172. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-152-172
8. Фомин М. В., Мирязов Т. Р. Сценарии развития систем расселения Сибири и Дальнего Востока России до 2030 // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 105–122. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.9
9. Liu D., Horn-Phathanothai L., Zhang D. 5 Ways China's Cities Can Drive Equitable and Sustainable Urbanization [Электронный ресурс] // World Resources Institute. 17.12.2021. URL: <https://www.wri.org/insights/china-five-year-plan-equitable-sustainable-urbanization> (дата обращения: 15.08.2023).
10. Mumford L. The City in History. Harcourt, Brace & World. 1961. 657 p.
11. Ren X. Chinese Cities Are too Powerful for Their Own Good [Электронный ресурс] // The London School of Economics and Political Science. 17.03.2022. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/covid19/2022/03/17/chinese-cities-are-too-powerful-for-their-own-good/> (дата обращения: 15.08.2023).
12. Stokols A. Re-FORM: Towards Human-Scale Urbanism in Chinese Cities [Электронный ресурс] // Accessibility and Community in China's Superblock Neighborhoods by Andrew Stokols. URL: <https://www.andrewstokols.com/reform-towards-humanscale-urbanism-in-chinese-cities> (дата обращения: 15.08.2023).
13. Tang Y., Yang D., Chen K. [et al.] Beijing-Tianjin-Hebei: Regional Governance under a Highly Centralized Political System. In: Gómez-Álvarez D., Rajack R., López-Moreno E., Lanfranch G. (eds.). Steering the Metropolis: Metropolitan Governance for Sustainable Urban Development. Inter-American Development Bank. 2017. P. 341–351.

Об авторе:

Вульфович Ревекка Михайловна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор;
e-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-1303-9057

References

1. Grachev G. F. Orderliness of the Settlement System of the Russian Federation: Without Paradoxes and Bias. 2020 [Electronic resource] // PREPRINTS.RU. URL: <https://preprints.ru/article/457> (accessed: 15.08.2023). (In Rus.) DOI: 10.24108/preprints-3112153
2. Dmitriev R. V., Shuper A. V. The Settlement System of Asian Russia: Unity in Diversity // Pacific Geography [Tikhookeanskaya geografiya]. 2022. No. 4. P. 38–48. (In Rus.) DOI: 10.35735/26870509_2022_12_4
3. Kostrova Yu. B., Shibarshina O. Yu. Transformation of the Settlement System as a Necessary Condition for the Socio-Economic Development of the Russian Federation // Regional Problems of Economic Transformation [Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki]. 2020. No. 4. P. 63–70. (In Rus.)
4. Mikhailichenko K. M. The Project "Ice Silk Road" within the Framework of the Initiative "One Belt and One Road" as the Realization of the Interests of Russia and China in the Arctic Region // Bulletin of the RUDN. The Series "Political Science" [Vestnik RUDN. Seriya «Politologiya»]. 2019. V. 21. No. 2. P. 333–345. (In Rus.)
5. Sakul'eva T. N., Metelkin P. V. Trans-Siberian Railway as one of the Components of the Transport Infrastructure of the National Economy of Russia [Electronic resource] // Bulletin of the University (GSU) [Vestnik universiteta (GGU)]. 2015. No. 7. P. 123–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transsibirskaya-magistral-kak-odna-iz-sostavnyh-chastey-transportnoy-infrastruktury-natsionalnoy-ekonomiki-rossii> (accessed: 15.08.2023). (In Rus.)

6. Sviridenko N. V. Promising Subcentres of St. Petersburg Agglomeration Development: Trends and Opportunities of Spatial Transformation // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2021. V. 27. No. 2. (In Rus.) DOI: 10.35854/1998-1627-2021-2-74-83
7. Fattakhova R. V., Nizamutdinov M. M., Aitovas Yu. S. [et al.] Trends and Prospects of Sustainable Development of the Urban Settlement System in the Russian Federation // Finance: Theory and Practice [Finansy: teoriya i praktika]. 2021.V. 25. No. 4. P. 152–172. (In Rus.) DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-152-172
8. Fomin M. V., Mirzyaev T. R. Scenarios for the Development of Settlement Systems in Siberia and the Russian Far East until 2030 // Population [Narodonaselenie]. 2021. V. 24. No. 3. P. 105–122. (In Rus.) DOI: 10.19181/population.2021.24.3.9
9. Liu D., Horn-Phathanothai L., Zhang D. 5 Ways China’s Cities Can Drive Equitable and Sustainable Urbanization [Electronic resource] // World Resources Institute. 17.12.2021. URL: <https://www.wri.org/insights/china-five-year-plan-equitable-sustainable-urbanization> (accessed: 15.08.2023).
10. Mumford L. The City in History. Harcourt, Brace & World. 1961. 657 p.
11. Ren X. Chinese Cities Are too Powerful for Their Own Good [Electronic resource] // The London School of Economics and Political Science. 17.03.2022. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/covid19/2022/03/17/chinese-cities-are-too-powerful-for-their-own-good/> (accessed: 15.08.2023).
12. Stokols A. Re-FORM: Towards Human-Scale Urbanism in Chinese Cities [Electronic resource] // Accessibility and Community in China’s Superblock Neighborhoods by Andrew Stokols. URL: <https://www.andrewstokols.com/reform-towards-humanscale-urbanism-in-chinese-cities> (accessed: 15.08.2023).
13. Tang Y., Yang D., Chen K. [et al.] Beijing-Tianjin-Hebei: Regional Governance under a Highly Centralized Political System. In: Gómez-Álvarez D., Rajack R., López-Moreno E., Lanfranch G. (eds.). Steering the Metropolis: Metropolitan Governance for Sustainable Urban Development. Inter-American Development Bank. 2017. P. 341–351.

About the author:

Revekka M. Vulfovich, Professor of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-1303-9057

Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС

Иванников Н. С.^{*}, Чулаби Д. Г.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: ivannikov.n78@gmail.com, ivannikov_ns@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-1244-1036

РЕФЕРАТ

Цель. Определить экономические и политические факторы, благотворно влияющие на взаимоотношения Ирана и ЕАЭС.

Задачи. Выделить предпосылки экономического и политического плана как в истории, так и на современном этапе, которые бы объясняли перспективность сближения Ирана и Евразийского экономического союза.

Методология. К методам научного исследования в работе стоит отнести анализ (для понимания влияния исторических событий в Иране), а также дедуктивный метод и синтез, которые позволят выявить совокупность факторов, влияющих на улучшение отношений между Ираном и ЕАЭС.

Результаты. Продвигаемая Западом «Белая революция» в Иране была нежизнеспособной и в итоге подтолкнула Иран к избранию более самобытного пути и способам международного сотрудничества, учитывающим национальную специфику или следующим политике невмешательства, каким становится интеграция в рамках ЕАЭС. Другой выгодный для Ирана политический аспект — это сотрудничество с РФ, которое укрепляет уверенность в том, что на страну не будут оказывать влияние по поводу политической деятельности, а также основано на взаимном уважении и равноправии. Действующие экономические соглашения демонстрируют взаимную готовность развивать имеющиеся экономические отношения, а также позитивно влияют на внешнюю торговлю, позволяют учитывать взаимные интересы друг друга в экономическом плане и способствовать разрешению некоторых проблем.

Выводы. Ввиду рассмотренных факторов политического и экономического толка можно действительно считать сближение Ирана и ЕАЭС перспективным и актуальным политическим трендом, несмотря на имеющиеся препятствия. Обе стороны позитивно настроены по поводу укрепления своих отношений, поэтому важно продолжать работу по устранению имеющихся препятствий для развития сотрудничества.

Ключевые слова: Иран, идеология, экономика, ЕАЭС, Россия

Для цитирования: Иванников Н. С., Чулаби Д. Г. Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 150–158.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-150-158>

Economic and Political Factors Affecting the Rapprochement of Iran and the EAEU

Ivannikov N. S.^{*}, Chulabi D. G.

^{*} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

^{*} e-mail: ivannikov.n78@gmail.com, ivannikov_ns@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-1244-1036

ABSTRACT

Aim. Identify economic and political factors that are beneficial to Iran — EAEU relations.

Tasks. Identify the prerequisites of the economic and political point of view, both in history and at the present stage, which would explain the prospects for rapprochement between Iran and the Eurasian Economic Union.

Methods. The methods of scientific research in the work should include analysis (to understand the impact of historical events in Iran), as well as the deductive method and synthesis, which will allow to identify a set of factors affecting the improvement of relations between Iran and the EAEU.

Results. The “White Revolution” promoted by the West in Iran was not viable and eventually pushed Iran to choose a more original way and ways of international cooperation, taking into account national specificity or following the policy of non-interference, which becomes the integration within the EAEU. Another favorable political aspect for Iran is cooperation with Russia, which strengthens confidence that the country will not be influenced by political activities and is based on mutual respect and equality. The current economic agreements demonstrate mutual willingness to develop the existing economic relations, as well as have a positive impact on foreign trade and allow taking into account each other’s mutual interests in economic terms, and contribute to the resolution of certain problems.

Conclusion. In view of the considered political and economic factors, the rapprochement between Iran and the EAEU can indeed be considered a promising and relevant political trend, despite the existing obstacles. Both sides are positive about strengthening their relations, so it is important to continue working to remove the existing obstacles to the development of cooperation.

Keywords: Iran, ideology, economy, EAEU, Russia

For citing: Ivannikov N. S., Chulabi D. G. Economic and Political Factors Affecting the Rapprochement of Iran and the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 150–158. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-150-158>

Введение

В текущем миропорядке нельзя отрицать важную роль идеологического фактора в интеграционных процессах, действующего как на глобальном, так и на внутригосударственном уровнях. Ведущие силы международных отношений очень часто пытаются навязать свою идеологию как в культурных реалиях государств, так и в их политическом волеизъявлении, что не всегда оказывается благотворным для последних. Зачастую подобные проявления мягкой и жесткой сил оказываются несовместимыми с текущими реалиями суверенных государств. В данной статье предлагается рассмотреть ряд факторов, сближающих Иран с ЕАЭС. Примером этого могут быть как идеологические мотивы настоящего и прошлого (например, влияния Запада на «Белую революцию» в Иране), так и непосредственно экономические и геополитические интересы.

Цель и методы исследования

Цель данной статьи — выявить ключевые политические и экономические факторы (как прошлого, так и настоящего), влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС. Что касается методологического основания исследования, то стоит отметить анализ произошедших в Иране событий «Белой революции» как фактора, подталкивающего Иран к сближению с ЕАЭС, а также дедуктивный метод и синтез, которые позволят сделать вывод о позитивности влияния существующих экономических явлений на сотрудничество между Ираном и Евразийским экономическим союзом.

Влияние «Белой революции» на сближение Ирана и ЕАЭС

Говоря об историческом фоне и «Белой революции», стоит отметить, что беспорядки, начавшиеся в еще монархическом Иране в 1978 г., стали тем самым поворотным моментом, когда различные партии

(как разрешенные, так и подпольные) и народные союзы с ярко выраженными полярными взглядами впервые в истории страны объединились для свержения Мохаммед Реза-шаха Пехлеви и кардинального изменения общественно-политического строя страны. Однако стоит также учитывать тот факт, что XX в. для Ирана может быть охарактеризован в качестве эпохи перманентно нестабильной политической обстановки и бесчисленного множества революций и переворотов, которые взаимосвязаны. Именно поэтому на данном этапе есть убежденность, что революция, которая в дальнейшем стала именоваться Исламской, берет свое начало не в 1978–1979 гг., а примерно десятью годами ранее, когда иранский шахиншах после референдума в январе 1963 г. объявил о начале «Белой революции» или «Революции шаха и народа» [1].

Основу программы реформ «Белой революции» составляли шесть пунктов, самым важным из которых был тот, который касался земельных реформ и преобразований в сфере сельского хозяйства. Позже к ним по разным оценкам были добавлены еще пять или шесть положений. Программа предстоящей «революции» была утверждена всенародным референдумом от 26 января 1963 г., что дало возможность иранскому шахиншаху еще раз демонстративно заявить соседним странам и своим западным партнерам, что иранский народ беспрекословно поддерживает своего монарха и продвигаемые им идеи «вестернизации». Также он стремился к тому, чтобы в первую очередь западные СМИ связывали его имя с такими понятиями, как прогресс, либерализм и анти-феодализм [4], вне зависимости от фактического положения дел.

Программа «Белой революции» разрабатывалась примерно в период с 1958 по 1963 г., а сами реформы проводились вплоть до февраля 1979 г., когда уже произошла смена власти в результате Исламской революции. Однако примечательным является тот факт, что сам Пехлеви не сразу согласился на проведение столь радикальных преобразований в консервативном иранском обществе и склонить его к противоположному смогли лишь американский президент Джон Ф. Кеннеди со своими приближенными [2] и обострение внутривластной ситуации в государстве.

Первые годы правления второго шаха из династии Пехлеви можно охарактеризовать крайне редким прямым вмешательством в дела меджлиса и управление страной, однако на ситуацию повлияло покушение, которое было совершено на Мохаммед Резу-шаха в начале 1949 г. в ходе его выступления в Тегеранском университете. Нассир Фахр-Арай, попавший на мероприятие в качестве фотографа, выстрелил в иранского монарха с расстояния трех метров, однако смог всего лишь ранить его в правую часть лица. Существуют разные версии расследования причин данного события от иранских спецслужб: по одной версии Фахр-Арай был членом леворадикальной партии «Хезб Туде», который был вскоре объявлен вне закона, а по другой — он спланировал покушение, найдя поддержку под влиянием исламским фундаменталистов из организации «Федайны ислама» [6]. Однако самым важным в данном случае являются не политические предпочтения преступника, а следующие события: в Тегеране было немедленно введено военное положение, и в том же году Учредительное собрание одобрило изменения в конституции, которые предоставляли шаху более широкие властные полномочия, в том числе и право распускать меджлис. Однако установление более авторитарного, чем прежде, режима и расширение инструментов контроля не смогли уберечь страну от очередного политического кризиса, который без вмешательства иностранных спецслужб мог закончиться бы свержением шаха и очередной сменой власти [11, с. 134–149].

Также Мохаммед Мосаддык, один из немногих демократически избранных премьер-министров Ирана, последовательно выступал против предоставления иностранным компаниям исключительного права доступа к иранским нефтяным месторождениям. В 1919 г., еще будучи лишь политически активным студентом, он выступал с резким осуждением заключения англо-иранского договора, согласно которому Великобритания получала большие нефтяные концессии на невыгодных для Ирана условиях.

15 марта 1951 г. при участии Мосаддыка был принят закон о национализации нефтяных месторождений Ирана, который привел к конфликту с США и Великобританией, в том числе и из-за объявленного последними энергетического эмбарго. В июле того же года он прибыл в Вашингтон с официальным визитом, в ходе которого надеялся договориться о продаже Абаданского нефтеперерабатывающего за-

вода какой-либо небританской компании для выхода из кризисной ситуации, при которой Иран терял практически весь объем и без того незначительных доходов от нефти. Однако, после того как на смену демократической партии пришла республиканская, администрацией Белого дома был взят диаметрально противоположный курс на разрешение конфликта путем переворота. Также на выбор столь радикального решения проблемы повлияло и то, что иранским премьер-министром были высланы из страны все английские советники и специалисты, занятые в нефтяной отрасли, а в октябре 1952 г. и вовсе было объявлено о разрыве дипломатических отношений с Великобританией [7, с. 94–119].

В августе 1953 г. Мохаммед Реза-шах Пехлеви был вынужден покинуть страну из-за ареста своего приближенного и главы собственной гвардии Нематолла Нассири, а также угрозы потенциального военного заговора. Одновременно с этим Мосаддыком были разосланы циркуляры, где говорилось о том, что иранский шах более не имеет властных полномочий. И вскоре стало ясно, что ситуация требует немедленного вмешательства, иначе это грозит возникновением еще одного дополнительного очага конфликта, а бороться одновременно и с самовольным иранским премьер-министром, и с региональным влиянием Советского Союза будет гораздо сложнее. Конфликт интересов начался задолго до данных событий, так как в годы Второй мировой войны немалая часть ленд-лизских поставок для СССР осуществлялась через иранские порты, однако с началом холодной войны стало ясно, что регион Среднего Востока превращается в одну из целей для расширения сфер в том числе и идеологического влияния: Советский Союз держал свои войска в северной части Ирана до мая 1946 г., и на данной территории вплоть до их вывода существовали непризнанные просоветские государственные образования Мехабадская (Курдская) Республика и Республика Южный Азербайджан, который в мае того же года объявил о переходе на московское время [1].

В кратчайших сроках специалистами ЦРУ была разработана специальная операция, которая имела кодовое название «Аякс». Механизм и смысл данной спецоперации были довольно просты, но оттого не менее эффективными: против Мосаддыка проводилась активная агитационная кампания, где его обвиняли в симпатиях по отношению к различным непопулярным в Иране политическим силам, а во время демонстраций проплаченные американцами коммунисты провоцировали столкновения со сторонниками премьер-министра. Несмотря на уличные столкновения, которые повлекли за собой жертвы среди гражданского населения, Мосаддык отказывался мобилизовать армию и объявлять военное положение, так как опасался полномасштабной гражданской войны. 19 августа 1953 г. в столицу вошли отряды будущего премьер-министра Фазлаллах Захеда, а сам Мохаммед Мосаддык был арестован. В этот же день генерал Захеда от имени народа отправил телеграмму с просьбой вернуться на родину в Рим, где во временной опале пребывал иранский шах. Вскоре дипломатические отношения с Соединенным Королевством были восстановлены, а нефтяные концессии вновь возвращены американским и британским компаниям [11, с. 30–61].

Главные идеи шаха при формировании концепции «Белой революции» заключались в том, что наконец-то стоит сделать возможным синтез достижений Запада в сфере технологии, экономики и социальной политики с традициями Востока [5]. Однако видимая либерализация довольно странным образом сочеталась с действительно авторитарным подходом в управлении страной, что подтверждает в том числе и следующий факт. В 1957 г. при содействии ЦРУ и Моссада была образована тайная политическая полиция САВАК, в официальные обязанности которой входили внешняя разведка и обеспечение государственной и национальной безопасности. На самом деле САВАК несла ответственность за цензуру книг, фильмов и прессы, а также допросы политических заключенных, часто сопровождающиеся пытками [16].

Это подталкивает нас к заключению, что невозможно сочетать политическое единство на основании внешних факторов, не учитывающих историческую судьбу и общность. Одним из немногих таких условий, которые могут сплотить разномастные народы Евразийского континента, считается евразийский национализм. Интеграция может складываться только на основе добровольного сотрудничества с обязательным соблюдением национального суверенитета и уважением текущего уклада жизни народов, населяющих государство. И воля, направленная на подобную интеграцию, как и на любое

иное изменение текущего порядка в государстве, должна быть защищена от внешнего влияния, не учитывающего локальные интересы.

Можно заключить, что изменения во внутривластной структуре Ирана, спровоцированные представителями западного либерализма, не оказали должного воздействия на народ. Несмотря на попытку соотнесения ценностей Запада и традиционных ценностей Востока, усилия политического руководства Ирана в рассматриваемый период не привели к желаемому исходу. Поверхностные попытки учитывать некоторую часть национальной культуры и идеологических основ не способны привести к исходу, в котором будут учтены прежде всего интересы местного сообщества. Попытки напирать на избранные традиционные ценности (как, например, высокая роль национального лидера в жизни государства) не всегда учитывают сложившийся жизненный уклад и актуальные потребности общества. Таким образом, провоцируемая и поощряемая Западом «Белая революция» в Иране была нежизнеспособной в долгосрочной перспективе и в итоге подтолкнула Иран к избранию более самобытного пути, а следовательно, и интеграционным перспективам, которые учитывают национальную специфику или не вмешиваются в нее. Тем самым активность Запада в рассматриваемый период подтолкнула Иран к поиску иного вектора в поиске внешнеполитических партнеров, что выразилось в текущем сближении Ирана с ЕАЭС.

Кроме того, сотрудничество с РФ имеет и геополитический аспект, затрагивающий международные отношения Ирана. В настоящее время в Исламской Республике существует понимание того, что если Российская Федерация является союзником, то это наращивает уверенность в том, что стране не будут «диктовать условия» по поводу политической деятельности. В целом сотрудничество между странами-союзниками основывается на взаимном уважении и равноправии, а не на диктате. Россия всегда старается учитывать интересы своих партнеров и искренне стремится к взаимовыгодному сотрудничеству¹.

Несмотря на идеологическое противодействие суверенному развитию Ирана на современном этапе, в том числе осуществляемое как западными государствами, так и общественно-политическими деятелями иранского происхождения, Исламская Республика нашла выход из этой ситуации через сближение с ЕАЭС и Россией [13]. Однако существуют и специфические проблемы, высказанные Иранской стороной — примером этого (пусть и спорным) является высказывание об «присутствии сионистского режима в ЕАЭС, что ...может привести к определенным последствиям для Ирана в сотрудничестве с ЕАЭС» [14].

Евразийская интеграция в отличие от создания политического альянса с Западом не предполагает изменений государственной идеологии и внутреннего уклада жизни с учетом либеральных ценностей, а уважает внутренний суверенитет государств в полной мере. Следует заметить, что именно прозападная попытка проведения «Белой революции» послужила одной из значимых предпосылок современной стратегии Ирана, в том числе сближения с ЕАЭС.

Экономические причины сближения Ирана и ЕАЭС

Сближение с ЕАЭС, впрочем, диктуется не только историко-идеологическими, но и экономическими причинами.

Одним из ярких примеров стало продленное в октябре (в результате действия подписания соответствующего протокола) Временное соглашение между Ираном и ЕАЭС о ходе свободной торговли, которое является важным шагом в развитии экономических отношений между странами. Оно дало возможность увеличить объемы торговли и инвестиций, а также расширить ассортимент товаров и услуг, доступных для потребителей. Соглашение предоставляет Ирану доступ к рынку ЕАЭС, который включает в себя Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию. Эти страны являются крупнейшими

¹ О внесении проекта федерального закона «О ратификации Протокола к Временному соглашению, ведущему к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республики Иран, с другой стороны, от 17 мая 2018 года» // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155723-8> (дата обращения: 16.04.2023).

экономиками в регионе и представляют значительный потенциал для развития торговых отношений с Ираном¹. Действие этого соглашения может привести к увеличению объемов торговли и созданию новых рабочих мест в обеих странах.

Временное соглашение также является важным шагом в укреплении политических и экономических связей между Ираном и ЕАЭС. Это однозначно продемонстрировано действующими результатами в торговых отношениях Ирана и ЕАЭС [9]. Оно на нынешнем этапе и в дальнейшем может способствовать укреплению доверия между странами и созданию условий для более широкого сотрудничества в различных областях, таких как наука, технологии, культура и туризм. В целом Временное соглашение между Ираном и ЕАЭС о зоне свободной торговли является важным шагом в развитии экономических отношений между странами и может привести к улучшению жизни людей в обоих регионах.

ЕАЭС также может помочь Ирану наладить внешнюю торговлю, предоставляя доступ к своему рынку и содействуя в создании условий для экспорта и импорта товаров и услуг, причем не только в рамках взаимного сотрудничества, но и способствуя выходу иранских товаров на рынок ЕС [3]. Кроме того, ЕАЭС может предоставить Ирану экономическую поддержку в виде инвестиций и кредитов, что позволит улучшить экономическую ситуацию в стране и повысить ее конкурентоспособность на мировом рынке. Эта точка зрения находит свое отражение и со стороны Ирана, при том отдельно обозначается роль этого сотрудничества в условиях санкций [9].

Кроме этого, существует также региональный аспект, способствующий рассматриваемому сближению. Ирану выгодно сотрудничество с РФ в Центральной Азии по многим причинам. Во-первых, Россия является крупнейшим экономическим партнером Ирана в регионе, и сотрудничество между этими странами может привести к увеличению объемов торговли и инвестиций. Во-вторых, Иран может использовать транспортную инфраструктуру России для доставки своих товаров в страны Центральной Азии, что позволит сократить время и затраты на логистику [8]. Это соответствует геополитическим интересам Ирана и способствует их реализации.

Вместе с тем, несмотря на то что обе стороны заинтересованы в укреплении своих экономических отношений, существует ряд проблем, которые могут затруднить этот процесс. Например, существуют различия в экономических моделях Ирана и стран ЕАЭС. Иран является страной с высокими потенциальными возможностями развития и инвестиций, но его экономика все еще не полностью открыта для иностранных инвесторов. В то же время страны ЕАЭС имеют более открытую экономику и привлекательные условия для инвесторов. Также существуют проблемы с транспортной инфраструктурой и логистикой. Иран расположен в довольно удаленном регионе, что может затруднить транспортировку товаров в страны ЕАЭС. Кроме того, существует необходимость в создании новых транспортных маршрутов и улучшении существующих, чтобы обеспечить более эффективную доставку товаров, а также создание банковских связей и обновление регламентации сотрудничества в соответствии с актуальными моделями торговых отношений [3]. Но в условиях существующих санкций рассматриваемое сотрудничество однозначно является фактором, способствующим улучшению положения Ирана [17].

Заключение

Несмотря на имеющиеся объективные препятствия, сближение Ирана и ЕАЭС можно считать перспективным и актуальным политическим трендом. Этому способствует ряд политических и экономических факторов, выявленных в статье. Политический элемент сближений продиктован неудавшейся попыткой «Белой революции», которая заключалась в том числе в применении некоторых западных норм без учета региональной специфики, а также выверенной и уважительной политикой РФ по отношению к Ирану на современном этапе. Также эти регионы могут выиграть от укрепления экономических

¹ Временное Соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республики Иран, с другой стороны // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552401686> (дата обращения: 05.04.2023).

отношений, особенно в условиях глобальных вызовов. ЕАЭС может предложить Ирану новые рынки сбыта и инвестиционные возможности, а Иран может стать важным транзитным пунктом для товаров, которые проходят через его территорию на пути в Евразию. Более тесное сотрудничество также может способствовать развитию транспортной инфраструктуры и логистики, что повысит эффективность торговых операций. Таким образом, обе стороны заинтересованы в укреплении своих экономических отношений. Поэтому важно продолжать работу по устранению препятствий созданию благоприятных условий для развития сотрудничества.

Литература

1. *Геворьян А. А.* «Белая революция» в Иране как главная причина исламской революции 1979 года // Публичное право и управление: перспективы развития: материалы I Всероссийской студенческой конференции, Москва, 11 апреля 2018 года. М. : РФ-Пресс, 2018. С. 49–52.
2. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
3. *Парвизпур Е. Х.* Советско-иранские отношения в годы Второй мировой войны (1939–1945). Тбилиси : Мецниереба, 1978. 108 с.
4. *Румянцев В. П.* На перепутье: политика США в отношении Ирана на начальном этапе «Белой революции» (1961–1963 гг.) // Американский ежегодник. 2014. № 2014. С. 97–116. EDN: TMUWMJ
5. *Ansari Ali Massoud.* The Myth of the White Revolution: Mohammad Reza Shah, 'Modernization' and the Consolidation of Power // Middle Eastern Studies 37. July 2001. No. 3. P. 1–24. Доступ: <https://www.jstor.org/stable/4284172>
6. *Dreyfuss Robert.* Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam. New York : Metropolitan Books, 2006. 404 p.
7. *Farhad Parand, Hossein Asgarian.* Opportunities and challenges of cooperation between Iran and the Eurasian Economic Union [Электронный ресурс] // Magiran: [сайт]. URL: <https://www.magiran.com/paper/2134121> (дата обращения: 16.04.2023). (На персидском яз.)
8. *Mahdi Sanai.* A look at Iran's Political Relations with Central Asian Republics [Электронный ресурс] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/211173/سی-اس-ای-س-ط-ب-اور-ه-ب-ی-هاگن> (дата обращения: 05.04.2023) (На персидском яз.)
9. *Mehdi Kazemnejad, Leila Azizi, Seyedah Zohra Hosseini Amin.* The Effect of the Interim Agreement between Iran and the Eurasian Economic Union on the Development of Trade between These Countries [Электронный ресурс] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/493367/اھروشک-نی-ان-ب-ت-راجت-هعسوت-رد-ای-س-اروا-ی-داصت-قا-ه-ی-داحت-ا-و-ناری-ات-ق-وم-هم-ان-ت-ق-ا-وم-ری-ث-ات> (дата обращения: 05.04.2023). (На персидском яз.)
10. *Mehdi Senaj, Fateme Atari Sangri.* Analytical Comparison of Foreign Policy of Iran and Russia in Central Asia [Электронный ресурс] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/365835/یزکرم-ی-ای-س-آ-رد-ه-ی-س-ور-و-ناری-ای-ج-راخ-ت-س-ای-س-ی-لی-ل-ح-ت-ه-س-ی-اقم> (дата обращения: 05.04.2023). (На персидском яз.)
11. *Pahlavi Mohammed Reza Shah.* The White Revolution of Iran. Tehran : Imperial Pahlavi Library; First Edition, 1967. 177 p.
12. Resolution of the CC of the People's Party of Iran of 1 March 1957 Regarding the Events of February 1949 [Text] // Digital Archive of Wilson Center. March 1, 1957.
13. *Reza Simbar, Hadi Gholamnia.* Economic Diplomacy of the Islamic Republic of Iran with the Eurasian Economic Union (a Case Study of Tariff Cooperation) [Электронный ресурс] // Magiran: [сайт]. URL: <https://www.magiran.com/paper/2297739> (дата обращения: 15.04.2023) (На персидском яз.)
14. Shirin Ebadi's Request for Comprehensive Sanctions against Iran [Электронный ресурс] // TABNAK. Professional News site. 11 May 2019. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/898462/نی-یری-ش-ت-س-ا-وخ-رد> (дата обращения: 14.04.2023) (На персидском яз.)

15. *Stephen Kinzer*. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. John Wiley & Sons, 2003. 300 p.
16. *Zahra Khan Mohammadi*. Evaluation of Iran's Presence in the Eurasian Economic Union in the Shadow of the Presence of the Zionist Regime [Электронный ресурс] // Magiran: [сайт]. URL: <https://www.magiran.com/paper/2134310> (дата обращения: 15.04.2023) (На персидском яз.)
17. *Zahra Mushfaq*. Cooperation Strategies with the Eurasian Economic Union during the Embargo Period [Электронный ресурс] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/471176/> می‌رحت-نارود-رد-ایساروا-یداصتقا-هی‌داحت-اب-ی-راک-م-ه-ی-اهدربهار (дата обращения: 05.04.2023). (На персидском яз.)

Об авторах:

Иванников Никита Сергеевич, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: ivannikov.n78@gmail.com, ivannikov_ns@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Чулаби Дарья Горбан, студент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: dashajjchoulabi@gmail.com

References

1. Gevorgyan A. A. "White Revolution" in Iran as the Main Cause of the Islamic Revolution of 1979 // Public Law and Management: Development Prospects: Materials of the I All-Russian Student Conference, Moscow, April 11, 2018. Moscow : RG-Press, 2018. P. 49–52. (In Rus.)
2. Glazyev S. Yu., Kefeli I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. T. 16. No. 1. P. 10–21. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
3. Parvizpur E. Kh. Soviet-Iranian Relations during the Second World War (1939–1945). Tbilisi : Metsniereba, 1978. 108 p. (In Rus.)
4. Romyantsev V. P. At the Crossroads: US Policy towards Iran at the Initial Stage of the "White Revolution" (1961–1963) // American Yearbook. 2014. No. 2014. P. 97–116. EDN: TMUWMJ
5. Ansari Ali Massoud. The Myth of the White Revolution: Mohammad Reza Shah, 'Modernization' and the Consolidation of Power // Middle Eastern Studies 37. July 2001. No. 3. P. 1–24. Accessed: <https://www.jstor.org/stable/4284172>
6. Dreyfuss Robert. Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam. New York : Metropolitan Books, 2006. 404 p.
7. Farhad Parand, Hossein Asgarian. Opportunities and Challenges of Cooperation between Iran and the Eurasian Economic Union [Electronic resource] // Magiran. URL: <https://www.magiran.com/paper/2134121> (accessed: 16.04.2023). (In Persian)
8. Mahdi Sanai. A look at Iran's Political Relations with Central Asian Republics [Electronic resource] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/211173/> ی‌س‌ای‌س-طب‌اور-هب-ی‌هاگن (accessed: 05.04.2023) (In Persian)
9. Mehdi Kazemnejad, Leila Azizi, Seyedah Zohra Hosseini Amin. The Effect of the Interim Agreement between Iran and the Eurasian Economic Union on the Development of Trade between These Countries [Electronic resource] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/493367/> اهروش‌ک‌ن‌ی‌ا‌ن‌ب‌ت‌راجت‌ه‌ع‌س‌وت‌رد‌ای‌س‌اروا‌یداصتقا‌هی‌داحت‌ا‌و‌ن‌اری‌ا‌ت‌قوم‌هم‌ان‌ت‌قق‌فاوم‌ری‌ث‌أت (accessed: 05.04.2023). (In Persian)

10. Mehdi Senai, Fateme Atari Sangri. Analytical Comparison of Foreign Policy of Iran and Russia in Central Asia [Electronic resource] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/365835/> میزگرم-ی ای س آرد-هی سور و-ناری ای-جراخ-ت س ای س-ی لی لحت-هس ی اقم (accessed: 05.04.2023). (In Persian)
11. Pahlavi Mohammed Reza Shah. The White Revolution of Iran. Tehran : Imperial Pahlavi Library; First Edition, 1967. 177 p.
12. Resolution of the CC of the People's Party of Iran of 1 March 1957 Regarding the Events of February 1949 [Text] // Digital Archive of Wilson Center. March 1, 1957.
13. Reza Simbar, Hadi Gholamnia. Economic Diplomacy of the Islamic Republic of Iran with the Eurasian Economic Union (a Case Study of Tariff Cooperation) [Electronic resource] // Magiran. URL: <https://www.magiran.com/paper/2297739> (accessed: 15.04.2023) (In Persian)
14. Shirin Ebadi's Request for Comprehensive Sanctions against Iran [Electronic resource] // TABNAK. Professional News site. 11 May 2019. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/898462/> نیری ش-ت س او خرد (accessed: 14.04.2023) (In Persian)
15. Stephen Kinzer. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. John Wiley & Sons, 2003. 300 p.
16. Zahra Khan Mohammadi. Evaluation of Iran's Presence in the Eurasian Economic Union in the Shadow of the Presence of the Zionist Regime [Electronic resource] // Magiran. URL: <https://www.magiran.com/paper/2134310> (accessed: 15.04.2023) (In Persian)
17. Zahra Mushfaq. Cooperation Strategies with the Eurasian Economic Union during the Embargo Period [Electronic resource] // Comprehensive Portal of Humanities. URL: <http://ensani.ir/fa/article/471176/> می رحت-نارود-رد ای س اروا-ی داصت قا-هی داحت ا-اب-ی راک م-ه-ی اهدربهار (accessed: 05.04.2023). (In Persian)

About the authors:

Nikita S. Ivannikov, Associate Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; e-mail: ivannikov.n78@gmail.com, ivannikov_ns@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Daria G. Choulabi, Student of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: dashajjchoulabi@gmail.com

Нациестроительство в Казахстане: этноконфессиональные контексты¹

Калашникова Н. П.*, Байтуреева К. А.

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

* e-mail: nerush50@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7667-0383

РЕФЕРАТ

Научная статья посвящена актуальной проблематике — исследованию развития нациестроительства и уникальной модели межэтнических и межконфессиональных отношений в Казахстане.

Цель. Предложить периодизацию основных этапов трансформационных и общественно-политических процессов нациестроительства в Республике Казахстан, на каждом из которых принимались соответствующие нормативные правовые акты их легитимизации.

Задачи. Проанализировать периоды развития нациестроительства, изменений в сфере межэтнических отношений в республике за годы независимости, в соответствии с конституционной реформой, одобренной на всенародном референдуме 5 июня 2022 г. Провести политический анализ трансформации в общественно-политическую практику основополагающего принципа Основного закона страны — «общественное согласие» и в целом в регулировании межэтнических отношений.

Методология. Для обоснованности результатов исследования использованы разнообразные научные методы, отражающие особенности развития нациестроительства. С учетом специфики этнополитических и интеграционных процессов в социальном и региональном контексте, определения их характера протекания применялся сравнительный анализ, пролегомены, коммуникативные платформы и социальные сети.

Результаты. Управление этноконфессиональными процессами, бесспорно, один из важнейших аспектов функционирования государства и задач общества. Компетентное определение проблемных зон позволяет разработать превентивные меры и избежать возникновения как межэтнической, так и внутриэтнической напряженности, минимизировать негативное воздействие на развитие государственно-религиозных отношений. Предложенные рекомендации позволят усовершенствовать механизмы и инструменты этнополитического менеджмента в государственной национальной политике, закрепить модель общественного согласия и национального единства в политических документах и законотворческой практике.

Выводы. Эффективная казахстанская модель этноконфессионального согласия основана на двух главных составляющих: народное представительство как отражение политической интеграции казахстанцев и охват в общественно-политических процессах всего спектра прав этносов и конфессий. Создание и деятельность Ассамблеи народа Казахстана за годы независимости как ключевой общественно-политической структуры в национальной политике выступает инструментом прямой демократии и является фактически народным представительством.

Ключевые слова: нациестроительство, межэтническая сфера и отношения, национализм, экстремизм, этнокультурные объединения, гражданское общество, этнополитика

Для цитирования: Калашникова Н. П., Байтуреева К. А. Нациестроительство в Казахстане: этноконфессиональные контексты // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 159–167.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-159-167>

¹ Данное исследование было осуществлено в рамках проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP14870265).

Nation-Building in Kazakhstan: Ethno-Confessional Contexts

Natalia P. Kalashnikova*, Klara A. Baitureyeva

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

* e-mail: nerush50@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7667-0383

ABSTRACT

The scientific article is devoted to current issues - the study of the development of nation-building and the unique model of interethnic and interfaith relations in Kazakhstan.

Aim. To propose a periodization of the main stages of transformational and socio-political processes of nation-building in the Republic of Kazakhstan, at each of which the corresponding regulatory legal acts of their legitimization were adopted.

Tasks. To analyze the periods of development of nation-building, changes in the sphere of interethnic relations in the republic over the years of independence, in accordance with the constitutional reform approved in a popular referendum on June 5, 2022.

Conduct a political analysis of the transformation into the socio-political practice of the fundamental principle of the Basic Law of the country — “public harmony” and in general in the regulation of inter-ethnic relations.

Methods. To substantiate the results of the study, a variety of scientific methods were used, reflecting the peculiarities of the development of national development. Taking into account the specifics of ethno-political and integration processes in the social and regional context, determining their nature, comparative analysis, prolegomens, communication platforms and social networks were used. The methods of crowdsourcing, forsyth, road map are widely used.

Results. The management of ethno-professional processes is undoubtedly one of the most important aspects of the functioning of the State and the tasks of society. The competent definition of problem areas allows for the development of preventive measures and the avoidance of both inter-ethnic and intra-ethnic tensions and the minimization of negative impact on the development of State and religious relations. The proposed recommendations will improve the mechanisms and tools of ethno-political management in State national policy, consolidate the model of social harmony and national unity in political documents and legislative practice.

Conclusions. The effective Kazakh model of ethno-confessional harmony is based on two main components: popular representation as a reflection of the political integration of Kazakhstanis and coverage of the entire spectrum of legal ethnicities and confessions in socio-political processes. The creation and activities of the Assembly of the People of Kazakhstan, during the years of independence, as a key socio-political structure in national politics, acts as an instrument of direct democracy and is, in fact, a people’s representation.

Keywords: nation-building, interethnic sphere and relations, nationalism, extremism, ethno-cultural associations, civil society, ethnopolitics

For citing: Kalashnikova N. P., Baitureyeva K. A. Nation-Building in Kazakhstan: Ethno-Confessional Contexts // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 159–167. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-159-167>

Введение

В мире существует множество различных моделей реализации этно- и конфессиональной политики, все они характерны своим многообразием и нацелены на консолидацию, ассимиляцию и межэтническую интеграцию. В силу их многоаспектности межэтнические и межконфессиональные отношения являются сложным явлением с множеством способов мирного сотрудничества.

Глобальное сообщество приблизилось к той точке развития, когда этнокультурная составляющая политики все чаще проявляет себя как самостоятельное и значимое явление. Важным подтверждением того, что государственная политика Республики Казахстан (РК) направлена на сохранение и укрепление межконфессиональной гармонии и соблюдение прав человека на свободу вероисповедания, является международная инициатива государства по созыву с 2003 г. через каждые три года съездов лидеров мировых и традиционных религий в столице страны Астане. Съезды духовных иерархов — глобальная коммуникативная платформа, основанная на понимании актуальности и важности диалога религиозных лидеров. Именно диалог признается эффективным средством разрешения социальных проблем и геополитических вызовов современности, а также достижения мира, поощрения толерантности и взаимопонимания между культурами и религиями. Инициатива политического руководства Казахстана по созданию такой площадки получила всестороннюю поддержку авторитетных религиозных лидеров и политических деятелей. Площадка Съездов лидеров мировых и традиционных религий стала демонстрацией приверженности Казахстана ценностям ООН, ОБСЕ и других организаций по поддержанию мира и безопасности, разрешению споров посредством диалога, развитию взаимных отношений на основе уважения принципа равноправия. Создание такой площадки, развитие этноконфессиональной политики и согласия послужило важным фактором содержания казахстанского нациестроительства.

Кризис мультикультурализма и идентичности, к примеру, в Европе, Азии и на других континентах показал необходимость формирования соответствующих реалиям механизмов противодействия экстремизму и национализму в его крайних проявлениях. Концепция «плавильного котла» в США и стратегии ассимиляции во Франции, подчинения в Великобритании, разделения в ФРГ, сочетания их в Швейцарии так и не дали положительного эффекта в деле укрепления стабильности, мира и общенационального единства. Данные проблемы стали вынужденной и актуальной повесткой дня многих государств, в которых остро обозначился вопрос интеграции и поиска оптимальной модели межэтнического и межконфессионального согласия и диалога.

Методы исследования

Для обоснованности результатов исследования использованы разнообразные научные методы, отражающие особенности и этапы нациестроительства. С учетом специфики этнополитических и интеграционных процессов в социальном и региональном контексте, определения их характера протекания применялся сравнительный анализ, пролегомены, коммуникативные платформы и социальные сети. Широко использованы методы краудсорсинга, форсайта, дорожной карты.

Актуальность исследования процессов нациестроительства на современном этапе

Межэтнические отношения в полиэтничном и многоконфессиональном государстве, коим является Казахстан, являются важным фактором стабильного и демократического развития, инвестиционной привлекательности. Однако их эволюция характеризуется несколькими сложными этапами выстраивания казахстанской модели общественного согласия и межкультурного диалога.

Первый этап — этап формирования этнополитики Казахстана — продлился с момента обретения независимости до 1995 г. Этот период отечественной истории ознаменовался возможностью принимать самостоятельные решения в поле внутренней политики и этноконфессионального взаимодействия. На этом этапе стало явным доминирование национальной идеологии с определенным компонентом полиэтничности. Республика Казахстан в очень краткий исторический срок, в сложное для становления отечественного рынка время и на стадии общей стагнации экономики осуществила приоритетную задачу — утвердила основы национальной государственности.

Основы казахстанской государственности были изложены в важном историческом и политическом документе — Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР. Именно этот основополагающий документ отразил важнейшие политические аспекты новейшей истории страны: провозглашение

государственного суверенитета РК, задачи государственного строительства, в том числе общие принципы регулирования этнополитическими и межконфессиональными процессами.

Декларацией о суверенитете фактически был обозначен официальный политический курс нового государства, направленный на реформы во всех подсистемах жизни общества, открытость мировому сообществу, равноправному сотрудничеству на взаимовыгодной основе.

Принятие Декларации в 1990 г. стало ответом на вызов текущего политического процесса, исторической необходимостью закрепления гарантий суверенитета Казахской ССР в общественной, политической, культурной и экономической сферах жизни республики. Декларация закрепила государствообразующий статус казахов, что означало, что именно казахский этнос является этнокультурным ядром государственности. Вслед за Декларацией о государственном суверенитете Казахской ССР был принят Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан», что, в свою очередь, стало актом реализации права казахстанцев на самоопределение как нации. Следующими шагами молодого независимого государства стали вступление в ООН, созыв Всемирного курултая казахов и проведение Форума народов Казахстана. Мощными ресурсами мобилизации казахов в тот период стали новый политический курс страны и задачи построения суверенного Казахстана.

По мнению исследователей проблем нациестроительства, именно внутриэтническая консолидация казахов стала главным ориентиром стойкости в процессе становления в условиях перехода из одной общественно-экономической формации в другую. Однако к этому следует добавить объединительный характер отношений к другим этносам, проживающим в республике в этот период. Несмотря на манипуляции общественным сознанием, в стране не было движений и активных попыток создать Казахстан для казахов. Высокий уровень исконной толерантности, который был проявлен в эти годы между этносами и религиями, стал основой дальнейшего роста благополучия и развития страны.

Этот период также называют государственным этнонационализмом, что вполне оправдано исторической ситуацией и соответствующими задачами, стоявшими на повестке дня¹. В это время закладываются основные принципы общественного согласия и межэтнической интеграции.

В числе приоритета внешней и внутренней политики страны определяется обеспечение стабильности и межнационального согласия².

Второй этап, продлившийся в период с 1995 по 2002 гг., ознаменован обозначением приоритетов казахстанской идентичности на основе принятой в 1996 г. Концепции формирования государственной идентичности РК. Этот документ способствовал успешной консолидации общества республики вокруг казахского этноса по принципу единства в многообразии. Конституция, принятая на референдуме в 1995 г., создание уникального института — Ассамблеи народов Казахстана (далее — АНК) утвердили главные принципы общественного согласия на уровне Основного закона государства и в общественном сознании. На этом этапе проявилась важная роль АНК, наделенная полномочиями консультативно-совещательного органа при Президенте РК.

Конституцией закреплены общегражданские принципы государственности в период трансформации. Трендами в сфере этнополитики на этом этапе стали аспекты формирования казахстанской нации как новой политической общности граждан, курс на гражданское общество, созидание аутентичной модели национального строительства. Был заложен фундамент межрелигиозного и межэтнического согласия, которое стало своеобразным национальным брендом Казахстана, где проживают представители более 100 этносов и 18 конфессий. В этот период принимается Стратегия развития «Казахстан-2030» (1997 г.), которая определила основные параметры национального развития республики, ставшие ориентирами для всего общества, идеологической платформой общественному согласию и формированию межэтнической толерантности. В результате были сняты ощущения дискомфорта у этносов Казахстана, положено начало осуществлению последовательной языковой политики и закреплению ее на законодательном уровне. В обществе наблюдался консенсус в отношении отказа от политизации этнических и конфессиональных отношений.

¹ Выступление Тугжанова Е. Л. на заседании клуба журналистов-экспертов при АНК. Астана, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 18 ноября 2010 г.

² Назарбаев Н. А. Политика мира и согласия. Астана, 2008. С. 253, 327, 330.

Третий этап, длившийся с 2002 по 2007 гг., отмечен последовательным и логичным формированием уникальной модели толерантности в межэтнических отношениях и общественного согласия, известной ныне как казахстанская. На этой стадии разработаны и вступили в силу значимые нормативные правовые, по сути, программные документы, такие как: Стратегия АНК, Государственная программа развития и функционирования языков в республике, Программа совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. В это время заметно ускорились темпы отечественного экономического роста, политический процесс активизировался.

В этот же период Казахстан инициировал съезды мировых религий. 23–24 сентября 2003 г. в г. Астане состоялся Первый Съезд лидеров мировых и традиционных религий. В работе Съезда приняли участие 17 делегаций священнослужителей из 13 стран Европы, Азии, Африки и Ближнего Востока. Причем среди них были даже те главы религиозных общин, которые в силу многолетних противоречий раньше отвергали саму возможность диалога с другими конфессиями.

Декларация Первого Съезда сыграла крайне важную роль, так как выявила основные точки соприкосновения в диалоге ведущих мировых и традиционных религий.

12–13 сентября 2006 г. в Астане состоялся Второй Съезд лидеров мировых и традиционных религий «Религия, общество и международная безопасность». В работе межрелигиозного саммита приняли участие 43 делегации — представители мировых и традиционных религий из 20 стран Европы, Америки, Азии и Африки. В качестве почетных гостей присутствовали посланники ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО. Утверждается кодекс межрелигиозного саммита — документ под названием «Принципы межрелигиозного диалога», в котором особо и четко подчеркивается фундаментальная ценность межконфессионального диалога для будущих поколений.

Непреодолимой преградой этнонационалистическим, радикалистским и экстремистским проявлениям стали ориентиры молодого государства и казахстанского общества на созидание мира и согласия между этносами и конфессиями. Именно эти императивы стали мощным стабилизирующим фактором усиления иммунитета казахстанцев против предполагавшегося некоторыми экспертами негативного сценария в межэтнической и межконфессиональной сферах.

Для четвертого этапа, с 2007 по 2010 гг., характерно продолжение последовательного интеграционного процесса в среде казахстанского общества, переход от оперативного реагирования на события в этноконфессиональной сфере к структурированию целостной системы в этнополитике государства. Конституционная реформа 2007 г. стала стартом новому этапу демократического процесса, усиления и дальнейшей активизации интеграционных тенденций, объединяющей и сплачивающей роли казахского языка.

АНК получила конституционный статус, закрепленный Основным законом республики, что усилило позиции и значение этого уникального института и инструмента этнополитики. Роль Ассамблеи народа Казахстана в принятии важнейших решений Парламентом страны неуклонно растет. Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана»¹ юридически закрепил АНК как субъект политической системы республики, как институт регулирования межэтнической сферой и инструмент национальной политики.

Уникальный закон, закрепивший идеологические ориентиры, направленные на установление главенства демократических принципов уважения прав и свобод граждан, принципы защиты национальных интересов, отношения паритетного партнерства и взаимное доверие, закрепил институциональные особенности развития АНК, стал первым подобным актом в мировой законодательной практике.

Нациестроительство формируется по пути страны — приверженца идеи мира, сотрудничества и этноконфессиональной гармонии.

1–2 июля 2009 г. в г. Астане состоялся Третий Съезд лидеров мировых и традиционных религий «Роль религиозных лидеров в построении мира, основанного на толерантности, взаимном уважении и сотрудничестве». В работе Съезда приняли участие 77 делегаций из 35 стран мира.

¹ Об Ассамблее народа Казахстана : закон Республики Казахстан, принят 20 октября 2008 г. [Электронный ресурс] // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/41901/rus/20.10.2008> (дата обращения: 15.07.2023).

По итогам форума принято Обращение участников Третьего Съезда, лидеров мировых и традиционных религий, которое содержит ряд основополагающих положений, касающихся роли всех религий в развитии современных обществ и противодействии угрозам безопасности.

Пятый этап, началом которого следует считать 2010 г., ознаменован модернизационными процессами государственной политики в Казахстане. Программными документами, принятыми в этот период, стали Стратегический план развития страны до 2020 г. и Концепция правовой политики на период с 2010 до 2020 г. Стратегия и концепция нацелены на обеспечение неуклонного роста экономики, усиление потенциала государства на стратегических направлениях, позитивное развитие межэтнических отношений.

Казахстан становится реальным актором регионального масштаба, экономическим и культурным мостом между значимыми субъектами глобальной политики — Китаем, Россией и тюркским миром. В 2015 г. принят беспрецедентный в отечественной практике План нации, который обозначил сто конкретных шагов по пяти институциональным реформам, в основу которых вошла ключевая — идентичность и единство. С 1 января 2015 г. республика — член Евразийского экономического союза. Будучи издревле перекрестком народов и цивилизаций, Казахстан стремится к достижению мира и гармонии между этносами и конфессиями на его земле.

30–31 мая 2012 г. в г. Астане состоялся Четвертый Съезд лидеров мировых и традиционных религий «Мир и согласие как выбор человечества». В работе Съезда приняли участие 85 делегаций из 40 стран мира, представляющих все мировые и традиционные религии, а также авторитетные религиозные и международные организации. 10–11 июня 2015 г. в г. Астане состоялся Пятый Съезд лидеров мировых и традиционных религий «Диалог религиозных лидеров и политических деятелей во имя мира и развития». В работе Съезда приняли участие 72 делегации из 49 стран мира — авторитетные религиозные лидеры, политические деятели и главы международных организаций.

Шестой этап, с 2018 г., связан с принятием Стратегии «Казахстан-2050». В 2019 г. Нурсултан Назарбаев сложил полномочия президента Казахстана, 9 июня в Казахстане состоялись альтернативные выборы президента РК, на которых Касым-Жомарт Токаев одержал убедительную победу. Кредитная амнистия для физических лиц, льготная ипотека «Бакытты отбасы», создание Национального совета общественного доверия и другие решения обеспечили в определенной степени кредит доверия к власти. С принятием «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2020 года», а затем на 2022–2026 гг.¹ АНК становится институтом народного представительства, консолидирующей площадкой гражданского сектора для обсуждения и выработки консенсуса по ключевым вопросам развития государства и общества.

В октябре 2018 г. в г. Астане состоялся Шестой Съезд лидеров мировых и традиционных религий «Религиозные лидеры за безопасный мир». В работе Съезда приняли участие 82 делегации из 43 стран мира, в состав которых вошли лидеры и представители мировых и традиционных религий, авторитетные политические деятели и главы крупных международных организаций. Съезд призвал стороны военных конфликтов «прекратить столкновения, объявить перемирие и посредством переговоров выработать соглашения о прекращении насилия, защите мирных граждан, мирном решении всех противоречий»².

Седьмой этап, с 2020 г., направлен на изменения и дополнения, внесенные в законодательство об АНК, подчеркивающие демократические и управленческие принципы сферы межэтнических отношений, этноменеджмента, которые необходимо постоянно совершенствовать. Данные изменения и дополнения укрепили возможности участия этнокультурному сообществу в принятии политических решений, развитии гражданского общества. Вопрос аккредитации этнокультурных объединений (ЭКО) является индикатором их полезности в социальном и общественно-политическом развитии³. Конституционные

¹ Токаев утвердил Концепцию развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 годы [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 22.09.2022. URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6025556-tokaev-utverdil-kontseptsiiu-razvitiia-assamblei-naroda-kazakhstan-na-2022-2026-gody.html> (дата обращения: 02.04.2023).

² Во имя мира и согласия (К. Токаев, председатель Сената Парламента РК, руководитель Секретариата Съезда лидеров мировых и традиционных религий) [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 05.10.2018 URL: <https://www.zakon.kz/obshchestvo/4940248-vo-imya-mira-i-soglasiya-k-tokaev.html> (дата обращения: 25.05.2023).

³ Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана»: принят 20 октября 2008 г. [Электронный ресурс] // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/41901/rus/20.10.2008> (дата обращения: 15.07.2023).

реформы коснулись и представительства АНК в Парламенте РК. Из Конституции и ряда законодательных актов исключены нормы о представительстве Ассамблеи в Мажилисе Парламента РК, которая с 2007 г. избирала на сессии АНК девять своих представителей из числа авторитетных лидеров этнокультурных объединений. Президент Казахстана ранее назначал в Сенат Парламента (Верхнюю палату) пятнадцать депутатов.

В соответствии с новой редакцией Конституции президент в январе 2023 г. назначил десять депутатов Сената, пять из которых — по предложению АНК, которую он сам возглавляет. Выступая на заседании Сената Парламента Республики Казахстан 26 января 2023 г., глава государства Касым-Жомарт Токаев особо подчеркнул: «Наш принцип “разные мнения, но единая нация” незыблем... Мы все живем в одном общем доме. Поэтому каждый гражданин, любой общественный деятель, все политические силы должны осознавать свою прямую ответственность за будущее страны»¹.

14–15 сентября 2022 г. в г. Астане состоялся Седьмой Съезд лидеров мировых и традиционных религий «Роль лидеров мировых и традиционных религий в духовном и социальном развитии человечества в постпандемический период». В работе Седьмого Съезда приняли участие свыше 100 делегаций из 50 государств мира, в состав которых вошли крупные современные лидеры мировых и традиционных религий, их представители, главы государств, а также руководители ведущих международных организаций и центров, парламентарии стран мира.

Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев в своем выступлении перед участниками саммита особо обозначил, что «встреча религиозных лидеров в нынешний сложный период за одним столом имеет важное значение. Она показывает всему человечеству, что можно прийти к общему мнению и найти решение по любому вопросу. По моему мнению, главная миссия и особенность Съезда лидеров мировых и традиционных религий заключается именно в этом»².

В своей итоговой речи к участникам межрелигиозного саммита Папа Римский Франциск особо указал на то, что любые конфликты нужно осуждать, не взирая на их цели и мотивы³.

Выводы

Преимуществом в политике, включая межэтнические и межконфессиональные отношения, — главная формула развития Казахстана. Именно на сессиях АНК проходит «сверка часов», озвучиваются и обсуждаются новые инициативы. Прошедшая, к примеру, в апреле 2022 г. XXXI сессия Ассамблеи народа Казахстана была посвящена теме сплочения нации вокруг идеалов и ценностей Нового Казахстана. Она вошла в историю как впервые проведенная в формате широкого и открытого обсуждения повестки на тематических площадках, с участием регионального представительства. Президентом страны Касым-Жомартом Токаевым, председателем АНК, на ней обозначены четкие ориентиры деятельности АНК в новых политических условиях.

Эффективная казахстанская модель этноконфессионального согласия основана на двух главных составляющих: народное представительство как отражение политической интеграции казахстанцев и охват всего спектра этносов и конфессий. Создание АНК стало решением двуединой задачи: она выступает инструментом прямой демократии, согласно концепции «народного» суверенитета, и является, фактически, народным представительством.

Усиление роли АНК в контексте нациестроительства вследствие тотальной модернизации всех ее институтов, активно участвующих и в духовном, и в ценностном обновлении общества, ведет к дальнейшему успешному развитию сферы межэтнических и межконфессиональных отношений.

¹ Выступление Токаева на заседании Сената Парламента РК [Электронный ресурс] // [Zakon.kz](https://www.zakon.kz/politika/6382574-vystuplenie-tokaeva-na-zasedanii-senata-parlamenta.html). 26.01.2023. URL: <https://www.zakon.kz/politika/6382574-vystuplenie-tokaeva-na-zasedanii-senata-parlamenta.html> (дата обращения: 02.04.2023).

² Диасов Ораз. Главную миссию и особенность Съезда лидеров мировых и традиционных религий назвал Токаев [Электронный ресурс] // *Казахстанская правда*. 14.09.2022. URL: <https://kazpravda.kz/n/glavnuyu-missiyu-i-osobennost-sezda-liderov-mirovyh-i-traditsionnyh-religiy-nazval-tokaev/> (дата обращения: 25.05.2023).

³ Папа Римский назвал главное призвание всех религий в постпандемический период [Электронный ресурс] // *МИА «Казинформ»*. 14.09.2022. URL: https://www.inform.kz/ru/papa-rimskiy-nazval-glavnoe-prizvanie-vseh-religiy-v-postpandemicheskiy-period_a3978724/?ysclid=ll7txg6e-po542308288 (дата обращения: 25.05.2023).

Для анализа эффективности функционирования политических институтов и исследования иных важных аспектов национального строительства интересны выводы Фрэнсиса Фукуямы, представленные в труде «Пандемия и политический порядок». Аналитические материалы, посвященные современным проблемам глобальной политики, содержат и позитивные оценки: «Пандемия повсюду пролила яркий свет на существующие институты, выявив их недостатки и слабые стороны ..., но наряду с проблемами, кризис также показал способность правительства обеспечивать решения, используя коллективные ресурсы в этом процессе. Сохраняющееся чувство „единства вместе“ может укрепить социальную солидарность и способствовать развитию более щедрой социальной защиты в будущем» [5].

В казахстанской этнополитологической науке и практике значительна потребность в комплексном исследовании и аналитических материалах о тенденциях и перспективах государственной этноконфессиональной политики, активно реализуемой в том числе этнокультурными сообществами и религиозными культурами, определением перспективных путей ее совершенствования. Поэтому актуализируется роль в модернизации нациестроительства с участием этнокультурного, конфессиональных сообществ, а также институционального развития АНК.

В апреле 2023 г. на XXXII сессии АНК «Справедливый Казахстан: единство, стабильность, развитие» в целях эффективности дальнейшей модернизации национальной политики глава государства, являясь Председателем АНК, «поручил подготовить аналитический доклад с анализом текущего состояния процесса нациестроительства с соответствующими актуальными рекомендациями»¹. Подготовка доклада позволит государственным органам, ученым, научно-экспертному и этнокультурному сообществу подвести итоги развития общества за годы независимости по укреплению гражданского единства, общенациональной идентичности и этносоциальной целостности страны, определить «болевы точки» национального строительства, приоритеты дальнейшего сплочения казахстанского общества на платформе «Единство нации — в его многообразии». В русле динамичных процессов интеграции общества позитивное развитие межэтнической и межконфессиональной сфер непосредственно влияет на экономический рост, эффективность реализации политического курса, стабильность и консолидацию общества.

Управление этноконфессиональными процессами, бесспорно, один из важнейших аспектов функционирования государства и задач общества, компетентное определение проблемных зон позволяет разработать превентивные меры и избежать возникновения как межэтнической, так и внутриэтнической напряженности, минимизировать негативное воздействие на развитие государственно-религиозных отношений.

Литература

1. Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан. Аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов / под общей редакцией доктора политических наук Е. Л. Тугжанова, ответственный редактор Н. П. Калашникова. Астана, 2012. 516 с.
2. Конституция Республики Казахстан: научно-практический комментарий. Алматы : Раритет, 2010. С. 10.
3. Тугжанов Е. Л., Абдакимов А. А., Калашникова Н. П. [и др.]. Назарбаев Н.: идея мира и социальной гармонии. Астана : Акарман-медиа, 2010. 258 с. (На казахском яз.)
4. Тугжанов Е. Л., Калашникова Н. П. [и др.] Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. Алматы : КАЗАКПАРАТ. 2015. 326 с.
5. Фрэнсис Фукуяма. Пандемия и политический порядок [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 25.06.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-poryadok-krolik/> (дата обращения: 20.03.2023).

¹ Мими Бутенко, Айбекова Сауле. Токаев поручил правительству подготовить доклад о нациестроительстве в Казахстане [Электронный ресурс] // NUR.KZ. 27.04.2023. URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2018477-tokaev-poruchil-pravitelstvu-podgotovit-doklad-natsiestroitelstve-v-kazahstane/> (дата обращения: 25.05.2023).

Об авторах:

Калашникова Наталья Павловна, заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан) доктор политических наук, профессор;
e-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

Байтюрева Клара Алипбаевна, старший преподаватель кафедры Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан);
e-mail: baitureyeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5132-2585

References

1. Imperatives of State Ethnopolitics of the Republic of Kazakhstan. Analytical Materials and Methodological Recommendations for Government Agencies / under the General Editorship of Doctor of Political Sciences E. L. Tugzhanov, Executive Editor N. P. Kalashnikova. Astana, 2012. 516 p. (In Rus.)
2. The Constitution of the Republic of Kazakhstan: Scientific and Practical Commentary. Almaty : Raritet, 2010. P. 10. (In Rus.)
3. Togzhanov E. L., Abdakimov A. A., Kalashnikova N. P. [et al.] N. Nazarbayev: the Idea of Peace and Social Harmony. Astana : Akarman-media, 2010. 258 p. (In Kazakh)
4. Tugzhanov E. L., Kalashnikova N. P. [et al.] Assembly of the People of Kazakhstan: the History of Two Decades. Almaty : KAZakparat. 2015. 326 p. (In Rus.)
5. Francis Fukuyama. Pandemic and Political Order [Electronic resource] // Russia in Global Affairs. 06.25.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-poryadok-krolik/> (accessed: 20.03.2023). (In Rus.)

About the authors:

Natalia P. Kalashnikova, Head of Department at Assembly of People of Kazakhstan, Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383

Klara A. Baitureyeva, Senior Lecturer of Department at Assembly of People of Kazakhstan, Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan), PhD in History;
e-mail: baitureyeva@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5132-2585

Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае

Пахомова М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: mariap2707@gmail.com

РЕФЕРАТ

Для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества принципиально важно в полной мере понимать специфику функционирования политической, экономической и социальной системы этой страны, которая, в частности, детерминирована сложившейся системой взаимоотношений между государством и бизнесом.

Цель. Выявить специфику модели взаимоотношений между государством и бизнесом, которая сложилась в КНР за период экономических реформ и является одним из важнейших аспектов «китайского чуда».

Задачи. Определить применимость западных моделей отношений государства и бизнеса к китайским реалиям, дать характеристику основным принципам и подходам к регулированию взаимоотношений государства и бизнеса, выявить проблемы, противоречия и перспективы их разрешения в условиях современного Китая.

Методология. Системный и сравнительный анализ, научное обобщение, экспертные оценки.

Результаты. Специфика модели взаимоотношений между государством и бизнесом в современном Китае определяется, со одной стороны, полиморфной природой китайского государства, с другой — становлением бизнеса как гибридного субъекта. В связи с этим рассматривать отношения между государством и бизнесом в Китае как единообразные или в которых доминирует определенная форма взаимодействия является, на наш взгляд, неверным. В реальности эти отношения неоднородны и варьируются не только в зависимости от регионов и секторов, но и «неравномерны» между различными видами субъектов бизнеса в рамках одного и того же сектора и/или региона, в результате чего различные виды бизнеса имеют разную степень близости к государству и субнациональным органам власти.

Выводы. Сложившаяся исторически под влиянием решений и действий правящей партии на различных этапах развития современной китайской государственности система, несмотря на свою сложность, а нередко и запутанность, тем не менее дает возможность правительству гибко маневрировать в условиях серьезных экономических и финансовых потрясений, вызванных как собственно экономическими, так и социально-политическими причинами.

Ключевые слова: Китай, бизнес, государство, Коммунистическая партия Китая, экономические реформы, государственная политика

Для цитирования: Пахомова М. А. Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 168–178. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-168-178>

The Specifics of the State-Business Relations in Modern China

Maria A. Pakhomova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: mariap2707@gmail.com

ABSTRACT

For the further development of Russian-Chinese cooperation, it is fundamentally important to understand fully the specific characteristics of the political, economic and social system of this country, which, in particular, is determined by the established system of the state — business relations.

Aim. To identify the specifics of the model of relations between government and business, which has developed in the PRC during the period of economic reforms and is one of the most important aspects of the “Chinese miracle”.

Tasks. To determine the applicability of Western models of state and business relations to Chinese realities, to characterize the main basic principles and approaches to the regulation of relations between the state and business, to identify problems, contradictions and prospects for their resolution in the conditions of modern China.

Methods. System and comparative analysis, scientific generalization, expert assessments.

Results. The specific characteristics of the state-business relations model in the country are determined, on the one hand, by the polymorphous nature of the Chinese state, on the other — by the formation of business as a hybrid actor. In this regard, it is, in our opinion, incorrect to see the state-business relations in China as uniform or dominated by a specific form of interaction. In reality, these relations are heterogeneous and vary not only depending on regions and sectors, but also “uneven” across different types of business actors within the same sector and/or region, as a result of which different types of businesses have different degrees of closeness to the state and subnational authorities.

Conclusion. The system, historically formed under the influence of decisions and actions of the ruling party at various stages of the development of modern Chinese statehood, despite its complexity and often confusion, nevertheless allows the government to maneuver flexibly in the situations of serious economic and financial shocks caused by both economic and socio-political factors.

Keywords: China, business, state, Communist Party of China, economic reforms, public policy

For citing: Pakhomova M. A. The Specifics of the State-Business Relations in Modern China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 168–178. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-168-178>

Введение

Китаю потребовалось менее 70 лет, чтобы выйти из изоляции и стать одной из величайших экономических держав мира. Страна не только более двух десятилетий демонстрировала самые высокие темпы роста в мире, а сейчас, занимая второе после США по номинальному валовому внутреннему продукту (ВВП) место, лидирует по ВВП по паритету покупательной способности (ППС), но и демонстрирует достаточно низкий уровень инфляции, имея огромные золотовалютные запасы и постоянно растущее благосостояние населения.

Удивительная природа и уникальность китайской экономики особенно ярко проявляются при сравнении ее с другими «переходными экономиками» в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, в отличие от которых стране удалось осуществить переход к рыночной экономике с минимальными социальными и политическими издержками адаптации к новой реальности и сохранением широкой поддержки реформ в обществе.

Не ставя перед собой задачу раскрыть все параметры «китайского чуда», остановимся подробнее лишь на одной его составляющей, которая, по нашему мнению, однако, является ключевой, а именно на специфическом характере взаимоотношений между государством, Коммунистической партией Китая (КПК) и бизнесом.

Теоретические подходы к анализу взаимоотношений и бизнеса в КНР

Сложность характеристики отношений между государством и бизнесом в Китае проистекает как из неоднозначных границ между государством и бизнесом, так и из множественности направлений и форм

их взаимодействия. Такая двойственность и многополярность объясняет ограничения применения существующих теорий при описании отношений государства и бизнеса в Китае. Так, например американский исследователь С. Кеннеди [10], рассматривая китайский случай с точки зрения уровней автономии фирм, моделей организации, кооперативных и конкурентных обменов и прозрачности политических процессов с использованием теоретических моделей плюрализма, социального корпоративизма, государственного корпоративизма, консерватизма и монизма, приходит к выводу, что в той или иной степени Китай вписывается в рамки всех этих подходов, за исключением монизма.

По мнению же китайского политолога Так-Винг Нго [16], подчеркивающего центральную роль власти и интересов, присущая Китаю модель взаимоотношений бизнеса и государства в сравнении с устоявшимися в политической науке теориями выглядит следующим образом (см. таблицу).

Таблица

Сравнительный анализ моделей взаимоотношения государства и бизнеса

Table. Comparative analysis of the state-business relations models

Показатель	Плюрализм	Социальный корпоративизм	Государственный корпоративизм	Марксизм	Клиентоориентированность	Китай
Государственная структура	Единая	Единая	Единая	Единая	Олигархии и местные боссы	Фрагментированный авторитаризм
Интересы государства	Нейтральный	Формирование консенсуса	Политический контроль	Долгосрочное накопление капитала	Источник доходов для чиновников	Различные (контроль, накопление, источник доходов)
Структура бизнеса	Атомистическая или разнообразная	Организованная снизу	Организованная сверху	Разнообразная	Атомистическая	Разнообразная
Интересы бизнеса	Конкретные или секторальные; максимизация прибыли	Коллективные; максимизация прибыли	Коллективные; максимизация прибыли	Классовые интересы; накопление капитала	Партикуляризм; стремление к ренте	Партикуляризм; стремление к прибыли и ренте, политическое продвижение
Формы взаимодействия	Конкурентное лоббирование	Коллективные переговоры через ключевые ассоциации	Государственный заказ через ключевые ассоциации	Захват бизнеса	Индивидуальные обмены через отношения «покровитель — клиент»	Обмены как на индивидуальном, так и на институциональном уровнях
Условия обмена	Привилегии коллективной политики в отношении голосов / поддержки	Преимущества коллективной политики для достижения политического консенсуса	Преимущества коллективной политики при политическом молчаливом согласии	Коллективная защита для поддержки режима	Партикуляристская рента / привилегии за добычу / лояльность	Конкретная рента за добычу или выполнение местных экономических целей
Характер взаимоотношений	Сделка между независимыми сторонами; конкуренция	Сотрудничество	Государственное лицензирование; сотрудничество	Симбиоз	Сговор	Сговор

Источник: составлено автором

Таким образом, Винг Нго считает, что Китай не соответствует ни одной из рассматриваемых моделей. Китай явно отклоняется от плюралистической модели, которая базируется на идее о том, что многочисленные секторальные интересы свободно конкурируют за влияние на государственную политику в рамках открытой политической системы. В Китае ограничена не только политическая доступность, но, что более важно, государство является кем угодно, только не нейтральным игроком, действующим в ответ на конкурирующие экономические и социальные требования. Фрагментированное государство в Китае имеет свои собственные интересы, и эти интересы разнообразны и даже могут противоречить друг другу, когда речь идет о различных группах бюрократии и/или административных уровнях управления.

В принципе, Китай больше соответствует модели клиентоориентированности, в которой наиболее распространены сговор между чиновниками и деловыми кругами. Многие наблюдатели подчеркивают ключевую роль, которую играют личные связи (гуаньси), когда чиновники предлагают дискреционные привилегии в виде определенных ресурсов, кредитов, доступа к рынку и т. д. частным бизнесменам и предприятиям в обмен на налоги, выплаты, трудоустройство и личное вознаграждение [17; 19]. Тем не менее существуют

некоторые различия между ситуацией в Китае и сетями покровителей и клиентов во многих странах Юго-Восточной Азии. Долгое время государственная власть в ЮВА была монополизирована конкурирующими политическими группировками, которые удерживались вместе сетями персонализированных отношений «покровитель — клиент». Бизнес вел себя как «предприниматели-изгои» (pariah entrepreneurs) [3; 9; 12] или «капиталисты-дружки» (crony capitalists) [7], которые искали покровительства у отдельных чиновников. На более позднем этапе для этих стран стало характерным преобладание местных влиятельных лиц, которые сочетали государственные ресурсы с богатством частной собственности, образуя своего рода «босизм» [14]. Рассматриваемый таким образом бизнес, по сути, является своего рода рантие.

Интересы китайского бизнеса во многом схожи с интересами рентиискателей, стремящихся получить политическое покровительство. Однако Китай отличается тем, что официальные покровители — это не просто политические воротилы, стремящиеся к личной выгоде посредством своего контроля над распределением ресурсов. Помимо учета личных интересов, взаимодействие государства и бизнеса в Китае также предполагает симбиотический союз между институциональными образованиями, то есть местными органами государственной власти и предприятиями, и часто представляет собой такую модель развития, в которой местные власти предлагают защитные привилегии местному бизнесу не только за вознаграждение и власть, но и ради развития местной экономики. Жан Чун Оой [11] еще в начале 1990-х гг. назвала такое взаимодействие государства и бизнеса местным государственным корпоративизмом. Однако следует понимать, что в данном случае речь идет о механизме экономической координации, подобной корпорации, а не о корпоративном механизме посредничества интересов. Что же касается корпоративизма, то присущий ему элемент в Китае можно обнаружить в создании спонсируемых государством иерархических ассоциаций для различных секторов бизнеса, иностранных инвесторов, местных предпринимателей и так далее. Членство является обязательным, и руководство обычно берут на себя государственные или партийные чиновники. Многие из этих ассоциаций размещены в правительственных зданиях и полагаются на государственную поддержку в своей повседневной деятельности.

Однако вряд ли можно в полной мере характеризовать отношения государства и бизнеса в Китае как государственно-корпоративные. Корпоративные структуры в первую очередь используются для политического контроля, чтобы предотвратить появление организованных интересов, находящихся вне досягаемости партии-государства. На практике они играют очень ограниченную роль в посредничестве между государством и бизнесом и еще меньшую роль в представлении интересов отдельных секторов экономики. Вместо того чтобы обращаться через бизнес-ассоциации, большинство предприятий в Китае сообщают о своих требованиях через личные связи с государственными чиновниками.

В наибольшей степени, по нашему мнению, для Китая применим термин «планово-рациональное государство», предложенный применительно к Японии американским политологом Ч. Джонсоном [8]. Китай в определенной степени соответствует восточноазиатской модели активного государства с сильным желанием управлять бизнесом и экономикой, государства, занимающегося не только макроэкономическим планированием, но и микроэкономическим вмешательством в конкретные бизнес-операции. Тем не менее китайское партийное государство, не только фрагментированное, но и нередко включающее на практике сговор государства и бизнеса, который способствует не только развитию, но и хищническим практикам, достаточно сильно, на наш взгляд, отличается от социально укорененного автономного государства, укомплектованного меритократическими технократами, которое является типичным примером развивающегося государства на Востоке. Конечно, китайское государство, особенно на местном уровне, временами берет на себя лидирующую роль в содействии местному экономическому развитию. Однако государство, выполняющее функции развития, не эквивалентно государству развития, которое стало основой для так называемого восточноазиатского чуда.

Пытаться «подогнать» ситуацию в Китае к какой-либо одной модели, на наш взгляд, не имеет смысла. В реальности эти отношения неоднородны и варьируются не только в зависимости от регионов и секторов, но и между различными видами субъектов бизнеса в рамках одного и того же сектора и/или региона, в результате чего различные виды бизнеса имеют разную степень близости к государству и субнациональным органам власти. Такая ситуация сложилась в стране исторически под влиянием

разнонаправленных действий коммунистических элит на различных этапах развития современной китайской государственности.

Полиморфность китайского государства и гибридность бизнеса

Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае определяется, со одной стороны, полиморфной природой китайского государства, с другой — становлением бизнеса как гибридного субъекта.

Полиморфность китайского государства связана с тем, что в реальности система государственной власти в этой стране включает в себя не только правительственную бюрократию, но и Коммунистическую партию, военных, спонсируемые государством народные организации, а также многочисленные государственные учреждения, такие как университеты, информационные агентства и больницы, которые в большей или меньшей степени поддерживают постоянные контакты с бизнесом [6, с. 304–310].

С точки зрения прав собственности экономика Китая не похожа на смешанную экономику, где можно найти как государственные предприятия, так и частные фирмы с четко определенными границами. Вместо этого в стране существует огромное количество компаний, которые нельзя четко классифицировать ни как государственные, ни как частные. Этот широкий спектр гибридного бизнеса включает государственные предприятия, коллективные предприятия (в основном на уровне поселков и деревень), акционерные предприятия со смесью государственных и частных акционеров, совместные предприятия государственного и частного сектора, частные компании, замаскированные под государственные или коллективные предприятия, клановые предприятия, имеющие политические связи с влиятельными должностными лицами, реляционные предприятия, которые связаны с национальными или местными монополиями и олигополиями, и т. д.

Таким образом, речь идет о так называемой рекомбинантной собственности [15, с. 993], при которой возникают новые формы собственности, в рамках которых атрибуты частного и общественного растворяются, переплетаются и рекомбинируются; и фирмы используют такую двойственность для распределения рисков в условиях неопределенности путем диверсификации активов и рекомбинации ресурсов.

Рекомбинантная собственность представляет собой лишь один источник гибридности. Другие источники гибридности проистекают из перекрывающегося членства, а также запутанных связей между государством, партией и бизнесом. Политическая власть в эпоху реформ опиралась на прямой контроль над государственными и частными активами. Более того, подробности обвинений в коррупции, выдвинутых против видных деятелей партии, вооруженных сил, парламентских органов, государственных министерств и государственных предприятий в начале 2010-х гг., свидетельствуют о личном участии высокопоставленных политических лидеров в деловых операциях, получении ренты и обмене политическими должностями на личную и экономическую выгоду. Некоторые обширные бизнес-империи были разоблачены как имеющие прямые связи с высокопоставленными политиками [5].

Благодаря доктрине «тройного представительства»¹, которая позволила представителям бизнес-элит вступать в партию и участвовать в активной политической жизни, КПК функционирует как сетевой механизм, связывающий бизнес с государством и наоборот. Перечислим основные способы, с помощью которых партия установила тесные отношения с частным сектором.

- Распространение уже упоминавшихся нами спонсируемых государством ассоциаций.
- Большое количество членов КПК, которые оставили официальные посты и стали бизнесменами.
- Стимулирование членства бизнесменов в КПК.

¹ Тройное представительство, или концепция «трех представительств» — идея, сформулированная Цзян Цзэмином на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.). Согласно принятой концепции, Коммунистическая партия Китая должна представлять интересы развития передовых производительных сил, передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского населения. Такая формулировка открыла дорогу для вступления в Компартию представителей деловых кругов, предпринимателей.

Эта модель, несомненно, выходит за рамки типичного клиентелизма, при котором бизнес-клиенты ищут политического покровительства у отдельных чиновников или влиятельных брокеров для получения защиты и особых привилегий. В китайском варианте покровитель и клиент слиты воедино.

Таким образом, мы находим в Китае множество субъектов бизнеса, разнообразие организационных форм и множество прав собственности. В этом уникальном наборе наиболее заметными действующими лицами являются не обычные частные фирмы, а новые разновидности государственных предприятий, предприятия, встроенные в политику, совместные государственно-частные предприятия и частные фирмы, замаскированные под коллективные предприятия. Различные формы собственности существуют бок о бок, одновременно реагируя на рыночные сигналы и политические стимулы.

Понимание фрагментации китайского государства и гибридности бизнеса важно, потому что оно позволяет нам по-новому взглянуть на интересы государства и бизнеса, поскольку их согласование является основой к выстраиванию соответствующих отношений.

В принципе, считается само собой разумеющимся, что стремление к прибыли является определяющим интересом коммерческих предприятий. Однако в Китае извлечение прибыли как законный смысл существования современного бизнеса было лишь постепенно признано и институционализировано в ходе рыночных реформ. Фактически до 1990-х гг. предпринимательская деятельность, направленная на увеличение оборота и прибыли, такая как стимулирование сбыта, торговля, расширение доли рынка и так далее, — деятельность, которая является неотъемлемой частью нормальных деловых операций на капиталистическом рынке, не одобрялась государством.

В современных условиях интересы субъектов бизнеса значительно различаются в зависимости от структуры собственности предприятий: они варьируются от увеличения доли рынка и прибыльности компаний до достижения политических целей. Соответственно, и интересы органов государственной власти (в т. ч. и на местном уровне) и их представителей также могут сильно различаться: от выполнения местных приоритетов развития (как указано в контрактах на выполнение работ) с целью продвижения по карьерной лестнице и/или получения личных выгод посредством взяток, откатов и так далее. В результате степень близости бизнеса и государства в каждом конкретном случае определяется степенью пересечения интересов. Из-за этого конкретный орган государственной власти может защищать один вид бизнеса, дискриминируя другой. Аналогичным образом предприятие может получить сильную поддержку от местной власти в одной области, но столкнуться с враждебностью в другой области. Даже в пределах одного региона предприятие может пользоваться благосклонностью органов власти одного уровня, сталкиваясь при этом с проблемами на более высоком или более низком уровнях управления.

Как правило, государственные органы патронируют те предприятия, которые могут помочь им в достижении их политических и экономических приоритетов или продвижении их личных интересов. В большинстве случаев эти приоритеты включают политические цели, такие как высокие темпы роста, низкий уровень безработицы, стабильное налогообложение, технологическая модернизация, а также политические цели, установленные национальными пятилетними планами и другими политико-экономическими проектами, инициированными высшими руководителями страны. Неудивительно, что государственные предприятия, непосредственно контролируемые конкретным органом государственной власти, находятся с ним в самых тесных отношениях. Затем следуют предприятия со значительной долей государственной или коллективной собственности. Стратегические предприятия, такие как те, которые вносят существенный вклад в государственные доходы и занятость, те, которые поддерживаются национальными планами, или те, которые помогают повысить экономический статус принимающих их регионов, также получают официальное благословение властей. Обычно это крупномасштабные предприятия с формами рекомбинантной собственности в ключевых отраслях. Наряду с коммерческими структурами, чья поддержка государством официально санкционирована, мы также можем найти предприятия, которые частным образом связаны с отдельными партийными лидерами или местными чиновниками, которым удается добиться для них статуса стратегических местных предприятий, находящихся под покровительством государства.

Предприятия, которые в основном находятся в частной собственности и не в состоянии поддерживать личные отношения с должностными лицами, обладающими властью, имеют более отдаленные отношения с органами государственной власти. Наконец, еще более слабые связи с органами государственной власти имеют частные, малые и средние предприятия в нестратегических отраслях промышленности и с небольшим количеством личных связей.

Главный вопрос заключается в том, что значит иметь тесные отношения между государством и бизнесом? В первую очередь это означает наличие преференциальных привилегий, которыми пользуется бизнес в соответствии с официальными решениями. Близость к власти часто оборачивается существенной экономической или политико-правовой выгодой. Необходимо учитывать, что значительная доля экономических ресурсов в Китае распределяется не на свободном рынке, а путем государственного лицензирования доступа к определенному виду деятельности. Учитывая высокую степень государственного вмешательства и меняющуюся роль государства как регулирующего органа и инвестора, не удивительно, что в стране создается и реализуется огромное количество экономической ренты. Контролируя такие ресурсы, как земля, кредиты под низкие проценты, иностранная валюта и т. д., и используя свои полномочия по распределению таких ресурсов между целевыми отраслями или предприятиями, государство является главным источником экономической ренты и особых выгод для бизнеса.

Проблемы и перспективы отношений государства и бизнеса на современном этапе развития Китая

Отношения между государством и частным бизнесом в современном Китае можно охарактеризовать как «асимметричный альянс», сформировавшийся между политической властью и частным сектором за годы реформ и остающийся в значительной степени неизменным и в настоящее время. Это означает, что частные фирмы по-прежнему пользуются значительной автономией в плане ведения бизнеса до тех пор, пока они не пересекают политические и нормативно-правовые границы. Государство и партия предоставляют легитимность и операционную автономию частным фирмам, в то время как последние обеспечивают желаемые для государства результаты, такие как инвестиции, занятость и экономический рост. Однако автономия, которой пользуются частные фирмы, существует только на операционном, а не на политическом уровне и всегда ограничена. Всякий раз, когда интересы двух партнеров сталкиваются, политическая власть принимает окончательное решение. Весьма показательными в этом отношении являются знаменитые слова Дэна Сяопина в начале 1980-х гг. в ответ на полученный им доклад о «капиталистических» практиках Нянь Гуанцзю — основателя Shazi Guazi и одного из наиболее ярких представителей первого поколения частных предпринимателей в постмаоистском Китае. «Пока не трогайте его», — сказал Дэн своим подчиненным, намекая на большую терпимость к частному сектору, но также на то, что окончательная свобода действий остается за партией [18, с. 98].

Можно найти немало примеров сложного положения, в котором находились частные фирмы еще до прихода к власти Си Цзиньпина [1, с. 917–918]. Однако в последние годы отношения между государством и бизнесом становятся еще более асимметричными, демонстрируя дальнейшее усиление давления государства на частный сектор. Хотя многие были обеспокоены действиями КПК по укреплению институциональных связей с частным сектором — путем создания партийных комитетов и расширения их роли в корпоративном управлении, частные фирмы по-прежнему сохраняют значительную автономию в плане ведения бизнеса и управленческих практик.

Государство и партия по-прежнему в значительной степени зависят от частных фирм в достижении экономических целей, которые необходимы для поддержания социальной, экономической и политической стабильности, включая рост ВВП, налоговые поступления, занятость и местные технологические инновации. Не случайно правительством был проведен ряд реформ для улучшения бизнес-среды, включая сокращение числа правительственных согласований, административную децентрализацию в некоторых областях экономики и предоставление большей финансовой поддержки и снисхождения к закону частным фирмам. Эти реформы привели к некоторым положительным, хотя и ограниченным, эффектам.

В результате рейтинг Китая в индексе легкости ведения бизнеса Всемирного банка вырос с 96-го места в 2014 г. до 31-го в 2020 г.¹

Еще одним фактором, который вынудил государство подтвердить свою приверженность союзу с частным сектором, является ключевая роль, которую последний играет в стимулировании местного технологического развития. За последние несколько лет правительство потратило огромные ресурсы на различные виды промышленной политики для поддержки высокотехнологичных фирм, многие из которых находятся в частной собственности.

В то время как частные фирмы в значительной степени сохранили свою деловую автономию, политические и нормативные границы, с которыми они сталкиваются, были резко ужесточены, что отражает растущую обеспокоенность партии по поводу безопасности и стабильности. Термин «безопасность» появился 22 раза в коммюнике, опубликованном 19-м Центральным комитетом КПК после его V пленума в ноябре 2020 г., что почти вдвое чаще, чем за пять лет до этого².

Опасения по поводу безопасности небезосновательны, поскольку ведущие частные фирмы сегодня могут мобилизовать гораздо больше технологических и финансовых ресурсов, чем когда-либо прежде. В результате напряженность между государством и частными фирмами растет. Расширение за счет заемных средств таких фирм, как Anbang Insurance и Wanda, вызвало у политиков опасения по поводу финансовой нестабильности, что привело к подавлению не только их деловой активности, но и, в случае с Anbang, репрессиям по отношению к ее владельцам. Власти также чрезвычайно бдительно относятся к технологическим фирмам, особенно к тем, у которых большая база пользователей. Например, Neihan Duanzi, мобильная платформа, разработанная ByteDance и имеющая сплоченное сообщество из более чем 17 млн пользователей, была запрещена, поскольку контент, размещенный на платформе, был признан несовместимым с официальной идеологией. Особенно показательной была ситуация с приостановкой Джеком Ма, основателем Ant Group и Alibaba и одним из самых известных частных предпринимателей страны, IPO Ant Group на рекордные 37 млрд долл. после открытой атаки финансовых регуляторов Китая. Приостановленное IPO, за которым всего неделю спустя последовало обнародование незадолго до этого разработанных антимонопольных правил, нацеленных в целом на технологический сектор, было широко истолковано как последний шаг КПК по установлению большего контроля над частным сектором. Под руководством Си Цзиньпина была значительно ужесточена нормативно-правовая база, предприняты новые усилия по партийному строительству в частных фирмах и выдвинуты требования большей политической лояльности от частных предпринимателей.

Усиление регулятивного и политического контроля за частными фирмами, несомненно, является препятствием для инноваций, особенно в финансовом и технологическом секторах, где напряженность между государством и частными фирмами высока. Однако эти сектора регулируются повсеместно, и правила, с которыми сталкиваются некоторые технологические фирмы в Китае, возможно, являются даже менее обременительными по сравнению с США и Европой. Поэтому самое важное — это не наличие или отсутствие нормативных актов, а скорее их характер и доверие к законодательным процессам, стоящим за ними. Проблема в том, что, например, в разработанных правительством антимонопольных правилах для интернет-компаний многие положения носят довольно расплывчатый характер, что оставляет слишком много места для произвольного их толкования правительством, не говоря уже о политически мотивированном вмешательстве. Именно эта неопределенная и крайне политизированная нормативно-правовая среда представляет самую большую угрозу инновациям в финансовом и технологическом секторах.

В секторах, где политика не имеет такого большого значения, таких как производство, частные фирмы по-прежнему пользуются значительной автономией на уровне бизнеса, по крайней мере на данный момент. Эта автономия имеет решающее значение для эффективности и инновационного потенциала частного сектора, а также китайской экономики в целом.

¹ Doing Business 2004–2020 [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/doingbusiness> (дата обращения: 31.08.2023).

² Гафуров С. Пятый Пленум ЦК КПК — разговор о прошлом или о будущем? [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 23.11.2020 URL: https://www.pravda.ru/world/1551462-kitaj_budushchee/ (дата обращения: 31.08.2023).

По сравнению с усилиями государства и партии по налаживанию институциональных связей с частными фирмами и требованием лояльности, гораздо большую обеспокоенность вызывает постоянное ухудшение конкурентной среды, с которой сталкивается частный сектор. Поскольку государственные предприятия получают львиную долю финансовых ресурсов и становятся все больше и больше по численности и размеру, происходит ухудшение инвестиционного климата для частных фирм, что является, по мнению целого ряда китайских специалистов, самым большим препятствием на пути инноваций и эффективности в экономике.

Заключение

Понимание китайской модели взаимоотношений между государством и бизнесом представляется крайне важным для России. Как справедливо подчеркивает С. Ю. Глазьев, «российско-китайское экономическое сотрудничество политической волей лидеров Российской Федерации и Китайской Народной Республики носит характер стратегического партнерства, которое нуждается в содержательном наполнении перспективными совместными проектами и поддержке эффективно функционирующими институтами развития» [2, с. 9]. Однако сделать это возможно только при адекватном понимании специфики функционирования политической, экономической и социальной системы этой страны.

Чтобы понять логику развития взаимоотношений между государством и бизнесом в КНР, необходимо, на наш взгляд, вспомнить метафору, использованную одним из отцов китайского экономического чуда Чэнь Юнем [3, с. 238]. По его мнению, если сравнивать социалистическую экономику с птицей, то способность государства осуществлять централизованное планирование можно представить в виде клетки. Клетка, по мысли Чэня, означает сдерживающие факторы в экономике: без клетки птица бы упорхнула, а народное хозяйство бы развалилось; именно это случилось в эпоху «большого скачка», когда в результате децентрализации экономика вышла из-под контроля. Но, самое главное, клетка должна постоянно расти вместе с птицей, чтобы последняя чувствовала себя свободно.

В настоящее время асимметричный альянс между государством и Коммунистической партией и частным сектором, сформировавшийся в ходе долгого процесса реформ, остается в силе. Однако политические и нормативные ограничения, с которыми сталкиваются частные фирмы, были ужесточены. Фирмы, которые пересекают красные линии, подвергаются безжалостному наказанию. Однако мы считаем, что самое большое препятствие на пути инноваций и эффективности заключается в ухудшении конкурентной среды, с которой сталкиваются частные фирмы, а также в других глубоко укоренившихся структурных недостатках деловой среды Китая. Для решения этих извечных проблем партии и ее лидерам необходимо не только сохранить союз с частным сектором, но и вернуться к политической повестке дня социально-экономических реформ, которая учитывала бы новые угрозы и вызовы, с которыми сталкивается не только КНР, но и другие страны мира. При этом именно у Китая имеются, на наш взгляд, все необходимые ресурсы для нового прорыва в этой сфере. И дело не только в высоком уровне экономического развития, но и специфике его культуры, определяющей «потенциал китайской устойчивости — в твердости духа, национальной самобытности, в преемственности, социальной гармонии и справедливости, в почтенном отношении граждан к китайскому государству» [4, с. 35].

Литература

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ, 2016. 1083 с.
2. *Глазьев С. Ю.* Российско-китайское экономическое сотрудничество: трансформировать политическую волю в масштабные кооперационные проекты // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 9–10. EDN: NYQUMC
3. *Коуз Р., Ван Нун.* Как Китай стал капиталистическим. М. : Новое издательство, 2016. 386 с. Доступ: https://bstudy.net/1000546/ekonomika/ptitsa_kletke_rynochnaya_reforma_sotsializme#aftercont

4. *Кугай А. И.* Мускулы Дракона: современная геополитическая доктрина Китая // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (6). С. 32–40. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-32-40
5. *Просеков С. А., Головлёв Р. В.* Борьба с коррупцией в современном Китае // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 5. С. 922–927. EDN: HWLLCM. DOI: 10.30853/mns210185
6. Современное китайское государство / гл. ред. А. В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : РАН, 2022. 903 с.
7. *Hutchcroft P. D.* Oligarchs and Cronies in the Philippine State: the Politics of Patrimonial Plunder // World Politics. 1991. No. 43 (3). P. 414–450.
8. *Johnson C.* MITI and the Japanese Miracle. Stanford : Stanford University Press, 1982. 412 p.
9. *Kang D. C.* Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 203 p.
10. *Kennedy S.* The Business of Lobbying in China. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 278 p.
11. *Oi J. C.* Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China // World Politics. 1992. No. 45 (1). P. 99–126.
12. *Riggs F. W.* Thailand: the Modernization of a Bureaucratic Polity. Honolulu : East-West Center Press, 1966. 470 p.
13. *Searle P.* The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists. Honolulu : University of Hawaii Press, 1998. 318 p.
14. *Sidel J. T.* Capital, Coercion, and Crime: Bossism in the Philippines. Stanford : Stanford University Press, 1999. 225 p.
15. *Stark D.* Recombinant Property in East European Capitalism // American Journal of Sociology. 1996. No. 101 (4). P. 993–1027.
16. *Tak-Wing Ngo.* State–Business Relations in China’s Changing Economic Order / Xiaoke Zhang, Tianbiao Zhu (eds.) Business, Government and Economic Institutions in China. Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 47–77.
17. *Wank D. L.* The Institutional Process of Market Clientelism: Guanxi and Private Business in a South China City // China Quarterly. 1996. No. 147. P. 820–838.
18. *Xin Sun, Jiawei Hai.* State-Business Relations Under Xi: What has (and hasn’t) changed and what are the implications? [Электронный ресурс] // LSE. November 23rd, 2020. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/cff/2020/11/23/state-business-relations-under-xi-what-has-and-hasnt-changed-and-what-are-the-implications/> (дата обращения: 31.08.2023).
19. *Zhou X.* The Institutional Logic of Collusion Among Local Governments in China // Modern China. 2010. No. 36 (1). P. 47–78.

Об авторе:

Пахомова Мария Артуровна, аспирант факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: mariap2707@gmail.com

References

1. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Moscow : AST, 2016. 1083 p. (In Rus.)
2. Glazyev S. Y. Russian Chinese Economic Cooperation: Transforming Political Will into Large-Scale Cooperation Projects // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 3. P. 9–10. (In Rus.) EDN: NYQUMC
3. Coase R., Ning Wang. How China Became Capitalist. Moscow : New Publishing, 2016. 386 p. Access: https://bstudy.net/1000546/ekonomika/ptitsa_kletke_rynochnaya_reforma_sotsializme#aftercont (In Rus.)

4. Kugay A. I. Muscles of the Dragon: Modern Geopolitical Doctrine of China // Administrative Consulting [Upravlencheskoye konsultirpvanie]. 2019. No. 6. P. 32–40. (In Rus.)
DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-32-40
5. Prosekov S. A., Golovlev R. V. Fighting Corruption in Modern China // Manuscript [Manuscript]. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 922–927. (In Rus.) EDN: HWLLCM. DOI: 10.30853/mns210185
6. Modern Chinese State / ed. by A. V. Vinogradov. Institute of Far Eastern Studies of RAS. Moscow : RAS, 2022. 903 p. (In Rus.)
7. Hutchcroft P. D. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: the Politics of Patrimonial Plunder // World Politics. 1991. No. 43 (3). P. 414–450.
8. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle. Stanford : Stanford University Press, 1982. 412 p.
9. Kang D. C. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 203 p.
10. Kennedy S. The Business of Lobbying in China. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 278 p.
11. Oi J. C. Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China // World Politics, 1992. No. 45 (1). P. 99–126.
12. Riggs F. W. Thailand: the Modernization of a Bureaucratic Polity. Honolulu : East-West Center Press, 1966. 470 p.
13. Searle P. The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists. Honolulu : University of Hawaii Press, 1998. 318 p.
14. Sidel J. T. Capital, Coercion, and Crime: Bossism in the Philippines. Stanford : Stanford University Press, 1999. 225 p.
15. Stark D. Recombinant Property in East European Capitalism // American Journal of Sociology. 1996. No. 101 (4). P. 993–1027.
16. Tak-Wing Ngo. State-Business Relations in China's Changing Economic Order / Xiaoke Zhang, Tianbiao Zhu (eds.). Business, Government and Economic Institutions in China. Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 47–77.
17. Wank D. L. The Institutional Process of Market Clientelism: Guanxi and Private Business in a South China City // China Quarterly. 1996. No. 147. P. 820–838.
18. Xin Sun, Jiawei Hai. State-Business Relations Under Xi: What has (and hasn't) changed and what are the implications? [Electronic resource] // LSE. November 23rd, 2020. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/cff/2020/11/23/state-business-relations-under-xi-what-has-and-hasnt-changed-and-what-are-the-implications/> (accessed: 31.08.2023).
19. Zhou X. The Institutional Logic of Collusion Among Local Governments in China // Modern China. 2010. No. 36 (1). P. 47–78.

About the author:

Maria A. Pakhomova, graduate student of Faculty of State and Municipal administration of the North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: mariap2707@gmail.com

Глобализация и китайская культура (по работам китайских ученых)

Цинчжо Чи¹, Нуртазина Р. А.^{2,*}

¹ Высшая школа международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

* e-mail: nurtazina1958@gmail.com

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение работ китайских авторов по вопросам влияния глобализации на китайскую культуру.

Цель. Выявить особенности трактовки китайских исследователей по влиянию современных глобальных процессов на традиционную китайскую культуру.

Задачи. Определить приемы, используемые китайскими авторами в трактовке глобализации и влиянии ее на традиционную китайскую культуру.

Методология. Для определения специфики китайского понимания глобальных процессов и влияния их на культуру были использованы исторические, политологические, социологические методы исследования.

Результаты. Китайские исследователи придерживаются позиции, которая объясняет, что разнообразие и единство культуры — два неразделимых аспекта развития культурного многообразия в современном мире. Поэтому в условиях глобализации необходимо не только придерживаться принципа единства культуры как общечеловеческого явления, но и повышать толерантность к культурному разнообразию, исходя из принципа сохранения любой самобытной культуры, каждая из которых в разной степени сегодня подвержена влиянию глобализационных процессов.

Выводы. Для китайских исследователей в условиях глобализации проблема культурного многообразия, во-первых, является важным общечеловеческим фактором, который необходимо сохранять. Во-вторых, многообразие культур — есть условие сохранения собственной, китайской традиционной культуры. В-третьих, традиционная китайская культура в современном Китае стала новой идеологией в управлении государством, что способствует модернизации страны. В-четвертых, сохранение и развитие традиционной китайской культуры благоприятно сказывается на быстром экономическом росте Китая.

Ключевые слова: глобализация, культурные ценности, китайская культура, интеграция, идентичность, традиции

Для цитирования: Цинчжо Чи, Нуртазина Р. А. Глобализация и китайская культура (по работам китайских ученых) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 179–187. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-179-187>

Globalization and Chinese Culture (Based on the Works of Chinese Scientists)

Qingzho Chi^a, Roza A. Nurtazina^{b,*}

^a Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

^b L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

* e-mail: roza_nur@mail.ru

ABSTRACT

The research is aimed at studying the works of Chinese authors on the influence of globalism on Chinese culture.

Aim. To identify the peculiarities of the interpretation of Chinese researchers of the influence of modern global processes on traditional Chinese culture.

Tasks. To determine the techniques used by Chinese authors in the interpretation of globalization and its impact on traditional Chinese culture.

Methods. Historical, political, and sociological research methods were used to determine the specifics of the Chinese understanding of global processes and their impact on culture.

Results. Chinese researchers adhere to the position that explains that diversity and the unity of culture are two inseparable aspects of the development of cultural diversity in the modern world. Therefore, in the context of globalization, it is necessary not only to adhere to the principle of the unity of culture as a universal phenomenon, but also to increase tolerance for cultural diversity, based on the principle of preserving each original culture, which, to varying degrees, are today affected by globalization processes.

Conclusions. For Chinese researchers in the context of globalization, the problem of cultural diversity, firstly, is an important universal factor that must be preserved. Secondly, the diversity of cultures is a condition for preserving one's own, Chinese traditional culture. Thirdly, traditional Chinese culture in modern China has become a new ideology in state administration, which contributes to the modernization of the country. Fourth, the preservation and development of traditional Chinese culture has a positive effect on China's rapid economic growth.

Keywords: globalization, cultural values, Chinese culture, integration, identity, traditions

For citing: Qingzho Chi, Nurtazina R. A. Globalization and Chinese Culture (Based on the Works of Chinese Scientists) // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 179–187. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-179-187>

Введение

Глобализация стала реальным явлением в прогрессе современного общества. В настоящее время глобализация все более отчетливо проявляется в культуре. Процесс глобализации преодолевает географические границы в отношении культурного обустройства и, с одной стороны, приводит к интеграции культуры, а с другой — к конфликтам по причине разнообразия ценностей, существующих в каждой отдельно взятой стране.

Отечественные исследователи уделяют большое внимание влиянию глобализации на культуру [3, с. 40–48]. По их мнению, глобализация влияет на культуру как позитивно, так и негативно и при этом глобализация носит ярко выраженный идеологический характер.

Особого внимания заслуживает влияние глобализации на Китай. Этот процесс особенно активно проявился после начала политики открытости реформ в 1978 г. Традиционные китайские ценности соприкоснулись с глобальной культурой, что привело к возникновению конфликтов на почве идентичности. На этот процесс обратили внимание отечественные исследователи [9].

В отечественной историографии мало исследований, посвященных влиянию глобализации на китайскую культуру. В этой связи определенный интерес вызывает диссертация В. М. Феоктистова «Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации» [7] и статьи Н. А. Соловьевой [6, с. 133–138], И. П. Звездиной [2].

Современные китайские исследователи уделяют большое значение влиянию процессов глобализации на китайскую культуру. Рассмотреть основные направления этих исследований и ставит перед собой данная статья.

Материалы исследования и их обсуждения

В научном сообществе Китая еще нет четкого понимания сущности и специфики понятия глобализации. Китайские ученые Чэнь Лэй [12, р. 38], Хуан Сюйдун [16, р. 140], Чжан Сэньлинь [30, р. 70], Цай То и Сунь Ци [26, р. 81] в своих исследованиях придерживаются западной точки зрения, представленной в работах Р. Робертсона, Э. Гидденса, И. Валлерстайна. Эти авторы настаивают на поликультурном характере глобализационных процессов. Так, например, И. Валлерстайн определяет мир-систему как «общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем» [1, с. 24].

Однако с политической, практической точки зрения правильнее учитывать существование многих центров глобализации. Это положение выдвинул Председатель КНР Си Цзиньпин, сформулировав его следующим образом: «Нужно четко понимать, что исторические традиции, культурные особенности, накопленные в течение продолжительного периода времени, основная государственная специфика каждой страны и нации — все это формировалось по-разному, и каждый из этих путей развития обязательно имеет свои особенности»¹. Особое внимание Си Цзиньпин уделил необходимости возврата к традиционной культуре и, в частности, конфуцианству².

В 2001 г. вышла работа Суй Яня «Межкультурные коммуникации в контексте глобализации» [23]. В ней автор отмечал влияние культурной глобализации на современный характер межкультурных коммуникаций. Одновременно он характеризовал межкультурные коммуникации как тесное переплетение и борьбу двух направлений: глобализации и национальных культурных традиций наций.

Статья Бао Цзунхао «Культурная глобализация и национальная культура» [11, р. 14] стала определяющим фактором в изучении китайскими исследователями вопроса влияния глобальных проблем, влияющих на национальную культуру и, в частности, на китайскую.

Философские вопросы влияния глобализации на культуру в Китае получили освещение в работе И Цзюньцин [28, р. 13–20]. Автор детально рассматривает усиливающийся поток глобального влияния на все стороны жизни китайского общества. Особое внимание уделяется влиянию на уникальную китайскую культуру. В этой связи очень остро встает вопрос о культурной политике КНР, которая является примером, с одной стороны, открытости для внешних тенденций в процессе глобализации, а с другой — примером конструктивного подхода в сохранении своей национальной культурной идентичности и успешного влияния на внешний мир.

Идею сохранения национальной китайской культуры в условиях культурной глобализации подробно развил Чжан Сэньлинь в своей статье «Культурная глобализация: возможности и вызовы для национального культурного развития» [30, р. 70]. В статье рассмотрено неуклонное и последовательное влияние культурной глобализации на этнокультурные ценности китайского общества. Это влияние является объективным противоречивым процессом, которое способствует разъединению мирового сообщества. По мнению автора, мы наблюдаем, с одной стороны, создание универсального культурного универсума, которое приводит к нивелированию этнических особенностей каждой культуры, и, с другой стороны, существование этнического своеобразия с национальными особенностями.

Китайский культуролог Юнь Дэ [29, р. 1–2] отмечает наличие выхода китайской цивилизации из внутренней «автокоммуникационной истории». Этот термин был введен советским культурологом М. Ю. Лотманом в его работе «О двух моделях коммуникации в системе культуры» [4]. Автокоммуникация представляет собой информационный процесс в культуре, при котором совпадают адресат и адресант. В коммуникации это означает совпадение получателя и отправителя информации. Таким образом, Юнь Дэ выступает за согласованное действие культурного выбора в процессе глобализации.

Интересный подход в изучении экономической и культурной глобализации предложил Ван Шуцзу [27]. Он предложил связать идею экономического роста с идеей истории культуры Китая

¹ Confucianism and Globalization: the Survival and Transformation of Traditional Culture in Hyper-Modern China [Электронный ресурс]. URL: https://www.vu.lt/site_files/InFS/alumni/Confucianism_and_Globalization.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

² Cui Xiaosu. Getting Close to Confucianism Three Times in One Year. Why Does Xi Jinping Emphasize so Much on Reviving Traditional Culture? [Электронный ресурс] // Communist Party of China News. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0925/c164113-25731729.html> (дата обращения: 23.12.2015). (На китайском яз.)

в совместном теоретическом дискурсе. По мнению автора, можно выделить четыре периода экономического роста. Первый, с III в. до н. э. до XIII в., длился более 1600 лет. Характерными чертами этого периода были научные и технические достижения, а также конфуцианство как ведущая культурная традиция. Второй период, с XVII по XVIII вв., характеризуется достижениями научной революции, техническими изобретениями, приведшими к переходу от мануфактуры к машинному производству. Теория антропологизма становится доминирующей в культурном развитии. Третий период наблюдался с середины XIX в. до начала XX в. Особенности его были новые направления научной революции с элементами буржуазной демократии, свободы, освобождение индивидуальности и развитие, широкое распространение марксизма, как ведущего культурно исторического течения. Четвертый период начался в 60-х годах XX в. и продолжается по настоящее время. Характерные черты: плановость научных исследований, технологические достижения, развитие национальной культуры [27, р. 8–9].

Из предложенной Ван Шуцзу системы экономического роста отчетливо видно его совпадение с периодами активного роста китайской национальной культуры. В современных условиях, в период политики реформ и открытости в КНР наблюдается активный рост постижений и развития китайской культуры.

Выводы, к которым приходит Ван Шуцзу, следующие: глобализация в экономике становится ведущим фактором, влияющим на культурную глобализацию, а глобализация в культуре, в свою очередь, — объективным и необратимым процессом. Одновременно глобализация культуры влияет на дальнейшее развитие глобализации в экономике. В свою очередь, глобализация в культуре — объективным и необратимым процессом. Одновременно глобализация культуры влияет на дальнейшее развитие глобализации в экономике [Там же, р. 10].

Ли Дэхуа в своей статье «Система интеракции экономической и культурной глобализации» [18, р. 68] подчеркивает влияние экономической глобализации на взаимное сотрудничество, возникшее в истории человечества, как результат культурного обмена. Это сотрудничество становится обязательным в современных условиях. Процесс экономической глобализации непосредственно связан с культурной глобализацией, что приводит к необходимости культурного понимания различных народов. Наличие многообразия различных культур является мощным фактором международного сотрудничества.

Теоретическим проблемам влияния глобализации на культуру посвящены монографии Юнь Дэ [29, р. 1–2] и Чжан Пингуна [31]. В монографии Юнь Дэ рассматривается структурированная проблема культуры в контексте глобализации. Особо подчеркивается опасность потери своей культурной идентичности. Монография Чжан Пингуна посвящена влиянию глобализации на культурную самобытность. Автор подчеркивает, что национальная самобытность является важным фактором в сохранении любви, и китайской в частности, традиционной культуры.

В 2014 г. Школа народной литературы Цинхуаского университета издала работу «История культуры Китая в контексте глобализации» [25]. В этой фундаментальной монографии были затронуты следующие положения: концепция китайской традиционной культуры, обзор и история китайской культуры, ее взаимодействие с другими культурами и, в частности, с западной. Особое внимание было уделено китайской народной культуре в контексте культурной глобализации.

Мировая цивилизация представляет собой совокупность культур, представленных различными народами. Культура каждого народа неповторима и своеобразна. Она характеризуется не только материальными категориями, а в большей степени морально-нравственными ценностями, создавая свою неповторимость и оригинальность.

В этом отношении заслуживает внимание работа Цзоу Гуанвэня [33], опубликованная в 2015 г. По мнению автора, культурное разнообразие — это история цивилизации с ее уникальностью и богатством. Оно формируется и развивается в рамках конкретного культурного пространства, представляя единое звено — глобальное культурное пространство. И следует согласиться с мнением Цзоу Гуанвэня: «...различия в культурном содержании, культурные особенности представляют прелесть мировой культуры» [Там же] и являются предпосылками для общемирового развития.

Цзоу Гуанвэнь отмечает: «Экономический прорыв, который совершила глобализация, породил напряженность между культурными системами, что диктует необходимость постановки вопроса о путях защиты культурного разнообразия, так как это является серьезной проблемой» [33].

В своих рассуждениях Цзоу Гуанвэнь исходит из того, что «культурное многообразие учит человечество толерантности, так принцип толерантности — век культурной интеграции, а следовательно, это позволяет признавать индивидуальные ценности каждой культуры» [Там же].

В заключение Цзоу Гуанвэнь пишет: «...общение в пространстве многообразия культур оформляет рациональную и экзистенциальную ценность „другой“ культуры, что позволяет признавать и ценить собственную культуру» [Там же]. Если Цзоу Гуанвэнь в своих исследованиях исходит из возможности через другие культуры понять свою, то культурный антрополог Хэ Мин считает, что проблема многообразия культур есть проявление человеческой сущности. Оно характеризует человеческое общество и показывает культуру как драгоценное богатство, накопленное в ходе исторического развития.

В статье «Глобализация и ее антропологические проблемы» [15, р. 2–12] Хэ Мин считает, что «это богатство человечества, ...состояние культур в настоящем — это источник духовной силы, который необходим человечеству для устойчивого развития в будущем» [Там же, р. 7]. В заключение автор анализирует взаимосвязь естественного и социального, отмечая, что «культурное разнообразие так же, как и биологическое, которое поддерживает естественный баланс жизни, необходимо для жизнеобеспечения человечества» [Там же].

В работах многих китайских авторов, посвященных влиянию глобализации на китайскую культуру, часто встречаются ссылки на исследования выдающегося антрополога, философа, социолога и этнографа Фэй Сяотуна (1910–2005), в работах которого детально разработан тезис поворота от «стремления к обогащению людей» к «культурному сознанию» [14]. По мнению Чжао Хуна, этот тезис стал ведущим духовным лозунгом в теории китайской социологии, разрабатываемой в Пекинском университете [8, с. 159–162]. Ма Гоцин [21] считает, что именно в работах Фэй Сяотуна этот ведущий тезис позволяет увидеть различные ценности, которые характерны и уникальны для каждой культуры, констатировать взаимное одобрение и принятие одной культуры в другой. Это, в свою очередь, позволяет констатировать наличие «общего ментального порядка» [8].

Лю Хундун в своих работах [19], анализируя последствия культурной глобализации, отмечал, что в современных условиях глобализации имеют место как контакты, так и столкновения различных культур. Эти процессы ведут к тому, что общечеловеческая культура претерпевает культурную трансформацию. По мнению Лю Хундуна, этот процесс становится все более активным. Он исходит из признания многополярности культурного мира. История и реальность подтверждают тот факт, что в мире невозможно господство одной культуры. Монополия и гегемония одной культуры очень вредны для развития общечеловеческой цивилизации, разнообразие культур является важным объективным условием. Лю Хундун констатирует сложность этой проблемы, решение которой требует разрешения культурных конфликтов.

Китайский антрополог Яньсянь Янь в своей статье «Государственная власть и изменения в культуре Китая», опубликованной в сборнике «Многоликая глобализация» [5], подчеркивает уникальность китайского типа культурной глобализации. Это управляемый процесс, где государству отведено определяющее значение [10, с. 53]. Поэтому разрабатываемые китайскими учеными концепции глобализации полностью соответствуют указаниям правительства КНР. При этом следует отметить большие успехи в разработке научных основ развития китайской национальной культуры. Яньсянь Янь отмечает, что КПК активно руководит процессом глобализации в стране во всех ее проявлениях. Начало глобализации в КНР автор связывает с «Политикой реформ и открытости», ставшей новым шагом управляемой глобализации после движения XIX в. «учиться у Запада». Главной целью управляемой глобализации является сохранение культурной самобытности Китая.

Политика Китая в области культуры — это самостоятельное исследование, и оно не входит в рамки данной статьи. Однако следует назвать основные статьи по этой тематике.

Управление государством через идеологию является основой нравственных норм для китайского народа и является продолжением китайской традиционной культуры. К такому выводу приходит

в своей работе Чэнь Исинь [13]. В статье Цай То и Сунь Ци рассмотрены основные направления управления культурной глобализации с учетом роли китайской традиционной культуры [26]. Вопросы культурной безопасности в контексте культурной глобализации рассматриваются в работе Чэнь Лэй [12]. Значение государственного управления для китайской культуры отмечает Ли Двошиан [17]. Сунь Цзяньдун рассмотрел роль традиционной национальной культуры в политике управления государством на основе законов [24]. Эта тема получила дальнейшее развитие в работе Ло Чжицяя [20], где автор главное внимание обратил на законодательство о культуре.

Главной задачей КПК является защита национальных интересов страны. В культурной политике партия защищает национальный суверенитет и через него укрепляет свой международный статус. Поэтому КПК сочетает национальную самобытность и культурную глобализацию. К таким вводам приходит Ши Бэньхуй [22, р. 6].

По мнению Чжоу Цзинцина, только КПК реально способна создать систему управления, при которой возможно осуществить курс на модернизацию страны и эффективно способствовать развитию Китая в условиях глобализации [32].

Заключение

При анализе научных статей китайских исследователей по вопросам влияния глобализации на китайскую культуру можно сделать следующие выводы. Во-первых, авторы рассмотренных выше работ считают, что единство и разнообразие культуры являются двумя неразделимыми аспектами развития культурного многообразия в современном мире. Во-вторых, современное многообразие культур есть условие для сохранения китайской культуры. В-третьих, руководство КНР придает традиционной китайской культуре новый импульс идеологического управления государством, что создаст новые условия для модернизации страны, опирающиеся на китайские традиционные ценности. В-четвертых, стратегическое развитие современного Китая предусматривает развитие традиционной китайской культуры для успешного экономического роста страны.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. С. 24.
2. *Звездина И. П.* Влияние процессов глобализации на культуру Китайской Народной Республики // Научный журнал. 2019. № 2 (36). С. 51–59. EDN: VUNELU
3. *Касаткин П. И.* Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. 2017. Т. 25. № 8. С. 40–48. EDN: ZDQHWL
4. *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1992.
5. Многоликая глобализация: Культ. разнообразие в современном мире: Сборник статей / под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова. М. : Аспект Пресс, 2004. 378 с.
6. *Соловьева Н. А.* Влияние глобализации на культуру малочисленных народов КНР (на примере народов ва и хуэй) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1 (92). С. 133–138. EDN: SECJNN
7. *Феоктистов В. М.* Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007.
8. *Чжао Хун.* Культура и глобализация в исследованиях китайских авторов // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае: сборник статей / под ред. А. В. Петрова, Ван Сюй, Ян Юнькэ. СПб. : Астерион, 2022.
9. *Шогенова Л. А., Астафьева О. Н., Венцель С. В.* Влияние глобализации на культуру Китая // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. EDN: ZXKIH. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-151-155

10. Яньсянь Янь. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 53.
11. Bao Zonghao. Cultural Globalization and National Culture // Newspaper of the Shanghai University of Communications (Social Sciences). 2002. Vol. 10. No. 3. P. 4. (На китайском яз.)
12. Chen Lei. Cultural Globalization: Cultural Security and Cultural Self-Awareness // National Studies in Guangxi. 2010. No. 2. P. 38. (На китайском яз.)
13. Chen Yixin. The Ideology of State Governance Based on Moral Norms Is a Legacy and Continuation of Chinese Traditional Culture // Newspaper of Guangdong Polytechnic University. Social Sciences. 2003. June. Vol. 3. P. 205–208. (На китайском яз.)
14. Fei Xiaotong. Thoughts on the Historical and Social Nature of Culture [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artanthropology.com/show.aspx?id=611&cid=60> (дата обращения: 17.04.22) (На китайском яз.).
15. Hae Min. Globalization and Its Anthropological Problems // Ideological Front. 2016. Vol. 42. Issue 4. P. 2–12 (На китайском яз.)
16. Huang Xudong. Strategy for the Development of Modern Chinese Culture under Cultural Globalization // Social Science in Henan. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 140. (На китайском яз.)
17. Li Daoshian. Chinese Culture and Modern Public Administration [Электронный ресурс] // Baidu Library. URL: <https://www.taodocs.com/p-68977989-2.html> (дата обращения: 22.11.2015). (На китайском яз.)
18. Li Dehua. The System of Interaction of Economic and Cultural Globalization // Hebei Scientific Journal. 2001. Vol. 21. No. 4. P. 68. (На китайском яз.)
19. Liu Hongdong. Cultural Differences and Dialogue in the Context of Globalization [Электронный ресурс]. URL: <https://m.xzbu.com/7/view-4618621.htm> (дата обращения: 12.05.22). (На китайском яз.)
20. Luo Zhijia. The Policy of Governing the State on the Basis of and in Accordance with the Law and on the Basis of Culture // Newspaper of the Changji Institute. 2015. No. 1. P. 40–45. (На китайском яз.)
21. Ma Guoqing. [Book Review] Following Fei Xiaotong's Thoughts. URL: <https://m.yunnan.cn/system/2020/12/30/031209126.shtml> (дата обращения: 15.05.22). (На китайском яз.)
22. Shi Benhui. Globalization and the Guiding Strategy of the CPC // Social Scientific Research. 2001. No. 4. P. 6. (На китайском яз.)
23. Sui Yan. Intercultural Communications in the Context of Globalization // Newspaper of the Institute of International Relations. 2001. No. 3. P. 38–42. (На китайском яз.)
24. Sun Jiandong. The Role of Traditional National Culture in the Policy of Government on the Basis of and in Accordance with the Law // Newspaper of the Wuhan Shipbuilding Institute. Humanities and Social Sciences. 2015. No. 2. P. 140–143. (На китайском яз.)
25. The History of Chinese Culture in the Context of Globalization / Tsinghua University School of Folk Literature. Beijing : Peking University Press, 2014. (На китайском яз.)
26. Tsai To, Sun Qi. Management of Cultural Globalization — Analysis of the Role of Chinese Traditional Culture // Newspaper of Nankai University (Philosophy and Social Sciences). 2009. No. 6. P. 81. (На китайском яз.)
27. Wang Shuzzu. Economic Globalization and Cultural Globalization. Beijing : Chinese Political and Economic Publishing House. 2006. (На китайском яз.)
28. Yi Junqing. The Cultural Logic of Globalization and the Cultural Situation in China // Philosophical Studies and Social Sciences. 2002. No. 1. P. 13–20. (На китайском яз.)
29. Yun De. Cultural Choice in the Context of Globalization. Beijing : Publishing House of Folk Literature, 2008. (На китайском яз.)
30. Zhang Senlin. Cultural Globalization: Opportunities and Challenges for National Cultural Development // Newspaper of the North-Eastern Pedagogical University (Philosophy and Social Sciences). 2007. No. 5. P. 70. (На китайском яз.)
31. Zhang Pingong. Globalization and Cultural Identity. Guangzhou : Jinan University Press. 2013. (На китайском яз.).
32. Zhou Jingqing. Reconstruction of Managed Resource Systems of Economic Globalization in the Activities of the CPC // Search. 2005. No. 4. P. 43. (На китайском яз.)

33. *Zou Guangwen*. How to Protect Cultural Diversity in the Era of Globalization [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1662/57505.htm> (дата обращения: 29.04.22). (На китайском яз.)

Об авторах:

Цинчжо Чи, аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: chitszho@gmail.com

Нуртазина Роза Ауталиповна, профессор кафедры политологии факультета журналистики и политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), доктор политических наук, профессор;
e-mail: roza_nur@mail.ru

References

1. Wallerstein I. Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World. Saint Petersburg : Publishing house "University Book", 2001. P. 24. (In Rus.)
2. Zvezdina I. P. The Influence of Globalization Processes on the Culture of the People's Republic of China // Scientific Journal [Nauchnyi zhurnal]. 2019. No. 2 (36). P. 51–59. (In Rus.) EDN: VUNELU
3. Kasatkin P. I. Globalization of Culture: Problems and Prospects // The Authority [Vlast']. 2017. Vol. 25. No. 8. P. 40–48. (In Rus.) EDN: ZDQHWL
4. Lotman Yu. M. About Two Models of Communication in the Cultural System // Selected articles in three volumes. Vol. 1. Articles on Semiotics and Topology of Culture. Tallinn : Alexandra, 1992. (In Rus.)
5. Multifaceted Globalization: Cult. Diversity in Modernity. World / ed. by Peter L. Berger and Samuel P. Huntington; transl. by V. V. Sapov. Moscow : Aspect Press, 2004. 378 p. (In Rus.)
6. Solovyeva N. A. The Impact of Globalization on Culture Indigenous Peoples of China (for Example, Va and Hui) // Bulletin of ZabGU [Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta]. 2013. No. 1 (92). P. 133–138. (In Rus.) EDN: SECJNN
7. Feoktistov V. M. Cultural and Civilizational Values of the Concept of National Security of the People's Republic of China in the Context of Globalization: dis. ... PhD in. Philosophy. Chita, 2007. URL: <https://www.dissertat.com/content/kulturno-tsivilizatsionnye-tsennosti-kontseptsii-natsionalnoi-bezopasnosti-knr-v-usloviyakh-> (accessed: 03/15/2016). (In Rus.)
8. Zhao Hong. Culture and Globalization in the Studies of Chinese Authors // Historical Sociology and Modern Social Development in Russia and China: a collection of articles / ed. by A. V. Petrov, Wang Xu, Yang Yunke. Saint Petersburg : Asterion, 2022. (In Rus.)
9. Shogenova L. A., Astafyeva O. N., Ventsel S. V. Globalisation Impact on Chinese Culture // State and Municipal Administration Scientific Notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski]. 2017. No. 4. (In Rus.) EDN: ZXKIHL. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-151-155
10. Yanxian Yan. State Power and Changes in Chinese Culture // The Multifaceted Globalization / ed. by P. Berger and S. Huntington. Moscow : Aspect Press, 2004. 53 p. (In Rus.)
11. Bao Zonghao. Cultural Globalization and National Culture // Newspaper of the Shanghai University of Communications (Social Sciences). 2002. Vol. 10. No. 3. P. 14. (In Chin.)
12. Chen Lei. Cultural Globalization: Cultural Security and Cultural Self-Awareness // National Studies in Guangxi. 2010. No. 2. P. 38. (In Chin.)
13. Chen Yixin. The Ideology of State Governance Based on Moral Norms Is a Legacy and Continuation of Chinese Traditional Culture // Newspaper of Guangdong Polytechnic University. Social sciences. 2003. June. Vol. 3. P. 205–208. (In Chin.)
14. Fei Xiaotong. Thoughts on the Historical and Social Nature of Culture [Electronic resource]. URL: <http://www.artanthropology.com/show.aspx?id=611&cid=60> (accessed 17.04.22). (In Chin.)

15. Hae Min. Globalization and Its Anthropological Problems // *Ideological Front*. 2016. Vol. 42. Issue 4. P. 2–12 (In Chin.)
16. Huang Xudong. Strategy for the Development of Modern Chinese Culture under Cultural Globalization // *Social Science in Henan*. 2009. Vol. 17. No. 3. P. 140. (In Chin.)
17. Li Daoshian. Chinese Culture and Modern Public Administration [Electronic resource] // Baidu Library. URL: <https://www.taodocs.com/p-68977989-2.html> (accessed: 11.22.2015). (In Chin.)
18. Li Dehua. The System of Interaction of Economic and Cultural Globalization // *Hebei Scientific Journal*. 2001. Vol. 21. No. 4. P. 68. (In Chin.)
19. Liu Hongdong. Cultural Differences and Dialogue in the Context of Globalization [Electronic resource]. URL: <https://m.xzbu.com/7/view-4618621.htm> (accessed: 12.05.22) (In Chin.)
20. Luo Zhijia. The Policy of Governing the State on the Basis of and in Accordance with the Law and on the Basis of Culture // *Newspaper of the Changji Institute*. 2015. No. 1. P. 40–45. (In Chin.)
21. Ma Guoqing. [Book Review] Following Fei Xiaotong's Thoughts [Electronic resource]. URL: <https://m.yunnan.cn/system/2020/12/30/031209126.shtml> (accessed: 15.05.22). (In Chin.)
22. Shi Benhui. Globalization and the Guiding Strategy of the CPC // *Social Scientific Research*. 2001. No. 4. P. 6. (In Chin.)
23. Sui Yan. Intercultural Communications in the Context of Globalization // *Newspaper of the Institute of International Relations*. 2001. No. 3. P. 38–42. (In Chin.)
24. Sun Jiandong. The Role of Traditional National Culture in the Policy of Government on the Basis of and in Accordance with the Law // *Newspaper of the Wuhan Shipbuilding Institute. Humanities and Social Sciences*. 2015. No. 2. P. 140–143. (In Chin.)
25. The History of Chinese Culture in the Context of Globalization / Tsinghua University School of Folk Literature. Beijing : Peking University Press, 2014. (In Chin.)
26. Tsai To, Sun Qi. Management of Cultural Globalization — Analysis of the Role of Chinese Traditional Culture // *Newspaper of Nankai University (Philosophy and Social Sciences)*. 2009. No. 6. P. 81. (In Chin.)
27. Wang Shuzhu. Economic Globalization and Cultural Globalization. Beijing : Chinese Political and Economic Publishing House. 2006. (In Chin.)
28. Yi Junqing. The Cultural Logic of Globalization and the Cultural Situation in China // *Philosophical Studies and Social Sciences*. 2002. No. 1. P. 13–20. (In Chin.)
29. Yun De. Cultural Choice in the Context of Globalization. Beijing : Publishing House of Folk Literature, 2008. (In Chin.)
30. Zhang Senlin. Cultural Globalization: Opportunities and Challenges for National Cultural Development // *Newspaper of the North-Eastern Pedagogical University (Philosophy and Social Sciences)*. 2007. No. 5. P. 70. (In Chin.)
31. Zhang Pingong. Globalization and Cultural Identity. Guangzhou : Jinan University Press. 2013. (In Chin.)
32. Zhou Jingqing. Reconstruction of Managed Resource Systems of Economic Globalization in the Activities of the CPC // *Search*. 2005. No. 4. P. 43. (In Chin.)
33. Zou Guangwen. How to Protect Cultural Diversity in the Era of Globalization [Electronic resource]. URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1662/57505.htm> (accessed: 29.04.22). (In Chin.)

About the authors:

Qingzhou Chi, postgraduate student of the Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: chitszho@gmail.com

Roza A. Nurtazina, Professor of Political Science Department of Faculty of Journalism and Political Science of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan), Doctor of Science (Political Science), Professor; e-mail: roza_nur@mail.ru

---

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация Заведующий кафедрой .....

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы.

М. : Прогресс, 1972.

– публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– статьи в научных журналах:

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. *Манойло А. В.* Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии.

Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psuwar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler MediaGroup. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2023. Том 17, № 3

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.09.2023.

Подписано к печати 30.09.2023.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,875. Тираж 100 экз.

Заказ № 3/2023.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72
